Рассылается по специальному списку

№ 1

ВЕЛИКИЙ ВЫЗОВ

Том I

Выпуск второй

США

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
Москва
1969

ВЕЛИКИЙ ВЫЗОВ

Сравнительная энциклопедия
США — СССР

Составители Марк Сапорта и Жорж Сориа

Перевод с французского

Том I

Выпуск второй

США

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
Москва
1969

LE GRAND DÉFI

ENCYCLOPÉDIE COMPARÉE USA—URSS

Publiée sous la direction de
Marc Saporta et Georges Soria

Paris
Robert Laffont
1967

II

Экономика

Принципы и структуры

14. Экономическая политика
15. Средства экономической политики

14. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

С «капиталистом», как равный с равным

По всеобщему признанию, Соединенные Штаты представляют собой преимущественно капиталистическое общество. Впрочем, еще нужно уточнить, что́ именно понимают под этим термином. Фактически экономическая система Соединенных Штатов не поддается какому-либо теоретическому определению, по крайней мере по двум главным причинам: она целиком прагматична и в силу именно этого прагматизма находится в состоянии непрерывной эволюции. Анализируя ее, Рассел Дэвенпорт мог с полным основанием говорить о «перманентной революции».

Капитализм, по утверждению Раймона Арона, является такой экономической системой, где средства производства могут быть объектом частного присвоения, где равновесие между производством и потреблением устанавливается посредством законов рынка, а не с помощью планируемых решений, где существуют владельцы средств производства и наемные труженики, располагающие только собственной рабочей силой, где главной движущей силой является погоня за прибылью и где распределение ресурсов происходит с помощью цен.

Теоретически, если исходить из этих критериев, американская экономика может выглядеть как экономика капиталистическая. Действительность, однако, более сложна. Собственность на средства производства, как правило, носит по преимуществу частный характер, но это правило имеет исключения, что наиболее наглядно подтверждается существованием Администрации по развитию водного, энергетического и сельского хозяйства долины реки Теннесси (TVA), которая снабжает электроэнергией район, охватывающий несколько штатов. Появление этой организации относится к эпохе Рузвельта. Ее инициаторы рассматривали свое детище отнюдь не как первый удар по устоям частной собственности, а как практический способ обеспечить тысячи безработных работой и освоить район, в ту пору развитый слабо.

Фактически эта организация так и осталась единственной в своем роде. В дальнейшем освоением других американских водных бассейнов занялись частные предприятия. TVA функционирует примерно так же, как французская «Электри-

сите де Франс» (EDF). Ее тарифы устанавливает соответствующий федеральный орган на том же основании, что и тарифы частных компаний по распределению электроэнергии. Другие федеральные органы строго регламентируют еще ряд областей экономической деятельности. Так, одно государственное учреждение выдает необходимые разрешения — то есть указывает, на каких волнах они могут работать,—радиостанциям и телевизионным центрам. Другое контролирует компании воздушного транспорта, следит за их тарифами, дает разрешение на создание коммерческих авиалиний. Вмешательство государства в работу ядерной промышленности осуществляется через Комиссию по атомной энергии. В целом такого рода вмешательство и регламентация иногда ставят средства производства в столь жесткие рамки, что право собственности в значительной степени утрачивает свою сущность. К тому же, хотя крупные предприятия и являются «частными», они тем не менее не имеют «личного» характера, поскольку принадлежат сотням тысяч акционеров.

Больше того, если понятие частной собственности на средства производства предполагает, согласно традиционной терминологии, «всемогущество владельца» и «эксплуатацию труженика», то сейчас такой критерий уже не приемлем. Американский «капиталист» отнюдь не в состоянии произвольно навязывать труженику свою волю, и трудящийся благодаря своим профсоюзным организациям и своей политической мощи (см. гл. 11) разговаривает с ним, как равный с равным.

Равновесие между производством и потреблением достигается естественным путем с помощью закона спроса и предложения, а не в результате приказов государства. Однако государство все больше и больше вмешивается в этот процесс. Когда раньше нарушалось равновесие, то разражался кризис в форме депрессии, если производство значительно обгоняло потребление, и в форме инфляции в случае обратного явления. Ныне государство располагает необходимыми средствами для поддержания надлежащего равновесия, и оно прибегает к этим средствам: например, иногда оно угрожает выбросить на рынок часть своих колоссальных запасов, чтобы помешать повышению цен на некоторые продукты (в 1966 г. такими продуктами были медь и алюминий), или, наоборот, иногда оно выступает в качестве покупателя, чтобы удержать цены (в частности, на сельскохозяйственные продукты) на прежнем уровне.

Главной движущей силой американской экономики остается прибыль предприятий независимо от того, идет ли речь о личных предприятиях или об акционерных обществах. Однако большинство американских экономистов утверждает, что частное предприятие уже не является самоцелью, а представляет собой лишь известную форму экономической органи-

зации, считающуюся самой эффективной из всех возможных, то есть такую форму, которая позволила удовлетворить потребности людей в Соединенных Штатах при минимальном вмешательстве со стороны властей.

К тому же прибыли систематически контролируются, сокращаются, реинвестируются. Они контролируются государством столь строго, что почти не остается возможности для злоупотреблений. Прибыли сокращаются прежде всего с помощью всемерно поощряемой конкуренции, затем с помощью твердо установленных и непоколебимо взимаемых налогов. И наконец, они в значительной степени реинвестируются, ибо ни одно предприятие не может жить в условиях развивающейся экономики, не направляя максимально возможную долю реализуемых им прибылей на усовершенствование и расширение своего производства.

Сама система ценообразования — основа всей структуры — уже отнюдь не отвечает традиционному определению ее как капиталистической. Так, например, цены на основную продукцию сельского хозяйства уже более не определяются в соответствии с законом спроса и предложения; сейчас они определяются таким образом, чтобы сохранить покупательную способность земледельца на прежнем уровне, защитив ее тем самым от чрезмерных колебаний рынка. Заработная плата, являющаяся существенным элементом издержек производства, в конечном счете устанавливается правительством и профсоюзами, причем первое определяет законные минимальные ставки и нередко выступает в качестве арбитра в переговорах об условиях коллективных договоров; профсоюзы же придают трудящимся коллективную силу, с которой предприниматели вынуждены считаться. Промышленные цены на сырье складываются в порядке, так сказать, контролируемой свободы; бывали случаи, что президенты — и в частности Дж. Ф. Кеннеди — пользовались средствами психологического или экономического принуждения, чтобы помешать владельцам металлургических предприятий повысить цены на свою продукцию, и добивались этого во имя национальных интересов и борьбы против инфляции.

Таким образом, американская система не отвечает более принятому у экономистов классическому определению капитализма, даже если в большинстве случаев ценности, наиболее дорогие сердцу американцев, и являются ценностями, превозносимыми капитализмом, а именно производительность и рентабельность; право каждого человека на продукт своего труда — на свой урожай, свои прибыли, свой заработок; значение, придаваемое личной инициативе, и подозрительность ко всему, что могло бы ее ограничить.

С помощью своей экономической системы американцы пытаются достичь определенных целей гуманного и социального

характера, которые для других государств представляются еще отдаленными. Например, обеспечить каждому человеку все шансы, какие только возможны, и сделать максимально высокий уровень жизни всеобщим достоянием. Эта двойная цель породила в США «экономику изобилия», пока единственную во всем мире. Это изобилие было достигнуто с помощью последовательного использования ряда средств, и в первую очередь, несомненно, с помощью традиционного капитализма. Но по пути к этому оказалось более важным удовлетворить пожелания нации, чем подчиниться требованиям экономической ортодоксальности. Именно этот эмпиризм и лежит в основе экономического успеха Соединенных Штатов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Заставить уважать правила игры

В системе, основанной на рыночной экономике, не должно было бы существовать экономической политики в самом узком смысле этого слова. Естественная игра цен должна была бы определять количество и качество выпускаемой продукции, распределять сырьевые ресурсы, направлять капиталовложения, производить необходимую переброску рабочей силы. Но такой «свободный» капитализм существовал только в воображении некоторых экономистов. Фактически американское государство всегда ставило перед собой известное число целей экономического порядка и, что особенно важно, постепенно обеспечивало себя средствами для их достижения.

По правде говоря, роль государства в американской экономике служит предметом споров еще и сегодня. Речь идет не о самом принципе: авторы конституции 1787 г. уже указали в общих чертах, что этот документ, помимо прочих целей, имеет цель содействовать «общему благосостоянию».

И все же настоящий поворот к политике правительственного вмешательства в экономическую жизнь страны был сделан 4 марта 1933 г., в тот день, когда в Белом доме обосновался президент Франклин Д. Рузвельт. В самом деле, избрание этого преемника Герберта Гувера прозвучало как отходная по целому ряду глубоко укоренившихся представлений, на которых, как полагали, покоились экономические успехи страны, и в особенности по мифу о частном предприятии, свободном от всякого принуждения. Мировой кризис 1929 г. уже отправил эти представления на кладбище, как и некоторые другие общепринятые взгляды. Американские избиратели выразили свою волю заменить их идеей «государства всеобщего благоденствия», которое примиряет требования индустриального общества, не принося вместе с тем в жертву основные свободы, составляющие самую сущность демократии.

И действительно, президент Рузвельт должен был претворить в жизнь теории Кейнса о стимулирующем влиянии на экономику правительственных расходов. Тем самым он стал первым главой государства, последовавшим за этим английским экономистом. Так родился «новый курс».

«Новый курс» на своем первом этапе имел целью поставить на ноги почти полностью не согласованную экономику, одновременно намечая основы политики вмешательства в экономику, послужившей для федерального правительства руководством к действию.

Основная идея такова: государство должно установить рамки, в которых будет протекать экономическая жизнь страны, с тем чтобы помешать монополиям извратить закон рынка и чтобы защитить граждан от возможных злоупотреблений со стороны магнатов экономики.

Мысль эта не нова: еще в 1890 г. закон Шермана положил начало антитрестовскому законодательству, следующим шагом на пути к которому явился в 1914 г. закон Клейтона. Но до прихода Рузвельта экономическое законодательство применялось очень мягко. Тресты оказывались порой более могущественными, чем призванная наблюдать за ними судебная власть.

В дальнейшем начиная с 30-х гг. провозглашенная цель американской экономической политики состоит в обеспечении процветания страны. Такая цель предполагает личное процветание всех граждан, неотделимое от определенных принципов, которые в понимании американцев придают материальному благополучию весь его смысл: это политическая и экономическая свобода, защита личной инициативы, право каждого располагать плодами своего труда.

Все нити этой политики держит в своих руках государство с помощью двух видов своей власти — исполнительной и законодательной. Президент ежегодно намечает в своих посланиях конгрессу основные линии той политики, которую он намерен проводить. Затем он выдвигает проекты конкретных законов, призванных претворить эту политику в жизнь. Законодательная власть изучает предложения президента, в случае необходимости вносит в них изменения, утверждает или отклоняет их. Ей фактически принадлежит право принятия решений: она самодержавно распоряжается финансами государства.

Поскольку всеобщее процветание является, так сказать, суммой личных процветаний, государство было вынуждено вмешиваться в экономику, чтобы защитить если не отдельных граждан, то по крайней мере те их категории, которые естественная игра экономических законов ставила в неблагоприятное положение. Таким образом государство нарушает естественную игру экономических законов, гарантируя, напри-

мер, цены на некоторые сельскохозяйственные продукты, чтобы сохранить доходы земледельцев на прежнем уровне. Вместе с тем оно влияет и на взаимоотношения между предпринимателями и трудящимися посредством своих законов о минимальной заработной плате, о продолжительности рабочего дня, о коллективных договорах и праве на забастовки. И наконец, при случае оно ограждает посредством таможенных тарифов интересы некоторых секторов промышленности, которым угрожает иностранная конкуренция.

Все эти виды государственного вмешательства осуществляются в рамках целей экономической политики. И тем не менее они имеют прежде всего социальный характер.

Вмешательство, направленное на защиту свободной конкуренции, является мерой чисто экономического порядка. Оно основывается на принципиальной позиции правительства: в условиях свободного предпринимательства на государстве лежит обязанность заставить всех без исключения уважать правила игры. Таким образом, государство должно наказывать любое нарушение этих правил, противодействуя нечестной конкуренции или образованию монополий, ведущему к ликвидации всякой конкуренции, или же, наконец, продаже продукции столь скверного качества, что она представляет собой грабеж населения. Отсюда возникло антитрестовское законодательство, обладающее такой силой, о которой нередко за границей и не подозревают (совсем недавно, например, оно привело к аресту руководителей одной из крупнейших американских компаний — «Дженерал электрик», - обвиненных в заключении соглашений по вопросам цен), отсюда же вытекает строгое наблюдение за поступающими на рынок продуктами и вообще то сильное воздействие, которое оказывается на общественное мнение, чтобы побудить его принять непосредственное участие в борьбе против злоупотреблений. Кроме того, государство обязано, в соответствии с принятым в 1946 г. законом о занятости, «обеспечивать максимально высокий уровень занятости, производства и покупательной способности». Здесь опять-таки речь идет о подлинной экономической политике, которая, не вмешиваясь в решения предпринимателей, трудящихся и потребителей, использует в качестве своего важнейшего орудия власть федерального правительства и находящиеся в его распоряжении средства воздействия на фискальную, денежную и кредитную систему, а также на те области, в которые государство вмешивается более или менее непосредственно (программы крупных работ в секторах экономики с высоким уровнем безработицы, распределение правительственных заказов, создание специальных органов вроде администрации помощи строительству и т. д.).

Эта деятельность направлена на предотвращение «цикли-

ческих кризисов», некогда поражавших капиталистическую систему, и на замену «скачкообразного» развития экономики равномерным прогрессом.

С этой целью широко применяется маневрирование налоговыми ставками — разумеется, с согласия конгресса, который их утверждает. Опыт 1960 — 1965 гг. показывает, что существенное сокращение налогов — в тех случаях, когда экономика проявляет признаки замедления темпов развития, — немедленно заставляет ее сделать необходимый «рывок» вперед. Зато в условиях наметившихся инфляционных тенденций один «поворот фискального винта» убирает излишнюю покупательную способность и восстанавливает равновесие между спросом и предложением.

Те же результаты достигаются и посредством повышения или, наоборот, снижения процентной ставки. Здесь, однако, конгресс не является непосредственным инициатором мероприятий, проводимых на уровне федеральной банковской системы: учетная процентная ставка устанавливается Совещательным комитетом федеральных банков, органом, обладающим значительной независимостью как от исполнительной, так и от законодательной власти и проводящим свою собственную денежную политику, содействуя достижению общей цели: обеспечению гармонического роста экономики. Тем не менее его политика подчас расходится с правительственной политикой, ибо он руководствуется больше экономическими и финансовыми соображениями, чем соображениями политического и социального характера.

Однако в самом верхнем звене происходит известная синхронизация действий: членов Совета управляющих назначает президент Соединенных Штатов, и предполагается, что подбираемые на эти посты люди в целом разделяют его взгляды.

Итак, если учесть сделанные выше оговорки, то напрашивается следующий вывод: структура американских учреждений обеспечивает такое положение, при котором экономическая политика, или то, что́ можно считать таковой, исходит из Белого дома; рядом с президентом находятся Совет экономических консультантов, министр финансов и его штаб, и в случае необходимости президент не останавливается перед созданием особых комиссий, состоящих из видных специалистов, которые представляют ему доклады по той или иной проблеме.

При возникновении конфликтов конгресс может действовать эффективно, отказываясь утвердить некоторые статьи бюджета и урезывая испрашиваемые кредиты.

Президент также не отказывает себе в праве на непосредственное личное вмешательство в экономическую жизнь страны, когда находит это нужным: Линдон Джонсон, а до него Джон Ф. Кеннеди и Дуайт Эйзенхауэр неоднократно прибега-

ли к нажиму на некоторые экономические круги (в частности, на предпринимателей сталелитейной и алюминиевой промышленности), чтобы помешать им принять решения, идущие вразрез с общей политикой правительства. Именно таким путем удалось избежать повышения цен на основные виды сырья и увеличения заработной платы, которое было сочтено чрезмерным и способным усилить инфляционные тенденции.

И в заключение отметим, что в отличие от того, что часто думают, — американская система в значительной степени отходит от принципа «свободной игры» экономических стихий, характерной для капитализма XIX в., даже если в основном она опирается на свободное предпринимательство. Фактически ни одна из сил, действующих в американской экономике — фермерские организации, профсоюзы, промышленники, торговцы, представители свободных профессий, политическая власть, — не может на сколько-нибудь продолжительное время взять верх над другими. Все они жизнеспособны, динамичны и даже могущественны, но их действия отвергаются и встречают противодействие, если они глубоко затрагивают интересы остальных групп и самой нации. И роль арбитра в этих вопросах принадлежит государству.

ЦЕНТРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Прежде всего решают потребители

Ушли те времена, когда несколько крупных магнатов промышленности — Рокфеллеры или Морганы — диктовали в Соединенных Штатах экономические законы.

В условиях экономики современного свободного предпринимательства центром принятия решений является в конечном счете индивид, который показывает свой выбор посредством своей покупательной способности и через профсоюзы или предприятия.

В качестве потребителя он оказывает очень большое воздействие на ориентацию экономической деятельности страны; способ использования им своих средств делает его ключевым элементом рынка. В качестве избирателя он создает и поддерживает те политические институты, которые кажутся ему наиболее способными обеспечить его развитие, установить юридические рамки его жизни и контролировать соблюдение правил экономической игры. В качестве трудящегося он воздействует на систему заработной платы и цен; для этой цели он располагает мощными профсоюзными организациями, выражающими его волю и защищающими его интересы. В качестве руководителя предприятия он обеспечивает стимулы, оживляющие всю экономическую систему; и здесь он также обладает представительными организациями, которым дове-

ряет заботу о создании атмосферы, необходимой для его личной деятельности. Группы, оказывающие давление, известные под названием «лобби», нередко занимали целые полосы газеты своими подчас спорными выступлениями, в частности в кулуарах конгресса, где они пытаются повлиять на сенаторов и членов палаты представителей в моменты голосования по некоторым важным вопросам.

Эти различные аспекты экономической власти порождают множество центров принятия решений, в которых определяются крупные экономические задачи. Плюралистскому обществу автоматически соответствует плюралистская экономика. Акция потребителя самая простая: выбрать продукт, на приобретение которого он готов потратить деньги. Влияние его огромно: расходы на потребление поглощают свыше 70% всего национального дохода Соединенных Штатов (то есть общей суммы всех поступающих в распоряжение частных лиц, обществ и правительственных учреждений вознаграждений, заработной платы, доходов от недвижимого имущества и прибылей от предприятий). Остальная часть национального дохода идет на капиталовложения — частные или правительственные, — на финансирование правительственной деятельности, в том числе и расходов на национальную оборону и на инвестиции за границей. Американский потребитель располагает немалыми средствами: уровень его доходов — самый высокий в мире, и после удовлетворения своих элементарных потребностей он может тратить все возрастающую часть этих доходов на вещи, не являющиеся предметами первой необходимости. Но хотя его свобода в этом смысле кажется абсолютной (он может приобретать все, что захочет и где ему заблагорассудится), тем не менее она подвергается колоссальному натиску со стороны рекламы.

В настоящее время решения предпринимателей касаются прежде всего средств производства: именно руководитель предприятия устанавливает, какую продукцию ему выгоднее всего выпускать и какие для этого необходимы капиталовложения, при этом он руководствуется целым рядом соображений, в частности перспективами на продажу изготовленных им товаров, своими финансовыми возможностями и своими нуждами. Предприниматель пользуется в рамках закона самой широкой свободой. Но его деятельность в огромной степени определяется отношениями свободной конкуренции. Недостаточно решить, какие именно товары он будет производить: нужно еще, чтобы производство этих товаров обошлось ему как можно дешевле, чтобы он мог продавать их по самой низкой цене. Ведь всегда имеется другой предприниматель, которого привлекает тот же самый рынок и который в состоянии производить тот же самый товар, и выбор в конечном счете происходит в пользу потребителя, что, впрочем, не все-

гда протекает без ожесточенной борьбы, хотя некоторые незаконные методы, практиковавшиеся в прошлом, сегодня уже не в ходу или же запрещены антитрестовскими законами.

Что касается правительства, то оно вмешивается главным образом в область государственной жизни. С помощью традиционной законодательной и бюджетной процедуры оно принимает — в общенациональных или местных масштабах — решение относительно значимости и функции государственных служб. Его роль в вынесении решений, касающихся частных секторов экономики, становится, однако, все более и более важной и все более и более широкой по охвату. В силу того что оно обладает значительной покупательной способностью и пользуется ею, оно фактически осуществляет множество операций экономического порядка. Расходы государства на трех уровнях власти, предусматриваемых американской конституцией — местных властей, органов власти штатов и федеральных органов власти, — составляют в своей совокупности около 20% всего национального дохода. Эти огромные средства независимо от того, идут ли они на содержание государственных служб или на покупку имущества и оплату различных услуг, неизбежно оказывают воздействие на экономическую деятельность страны.

На правительстве также лежит и обязанность защищать интересы определенных групп общества. Предпринимателей защищают от иностранной конкуренции таможенные тарифы. Специальные субсидии выделяются в помощь фермерам, железнодорожным компаниям, предприятиям воздушного транспорта. Специальные администрации оказывают поддержку, помогают советами мелким предприятиям, потребителям, профсоюзным организациям.

Эта политика исходит из одной руководящей идеи: речь идет о том, чтобы установить и заставить соблюдать определенные правила экономической игры, ибо если позволить вести эту игру в обстановке ничем не ограниченной свободы, то неизбежно последуют различные злоупотребления. Именно под этим углом зрения следует рассматривать, в частности, антитрестовское законодательство и регламентацию деятельности таких секторов экономики, как транспорт, банки, биржа и т. д.

И наконец — и это самое главное и самое новое в американской экономике, — правительство вправе ставить определенное число крупных экономических задач путем использования традиционных средств, право применять которые в этих конкретных целях у него оспаривалось (так же, как право кредитования и налогообложения). И действительно, со времени Рузвельта закон возлагает на него миссию стимулировать полную занятость (1946) и, как общее правило, следить за состоянием экономики. Это ему до сих пор удавалось,

хотя оно ни разу не прибегало к помощи авторитарных средств и существенно не ограничивало личную инициативу.

Следует также отметить, что отсутствие какого-либо центрального органа, навязывающего экономике свои решения, вовсе не означает, что американская экономика развивается совершенно бесплановo.

В самом деле, предприниматели решают вопрос о необходимых капиталовложениях на основе долгосрочных прогнозов, учитывающих перспективы общего развития, — точно так, как это делают плановики в правительственных учреждениях. Так же поступают и фермеры. Естественно, что при этом проявляются различия в оценках положения. Они служат поводом для дискуссий и споров, протекающих в рамках конституционного процесса. Не исключена возможность и бурных конфликтов: возникают парламентарные тупики, вспыхивают забастовки, наблюдаются даже биржевые махинации, направленные на то, чтобы взбудоражить общественность, или же через печать или телевидение передаются призывы к стране.

В конце концов именно правительство ищет почву для соглашения, поскольку его экономическая политика стремится обеспечить равномерное развитие экономики. Оно вмешивается не через посредство какого-то авторитарного плана, а с помощью гибких и разнообразных мероприятий, совместимых с действием законов рынка. Таким образом, фермер и промышленник, профсоюзный лидер и чиновник государственного аппарата — все они устанавливают свои собственные критерии в отношении экономической деятельности в той области, которая входит в сферу их компетенции, однако в рамках перспектив, разработанных органами государственной власти или институтами экономических исследований. Чем правильнее оказываются эти индивидуальные прогнозы, тем меньше необходимость в правительственном вмешательстве. Итак, в конечном счете окончательное решение представляет собой не более чем совокупность индивидуальных решений.

2 Зак. 36

15. СРЕДСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

ПРЕДПРИЯТИЕ

Частные предприятия: миллионы акционеров

Частное предприятие образует основную ячейку американской экономики. В силу особых обстоятельств (секвестрование имущества противника, создание в ходе войны атомной промышленности) некоторые предприятия находились под управлением государства; они вернулись в частный сектор, как только пришло время это сделать. Лишь одно государственное предприятие составляет исключение, подтверждающее общее правило, — Администрация по развитию водного, энергетического и сельского хозяйства реки Теннесси, созданная Франклином Рузвельтом для разработки ресурсов бассейна реки Теннесси (см. гл. 14, а также т. II). Согласно действующему в Соединенных Штатах порядку, создание какого-либо государственного предприятия допустимо лишь в том случае, если в каком-то жизненно важном для государства секторе отсутствует частная инициатива.

Частные предприятия бывают или личными, или коллективными. Первые, относящиеся к различным формам личной собственности, являются, безусловно, самыми многочисленными: их насчитывается в США свыше 9 млн. К ним следует добавить предприятия, представляющие родственную им форму собственности — объединения. Их в США около 1 млн.

Однако самый динамичный элемент американского предпринимательства соответствует коллективной, хотя и частной, форме собственности: это акционерные общества. В США число акционерных обществ достигает 1190 тыс., то есть лишь 12% всех существующих предприятий. Но общий оборот этих обществ в четыре раза превышает оборот фирм, принадлежащих индивидуальным владельцам. Акционерное общество — фактически наиболее распространенная юридическая форма крупного предприятия.

Это находит свое отражение в статистических данных.

Из имеющихся примерно 11 млн. в Соединенных Штатах предприятий 3500 тыс. представляют собой фермерские хозяйства, где коллективная форма собственности встречается чрезвычайно редко (ферм, являющихся коллективной собственностью, здесь всего 19 тыс., однако их общий оборот равен примерно 15% оборота всех фермерских хозяйств). В промышленности огромное большинство предприятий, принадле-

жащих индивидуальным владельцам (8500 тыс. фирм), имеют каждое ежегодный оборот менее 50 тыс. долл.; все их торговые операции, взятые вместе, не составляют и 10% операций, осуществляемых 500 более крупных американских фирм.

Таким образом, индивидуальные предприятия (за исключением сельскохозяйственных) преобладают главным образом в следующих секторах экономики: в секторе обслуживания (свыше 2 млн. предприятий, из них 1987 тыс. с оборотом ниже 50 тыс. долл. в год); в розничной и оптовой торговле (2 млн., в том числе 1489 тыс. с оборотом ниже 50 тыс. долл.), в строительстве (679 тыс., из них 609 тыс. с валовой выручкой менее 50 тыс. долл. в год). Зато в обрабатывающей промышленности при общем числе 412 тыс. предприятий насчитывается 174 тыс. акционерных обществ. Из 194 тыс. индивидуальных предприятий, числящихся в этом секторе, 15 тыс. могут иметь более 100 тыс. долл. ежегодного оборота: объем их торговых операций превышает общий объем операций всех остальных предприятий. Еще одна статистическая справка, весьма любопытная: акционерные общества реализуют пропорционально значительно меньшие прибыли, чем индивидуальные предприятия. При общем обороте 824 млрд. долл. их чистые прибыли фактически едва достигают 46 млрд. долл. (то есть примерно 5%). Вместе с тем чистая прибыль всех индивидуальных предприятий, общий оборот которых составляет около 171 млрд. долл., достигает почти 23 млрд. (то есть примерно 13%).

Итак, создается впечатление, что индивидуальные предприятия в состоянии реализовать более высокие прибыли, чем акционерные общества. Это кажущееся нарушение экономических законов объясняется тем фактом, что в условиях американской экономики многие виды деятельности лучше отвечают характеру мелкого или среднего предприятия, тогда как другие входят в сферу компетенции крупных производственных образований, требующих таких капиталовложений и таких размеров производства, какие уже не по плечу индивидуальным предпринимателям.

Тем не менее все еще существуют индивидуальные или скорее семейные предприятия, масштабы деятельности которых заставляют специалистов задуматься: оборот текстильной фирмы «Диринг Милликен» составляет примерно 500 млн. долл., что соответствует обороту акционерных обществ Хьюза; издательский концерн Херста также представляет собой семейную собственность, как и некоторые другие издательства, например «Ридерс дайджест» и «Чикаго трибюн». Эти предприятия обязаны по закону опубликовывать свои отчеты только в том случае, если их авуары превышают 5 млн. франков.

И все же акционерное предприятие обеспечивает самый практичный способ концентрации средств, необходимых для

создания крупных промышленных и торговых комплексов, пригодных для так называемого массового производства и продажи товаров. Однако бок о бок с гигантами существуют и процветают фирмы с меньшим размахом дел, специализирующиеся на выпуске той или иной продукции (использующие значительную долю рабочей силы), а также в области торговли и в сфере обслуживания.

Борьба против трестов

Американские гиганты действительно производят внушительное впечатление. Гигант № 1, трест «Дженерал моторс корпорейшн», использует 735 тыс. человек, а его ежегодный торговый оборот превышает 20 млрд. долл., что примерно равноценно бюджету Франции. Гигант № 500, угольная компания «Айленд крик», использует 4600 человек и реализует оборот, превышающий 100 млн. долл., то есть больше, чем реализует второе по величине французское акционерное общество «Мессажери маритим», занимающееся морскими перевозками.

Но мелкие и средние предприятия лучше приспособляются к различным переменам и неожиданностям. Кроме того, им чужда бюрократическая косность, которая серьезно удорожает издержки производства. Как это ни парадоксально, но именно мелкие предприятия оказались за последние годы во главе технического прогресса в таком многообещающем секторе, как электроника. Даже в тех областях, где крупным предприятиям принадлежит в основном преобладающее место, эти предприятия не смогли ни ликвидировать конкуренцию — чего как будто можно было одно время опасаться,— ни подорвать единоличное господство отдельных предпринимателей.

Что касается первой проблемы, то могущественное антитрестовское законодательство с успехом препятствует созданию монополий, которые навязывали бы потребителям свою продукцию и свои цены. Что же касается второй проблемы, то собственность акционерных обществ является чаще всего весьма распыленной и носит довольно демократический характер, так что трудно осуществлять действенный контроль над их руководством: 17 млн. американцев обладают сегодня одной или несколькими акциями таких обществ. В то же время образовалась новая категория руководителей, так называемых менеджеров, которые постепенно захватили в свои руки командные рычаги предприятия, отнюдь не имея каких-либо прав собственности на него.

Возникновение этой новой категории, менеджеров, представляет собой одно из интереснейших явлений того, что можно было бы назвать американским неокапитализмом. Высшие кадры, или администраторы, как их называют, — это лица

наемного труда, назначаемые на свои посты акционерным обществом, в котором они работают. Они имеют высокую профессиональную подготовку, обеспечивающую им знание как методов производства, так и методов коммерческих расчетов и управления. Они успешно претворяют в жизнь принцип отделения руководства предприятия от собственности на него, отделения права на принятие решений — от обладания капиталом. Именно они в гораздо большей степени, чем владельцы, направляют деятельность предприятия и определяют в конечном счете порядок распределения прибылей между потребителем (в форме снижения цен), трудящимся (в форме заработной платы), акционером (в форме дивидендов) и самим предприятием (в форме инвестиций). Их присутствие и их деятельность в некотором роде унифицирует различные формы предприятия в том смысле, что они находятся всюду и что их позиция основывается главным образом на технических соображениях.

Появление на сцене менеджеров не должно приводить к недооценке того значения, какое имеют на американском предприятии две другие крупные категории руководящих работников: во-первых, «финансисты» и, во-вторых, «адвокаты», то есть «юристы».

Финансист — это не столько тот, кто обладает средствами, сколько тот, кто умеет мобилизовать их к выгоде для своего предприятия. Та тонкая игра, которую он ведет среди различных групп акционеров, нередко позволяет ему контролировать данное акционерное общество, хотя сам он и не владеет крупным пакетом его акций. Его знание финансового рынка подчас делает его важнейшим элементом предприятия. Без него оно не смогло бы продолжать свою деятельность. А это значит, что порой власть на предприятии принадлежит ему.

В условиях запутанного лабиринта законов и контрактов и чрезвычайной сложности американской судебной системы, где все меняется, стоит лишь перешагнуть через границу своего штата, каждому предприятию необходим собственный юрист. В принципе адвокат выполняет роль консультанта. Однако его влияние на предприятии часто возрастает ввиду тех осложнений судебного или юридического порядка, с которыми сталкивается это предприятие. Когда дело доходит до крайности и речь идет о самом существовании данного общества, он может также быть вынужденным взять в свои руки бразды правления, низведя менеджеров на положение технических консультантов.

Личное продвижение по службе руководящих кадров в «великом обществе», обеспечивающее каждому американцу возможность создать свое личное предприятие, характеризует, наконец, индивидуалистический аспект системы, в которой тем не менее изобилуют гиганты.

Образ бизнесмена, который, начав с ничего, достиг командных постов в экономике с помощью собственности на предприятие, уступил место образу администратора, поднявшегося по ступенькам должностной лестницы совершенно независимо от каких бы то ни было факторов, связанных с понятием собственности.

Список президентов главных американских компаний раскрывает довольно характерную в этом смысле картину. Фредерик Р. Каппель, который правит компанией «Америкен телефон энд телеграф корпорейшн» (авуары: 32,8 млрд. долл.), начал свою карьеру в качестве конторского служащего в том же акционерном обществе, президентом которого он ныне является. «Хозяин» компании «Дженерал моторс» Фредерик Дж. Доннер пришел в это общество в 1926 г. как служащий финансового отдела. Орвилл Э. Бил, вершащий судьбы одной из самых крупных страховых компаний в Соединенных Штатах, компании «Прудэншл иншуренс К° оф Америка» (авуары: 22 млрд. долл.), также начал с самой нижней ступеньки лестницы на том же предприятии, где работает вот уже свыше сорока лет.

ЦЕНЫ

Закон спроса и предложения

Американскую экономику определяют как экономику рыночную; это значит, что материальные блага и услуги свободно обмениваются здесь между теми, кто их предлагает, и теми, кто хочет их получить. Такой обмен стал возможным благодаря применению денег, которые позволяют в форме цен выразить стоимость товаров. Множество мелких и крупных предприятий, покупателей и продавцов вступают на рынке в определенные взаимоотношения посредством обмена товаров и денег. Соответствие между этими потоками денег и реальных благ обеспечивается «системой цен», играющей в функционировании экономики важную роль.

Чтобы уяснить себе роль системы цен, нужно на время забыть о вмешательстве государства в экономику и о ряде других причин, в результате которых ни один рынок не находится в состоянии чистой и совершенной конкуренции. В этой перспективе, далекой, конечно, от реальных условий американской действительности, но в корне не чуждой ей, можно констатировать, что система цен выполняет три функции.

Она позволяет решать проблему количества продукции, необходимой экономике, равно как и проблему характера и специфичности произведенных материальных благ и услуг. Самое производство их контролируется и определяется повседневной позицией потребителей, свободно распоряжающихся

своими денежными доходами и делающих выбор между предлагаемыми им товарами. Если какой-то товар нравится более многочисленной категории потребителей, то наплыв поступающих к продавцу заказов на него приведет к повышению цены на него и побудит фабриканта производить его в большем количестве. И наоборот, всякий производитель, выбрасывающий на рынок какой-либо товар по цене более высокой, чем та, которую согласятся заплатить потребители (а они будут учитывать при этом действующие цены на товары того же рода и цены, ранее существовавшие на этот товар), будет вынужден снизить цены или же в конечном счете сократить производство данных изделий. Таким образом, именно колебания цен поддерживают равновесие между предложением и спросом, а также обеспечивают приспособление их друг к другу. Именно существование этого механизма и позволяет нам говорить о «верховной власти потребителя».

Равным образом система цен позволяет производителю выбрать наилучший способ производства. Между производителями существует конкуренция. Для того чтобы уцелеть, им нужно добиваться минимальной стоимости своей продукции по сравнению со стоимостью этой же продукции у конкурентов. Это значит, что они должны применять лучшую, чем те, технологию производства и покупать необходимые для него сырье и услуги по возможно более низкой цене.

Система цен, наконец, позволяет нормировать товары. Для того чтобы изготовляемые предметы покупались, необходимо, чтобы потребители располагали какими-то доходами. Последние в своем подавляющем большинстве добываются посредством продажи своего труда. Распределение доходов происходит благодаря механизму цен. Материальные блага приобретаются в обмен на доходы, превращающиеся в платежеспособный спрос. С этой точки зрения система цен выступает как средство распределения ограниченных в силу необходимости ресурсов между отдельными индивидами. Продукция распределяется между покупателями, способными заплатить за них, неодинаково в зависимости от того, повышаются цены или понижаются. В условиях экономики, где не было бы ни цен, ни рынка и где материальных благ было бы немного (то есть изобилие не было бы полным), пришлось бы прибегнуть к организованному закреплению их за индивидами, то есть к их нормированию. Система цен выполняет роль организующего фактора с несравненно большей гибкостью и действенностью, чем произвол властей. Если государство хочет вмешаться в распределение материальных благ, то ему достаточно для этого таких средств воздействия на них, как налоги и т. п. Даже если действительность и не совсем соответствует описанной нами здесь схеме, американская экономика в основном подчиняется правилам свободного образова-

ния цен посредством механизма рынка, и именно эта невидимая рука позволяет ей функционировать. И все же в некоторых случаях схема эта соблюдается не полностью.

Можно считать, что рынок потребительских товаров, на котором встречаются миллионы потребителей и сотни тысяч продавцов, представляет собой арену конкурентной борьбы. Безусловно, необходимо учитывать все разнообразие факторов, влияющих на цены, помимо действия спроса и предложения, например арендную плату за помещения или стоимость рекламы. Но эти факторы, в совершенстве изученные американскими экономистами и нередко успешно оспариваемые потребительскими объединениями, не влияют сколько-нибудь существенно на данную выше общую характеристику. Однако в ряде случаев дело обстоит иначе.

Так, например, федеральное правительство само устанавливает некоторые цены. Если оставить в стороне мероприятия военной экономики, это происходит в основном в сфере сельскохозяйственного производства; чтобы предотвратить снижение доходов фермеров, правительство соглашается закупить определенные продукты по минимальной цене. Поскольку санкция цен в этом случае уже не действует, производитель не оказывается вынужденным сократить свое производство.

Предприятия коммунального обслуживания, а также предприятия, обладающие монополией на общественные средства связи (транспорт, телефон и т. д.), ввели в практику монопольные цены. Причем следует уточнить, что абсолютной монополии фактически не существует никогда и что в результате конкуренции товаров-заменителей продавец вынужден некоторым образом подчиняться давлению со стороны спроса.

Что касается рынка рабочей силы, то в итоге вмешательства мощных профсоюзов и выступления государства в роли арбитра определение цены труда также не подчиняется воздействию простого механизма спроса и предложения.

И наконец, в ряде секторов экономики — в частности, в промышленности (автомобильной, черной металлургии и т. д.) — производители значительно меньше зависят от рынка, поскольку число их невелико, а могущество огромно. Они проводят политику «регулируемых цен», то есть цен, не подверженных влиянию кратковременных колебаний спроса. Цены устанавливаются так, чтобы они могли обеспечить минимальную доходность инвестированного капитала или устойчивую норму прибыли. Нередко они служат также выражением решимости сохранить или усилить позиции, занимаемые в торговле. Иногда конкуренция создается не с помощью цен, а каких-либо других средств (например, с помощью оказываемых потребителям услуг и т. д.).

При всем своем несовершенстве механизм цен, одновременно и столь сложный и столь непрочный, составляет один из существенных элементов производительности и уровня потребления в Соединенных Штатах.

ОБЪЕМ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ

Менеджер предпочитает инвестировать

Подобно тому как это имеет место в производстве, размеры и распределение капиталовложений устанавливаются под влиянием свободной игры таких экономических явлений, как цены и конкуренция. Капиталовложения образуются благодаря накоплениям, осуществляемым частными лицами, предприятиями, правительствами. Их направляют в зависимости от потребности рынка, то есть в конечном счете в зависимости от спроса со стороны потребителей. Случается, однако, что в кругооборот капитала вмешивается государство — либо с тем, чтобы увеличить суммы инвестиций, либо с тем, чтобы обратить известную долю накоплений в инвестиции, которые будут сочтены необходимыми в интересах нации.

Общий объем капиталовложений достигает примерно 14% национального дохода США (в 1963 г. он составил около 83 млрд. долларов). Но если вычесть отсюда средства, вложенные в строительство, на сооружение дорог и т. д., то окажется, что общий объем средств, вложенных в производственное оборудование, не превышает примерно 8% национального дохода. Около половины этой суммы составляют сбережения частных лиц. Подавляющую часть остальных средств дают сами предприятия.

Промышленные капиталовложения со своей стороны редко поглощают более 25% «общих национальных инвестиций», хотя в периоды, следующие за кризисами, это соотношение возрастало чуть ли не до 30%, а во время второй мировой войны оно достигло даже 40%. Доля капиталовложений в транспорт и сельское хозяйство в разные годы колеблется в пределах соответственно 15% и 11%. Остальная часть инвестиций поступает в непроизводственную сферу — в торговлю, сферу обслуживания и связь.

Такое различие в процентах капиталовложений не является следствием «решения», вынесенного какой-либо центральной властью, которая занималась бы распределением наличных ресурсов между участвующими сторонами. Они слагаются из ряда элементов экономического расчета.

На первом месте в этом расчете стоит конкуренция. Руководитель любого американского предприятия знает, что если он не приложит максимума усилий к тому, чтобы выбросить на рынок лучшее по качеству и возможно более дешевое из-

делие, то найдется другой предприниматель, который через некоторое время вытеснит его с рынка. Следовательно, он должен калькулировать свои продажные цены так, чтобы зарезервировать себе постоянную норму капиталовложений, позволяющую вводить в эксплуатацию новое оборудование или непрерывное совершенствование уже существующего. Фактически для того, чтобы удержать на прежнем уровне и расширить свои торговые операции, ему нужно будет все время улучшать качество своей продукции и снижать ее стоимость.

Попутно необходимо отметить ту роль, которую сыграло в распределении капиталовложений появление на сцене менеджеров, то есть работников, руководящих крупными и средними предприятиями. Такой работник — наемный служащий — несравненно меньше заботится об интересах владельца предприятия-акционера, чем о самом предприятии и его будущем. Он распределяет минимальную сумму дивидендов, какая только совместима с хорошей репутацией предприятия и его возможными потребностями в новых капиталах, и направляет максимально возможную часть прибылей на цели инвестирования, что повышает ценность как выпускаемой продукции, так и самого предприятия.

Известное влияние на объем капиталовложений оказывает также и технический прогресс. Растущая сложность оборудования, необходимого для производственных операций, требует вложения все более и более крупных средств. Зато все более и более широко распространенное применение вычислительной техники и различных методов прогнозирования устраняет ошибки и позволяет более рационально использовать рабочую силу, а это приводит к сокращению расточительности. Капиталовложения современного предприятия фактически намечаются и реализуются путем тщательного планирования, с учетом общего роста экономики, предполагаемой эволюции вкусов и потребностей потребителей, а также наличных ресурсов предприятия.

И наконец, при решении вопроса об инвестициях предприятие должно считаться с экономической политикой, установленной правительством.

На самом деле с помощью фискальной системы государство может побуждать предприятия инвестировать суммы, объем которых может быть установлен с известной степенью точности. Действительно, если норма амортизационных отчислений непосредственно влияет на размеры капиталовложений, то ставка налога на акционерные общества обусловливает в общих чертах объем их наличных средств; кроме того, манипулируя кредитными ставками, государство также оказывает воздействие: «дешевые» деньги — этот основной принцип американской экономики — поощряют инвестиции, для финанси-

рования которых предприятие прибегает к помощи фондов, заимствуемых извне.

Помимо этого, государство располагает еще двумя возможностями ориентировать капиталовложения избирательным образом: предоставление федеральных фондов и гарантия государственной казны. Оно использует первую из этих возможностей в форме правительственных заказов или непосредственных операций; так, например, строительство трансконтинентальной железной дороги финансировалось государством, но осуществление его и право эксплуатации дороги было предоставлено частному предприятию. Государство вместе с тем широко использует и вторую возможность, в частности, в области строительства вообще и жилищного строительства.

В некоторых случаях федеральное правительство прибегает также к давлению столь же психологического, сколь и политического характера; когда недавно встал вопрос об американских инвестициях за границей, министр финансов убедил промышленников и банкиров, соблазненных выгодами внешних рынков, сократить вывоз капиталов до размеров, более соответствующих национальным интересам.

Как видим, вся система в целом лишена какой бы то ни было косности. Фактически она полностью прагматична, и центральная власть играет в ней в конечном счете лишь ограниченную роль. В нынешнем своем состоянии она дала весьма блестящие результаты, обеспечив американской экономике высокую степень оснащенности. Общая стоимость американских промышленных предприятий оценивается сегодня суммой порядка 800 млрд. долл., что по твердому курсу вдвое превышает ту сумму, в какую она оценивалась в 1929 г. Каждый промышленный рабочий располагает техникой, стоимость которой приближается к 9 тыс. долл. А высокое соотношение между капиталом и производством (72%) показывает, что оборудование необычайно эффективно.

Что же касается размеров государственных инвестиций, то они определяются путем свободной политической дискуссии. Государство, само собой разумеется, направляет свои фонды на совершенно особые цели — на национальную оборону, народное образование и научно-исследовательскую работу, на мероприятия в области культуры, здравоохранения, транспорта и т. д. Однако оно может делать это в общенациональных масштабах только с согласия и под контролем избранников нации: тесемки от государственного кошеля держит в своих руках конгресс. В местных масштабах решения принимаются с согласия и под контролем местных представительных органов.

На всех уровнях решения носят не только общий характер (установление объемов фондов, предназначенных для государственных инвестиций), но одновременно касаются и кон-

кретных вопросов: в них речь идет об определении относительной первоочередности различных целей, о том, какими методами способствовать их осуществлению, о желательных темпах прогресса и т. д. Все эти вопросы вызывают публичное обсуждение. Решения принимаются в соответствии с демократической институционной процедурой.

Порядок вмешательства общественного мнения в эту процедуру заслуживает того, чтобы о нем рассказать. Размеры некоторых государственных инвестиций фактически устанавливаются под самым непосредственным нажимом со стороны общественности. Так, например, обстоит дело со строительством дорог и автострад; нетерпеливые автомобилисты доходят до того, что пристают к ответственным лицам с настойчивыми требованиями интенсифицировать дорожное строительство, которое таким образом приобретает дополнительный приоритет.

По правде говоря, влияние общественного мнения в области капиталовложений, как и в других областях, чувствуется всюду и всегда. И именно поэтому великие общества вынуждены регулярно информировать общественность о характере и и величине утвержденных ими инвестиций и разъяснять причины и направленность мероприятий по расширению того или иного производства, вызывающих необходимость в привлечении таких-то и таких-то кредитов.

ФИНАНСЫ

Свыше 10 тыс. коммерческих банков

Главным назначением финансовой системы является снабжение предприятий средствами, необходимыми для их экономической деятельности, которая составляет смысл их существования. В ее обязанность входит стимулировать потребление — предоставляя кредиты потребителям, и производство — снабжая производителей необходимым капиталом. Финансовая система почти целиком принадлежит частным предприятиям; исключение составляют лишь некоторые специализированные секторы экономики и Федеральная резервная система, которая выполняет роль центрального банка и контролирует от имени правительства снабжение экономики денежными знаками. Федеральные резервные банки, обладающие привилегией выпуска денег, управляются Советом управляющих — высшим органом власти в денежной системе Соединенных Штатов, разместившимся в Вашингтоне.

Что касается собственно банковской системы, то она состоит из двух видов учреждений, отличающихся друг от друга своим юридическим статусом: коммерческие (или депозит-

ные) и инвестиционные банки и банкирские дома. Только первые из них облечены полномочиями принимать депозиты и, как правило, поставляют краткосрочный оборотный капитал. Вторые обеспечивают экономику капиталами на средние и длительные сроки. Коммерческие банки образуют своего рода костяк всего финансового комплекса. Их насчитывается в США 13 тыс., и они разбросаны по всей территории США. Их специфичная и главная функция заключается в получении вкладов, а также в инкассации и оплате банковских чеков. Это существенно важная для американской экономики функция: вклады до востребования и срочные вклады являются важнейшим элементом предлагаемых средств и одним из главных источников кредитования.

К тому же депозиты могут рассматриваться как настоящие деньги. Составляя в целом сумму 300 млрд. долл., они служат промежуточным звеном при обменах. Поскольку они не покрываются на все 100% наличными деньгами, то есть банкнотами, они фактически образуют банковские бумаги, векселя. Считают, что американская банковская система в целом создает таким образом новые платежные средства в соотношении примерно 6 долл. на каждый доллар, вложенный в банк.

Эти платежные средства используются в основном в форме ссуд (на что идет примерно 48% всех активов коммерческих банков), предоставляемых различным секторам экономики, чаще всего на короткие сроки.

Инвестиционные банки со своей стороны вторгаются в процедуру финансирования экономической деятельности более непосредственно. Они дают ссуды на средние и длительные сроки. Для этой цели они располагают собственными капиталами — довольно незначительными, и капиталами, занимаемыми ими у коммерческих банков. Кроме того, они покупают и размещают акции, выпускаемые акционерными обществами.

Наряду с этой системой частных банков в США со времен «нового курса» постепенно образовалась также и сеть государственных банковских организаций. По соображениям преимущественно социального и политического характера федеральное правительство было вынуждено вмешаться в четыре конкретные области экономики: в сельское хозяйство, строительство, экспорт и, в общих чертах, в деятельность мелких предприятий, в интересах которых оно разработало соответствующие программы помощи.

Главным органом кредитования сельского хозяйства является Управление сельскохозяйственного кредита, которое регламентирует деятельность большого числа учреждений, призванных предоставлять фермерам кредиты, как долгосрочные так и на короткий срок, ипотеки и авансы под урожаи.

Что касается строительства, то эта система носит более сложный характер, но цель ее все та же—кредитование. Центральный банк ипотечного кредита снабжает фондами ряд специализированных организаций, непосредственно берущих на себя кредитование строительства. Другая государственная организация — Федеральное управление государственного ипотечного кредитования представляет собой механизм для поддержания рынка ипотечных кредитов: он следит за ликвидностью рынка и сохранением курса на должном уровне. И наконец, третье учреждение — Федеральное управление жилищного строительства дает под ипотечные ссуды свою гарантию, что является необходимым условием предоставления долгосрочных ссуд. Таким способом правительство гарантирует заимодавцев против риска, что их дебиторы окажутся неплатежеспособными.

Чтобы помочь мелким предприятиям получить нужные им кредиты, федеральное правительство провело два комплекса мероприятий. Оно создало в 1953 г. специальное учреждение — Управление по делам мелких предприятий, которое само обеспечивает такие предприятия кредитами на средний и длительный срок. Начиная с 1958 г. оно различными способами (в основном фискального порядка) поощряет деятельность инвестиционных банков, специализирующихся в кредитовании мелких предприятий.

И наконец, американское правительство способствует деятельности частных предприятий в области экспорта. В 1938 г. с этой целью был создан специальный банк (Экспортно-импортный банк). С 1961 г. функционирует система страхования кредитов, покрывающая известную долю риска, который несут экспортеры.

Этот государственный финансовый сектор, само собой разумеется, также подчиняется Федеральной резервной системе, возглавляющей всю совокупность кредитно-финансовых организаций Соединенных Штатов и в конечном счете определяющей денежную политику страны.

Совет федеральных банков располагает тремя основными средствами воздействия на экономику:

он может заставить покупать или продавать государственные ценные бумаги на финансовых рынках, что может вызвать сокращение или, наоборот, увеличение общей суммы денежного обеспечения и депозитов. Именно это и называют политикой открытого рынка;

он меняет учетную ставку, с тем чтобы поощрять расширение или сокращение кредитных операций;

он может изменять процентные нормы обязательного покрытия кредитов. Повышая их, он добивается тех же результатов, какие вызывает повышение учетной ставки, то есть сокращения предоставляемых экономике кредитов.

В принципе эта денежная политика определяется правительством. Однако Совет федеральных банков традиционно проявляет известную независимость действий, в частности в отношении политических соображений, пренебречь которыми не всегда может исполнительная власть. Поэтому глава его не раз вступал в конфликт с президентом Соединенных Штатов; такой конфликт имел место еще совсем недавно, в конце 1965 г., когда председатель совета повысил учетную ставку вопреки возражениям Белого дома.

Следует сказать, что за последние годы появились новые учреждения, которые изменили традиционные источники финансирования экономики.

Наряду с традиционными сберегательными кассами и страховыми компаниями (которые носят не менее традиционный характер, но активы которых значительно возросли) с банковской системой былых времен ныне соперничают также пенсионные фонды, фонды взаимного страхования, инвестиционные тресты. Распоряжаясь огромными средствами (фонд взаимного страхования, например, достигает 20 млрд. долл.), такие новые финансовые посредники играют все более важную роль в финансировании инвестиций, превращая наличные сбережения в долгосрочные ссуды.

Эти организации, которые фактически обходят закон (закон, например, запрещает инвестиционным банкам принимать вклады), не без труда поддаются столь же строгому контролю со стороны федерального правительства, какой оно осуществляет за инвестиционными банками. Но они выгодны экономике, а также инвеститору, ибо благодаря им он имеет возможность принимать более непосредственное участие в деятельности предприятий, акционерами которых эти фонды становятся.

БЮДЖЕТ

Всего 20% национального дохода

Государственный бюджет, а также бюджеты штатов и муниципальных органов выполняют в американской экономике троякую роль: они финансируют мероприятия администрации, служат средством стимулирования и регулирования экономической деятельности, осуществляют известные перемещения в сфере доходов. Их доля в национальном доходе довольно скромна: она составляет в общей сложности каких-то 20% (примерно 150 млрд. долл.); причем до второй мировой войны она была еще ниже: в 1938 г. она не достигала и 10% национального дохода. Впрочем, эта эволюция точно отражает рост вмешательства правительства в американскую жизнь. В этой связи она вызывала и продолжает еще вызывать множество политических споров. Наиболее консерватив-

ные элементы американского общественного мнения осуждают это все растущее вмешательство, которое, с их точки зрения, извращает действие принципа свободного предпринимательства и в конечном счете ложится непосильным психологическим и финансовым бременем на плечи американского гражданина.

Сегодня эту точку зрения разделяет лишь меньшинство населения: обе американские политические партии признают, что современный мир, с его научной и экономической сложностью, требует наличия в целом ряде секторов какого-то центрального влияния, которое мобилизовало бы инициативу и ресурсы, заставило бы уважать правила игры и следило за соблюдением гармонии между общегосударственными интересами и интересами частными. Анализ государственных расходов выявляет, кроме того, один момент, в значительной степени объясняющий и оправдывающий возросшую роль правительства: свыше 30% всех расходов направляется на нужды национальной обороны, этого неотъемлемого, если можно так выразиться, атрибута политической власти.

Американская политическая структура определяет тройственный характер государственных бюджетов: они распадаются на федеральный бюджет, бюджеты штатов и бюджеты муниципальных органов. Часть средств переходит из одних бюджетов в другие: 20% общего объема ресурсов штатов обеспечивается федеральным правительством, а 25% ресурсов муниципальных органов обеспечивается штатами или федерацией. Однако в основе всех бюджетов лежит один общий источник: налогоплательщики. И действительно, 75% расходов, осуществляемых американскими правительственными органами, финансируется за счет налогообложения; остальная часть их покрывается займом, платежами за произведенные материальные блага или предоставленные услуги, а также другими ограниченными по объему поступлениями.

Распределение расходов между тремя секторами

Расходы четко различаются в соответствии с тремя категориями власти.

По конституции на федеральном правительстве лежит общая ответственность за процветание и благополучие государства. Поэтому средства, которыми оно располагает, направляются главным образом на обеспечение безопасности страны и на финансирование некоторых социальных служб общего характера. Расходы федерального правительства составляют 70% всей совокупности правительственного бюджета, что в 1966—1967 гг. равнялось 113 млрд. долл. (остальные 30% — соответственно 14% и 16% — приходятся на долю штатов и муниципальных органов). Половина этих расходов идет на

национальную оборону, другая половина распределяется примерно поровну между секторами народного образования, социального страхования и здравоохранения. В отношении трех последних статей следует отметить, что федеральное правительство непосредственно расходует на них только незначительную часть тех сумм, которые идут в обращение из его касс; большая часть этих расходов возлагается на штаты и муниципальные органы: именно на них, опять-таки по конституции, падает первоочередная обязанность заботиться о просвещении и охране здоровья населения.

С недавнего времени к этим традиционным обязанностям органов государственной власти добавился еще один новый элемент: финансирование научно-исследовательских работ. Поскольку частные предприятия не всегда располагают теми огромными финансовыми и техническими средствами, которых требует сегодня наука, вмешательство правительства в эту сферу стало необходимостью. Так, например, федеральное правительство взяло на себя расходы по исследованию космоса, равно как и по некоторым важным секторам научных и технических исследований. Совершенно очевидно, что это делается не без учета соображений национальной обороны. Тем не менее остается фактом, что от этого выигрывает вся экономика в целом.

Впрочем, экономика выигрывает от распределения правительственных расходов во всех звеньях бюджета; в самом деле, свыше 70% этих расходов идет на оплату материальных благ и услуг, произведенных, само собой разумеется, частными предприятиями. Кроме того, государственный аппарат, на всех его уровнях, использует значительное число трудящихся (в общей сложности 9500 тыс. человек, из них 2500 тыс. в федеральной администрации, не считая военнослужащих). Что же касается необходимых средств, то федеральное правительство черпает их главным образом из налогов на доходы, которые обеспечивают 65% всех приходящихся на его долю поступлений. Остальная сумма складывается (в равных частях) из различных налогов на потребление и взносов в фонд социального страхования. Правительства штатов и муниципальные органы со своей стороны выделяют на финансирование просвещения, строительство дорожной сети и здравоохранение $^2/_3$ всех расходов (на просвещение — 31%, на строительство дорог — 15, на здравоохранение — 18%). Источником их средств являются в основном налоги (на потребление — на уровне штата, на недвижимую собственность — на уровне муниципальных органов) и различные дотации и помощь федерального правительства.

Размеры правительственных расходов объясняют, почему сумма налога на душу населения превышает сегодня 666 долл. (из них 442 долл. идут федеральному правительству, остаток

3 Зак. 36

же делят между собой правительства штатов и муниципальные органы). В 1950 г. эта сумма была наполовину меньше.

Частные лица уплачивают прогрессивный подоходный налог. Налогоплательщик-холостяк, зарабатывающий 6 тыс. долл. в год, вносит в кассу штата 1360 долл., или около 23% своего дохода. Но холостой налогоплательщик, который зарабатывает 200 тыс. долл., оставляет в кассах штата 156 820 долл., или больше 78%.

Само собой разумеется, что всевозможные скидки уменьшают сумму причитающегося с налогоплательщика налога в зависимости от числа лиц, находящихся на его иждивении, от его ипотечных долгов, от некоторых его расходов (таких, как пожертвования на благотворительные цели и т. д.).

Прогрессивное подоходное налогообложение иллюстрируется следующими цифрами:

налогоплательщики, доход которых не достигает 5 тыс. долл., составляют 44% всех налогоплательщиков, однако их доля в общей сумме налоговых поступлений равна всего 13%;

лица, доходы которых колеблются между 5 тыс. и 10 тыс. долл., составляют 42% общего числа налогоплательщиков и обеспечивают 37% всех налогов;

удельный вес обладателей крупных доходов (свыше 20 тыс. долл.) достигает всего 2,2%, но они платят 37% налогов.

Это краткое перечисление ресурсов и расходов органов государственной власти не дает представления о новой роли, какую играет в экономике то, что можно назвать для простоты изложения государственным бюджетом. Вначале установление бюджета представляло собой — с политической точки зрения — орудие парламентарного контроля; ныне он стал орудием социальных и экономических действий. И в самом деле, объем и распределение закупаемых органами государственной власти материальных благ и услуг обеспечивают этим органам возможность влиять на деятельность того или иного сектора экономики, того или иного географического района. Органы государственной власти в состоянии также выступать в интересах той или иной социальной категории (так, например, расовая сегрегация была запрещена на всех предприятиях, получающих заказы от государства, на первом же этапе переговоров с ними: если они не давали соответствующего формального обязательства, то государство аннулировало свои заказы). И наконец, правительственные органы могут воздействовать на цены, воздерживаясь от предоставления заказов тем отраслям промышленности, в которых наметилась известная напряженность в смысле цен, и наоборот, ускоряя оформление заказов другим отраслям, где снижение цен будет сочтено несвоевременным.

В более широком плане бюджетное равновесие и даже его

неуравновешенность также превратились в орудие в руках правительства. В периоды инфляции обеспечение равновесия бюджета совершенно обязательно: органы власти должны лимитировать приток фондов и заказов на рынок, который функционирует уже с полной нагрузкой. В периоды недостаточной активности рынка отсутствие бюджетного равновесия служит фактором расширения его деятельности: правительственные заказы компенсируют упадок частной инициативы.

По правде говоря, лишь немногие экономисты ожидают существенного снижения в будущем государственных расходов, то есть в конечном счете налогов. Та серьезная роль, какую играют в экономике государственные средства, растущее значение некоторых мероприятий, требующих общенациональных усилий, расширяющийся с каждым днем круг обязанностей федерального правительства, в частности в сфере просвещения и в плане социальном, — все это заставляет думать, что изменить эволюционное развитие, которое происходит на протяжении трех десятков лет, уже невозможно. За период 1932 — 1962 гг. расходы федерального правительства выросли ровно в 32 раза. Есть все основания полагать, что и к 2000 г. это поступательное движение будет продолжаться.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Лучший клиент: Западная Европа

Внешние рынки представляют для американской экономики лишь побочный интерес: экспорт, вообще говоря, дает средства к существованию примерно 7% самодеятельного населения и обеспечивает менее 5% национального дохода (по сравнению с 24% в Германии и Великобритании, 21 — в 6 странах — членах Общего рынка, 16% — во Франции). Но, принимая во внимание масштабы американской экономики, этот незначительный процент имеет большой удельный вес в общем объеме мировой торговли: начиная с 1950 г. американский экспорт составлял в разные годы от 17 до 21% общего объема экспорта всех стран, вместе взятых.

Соединенные Штаты продают свою продукцию во всем мире. Однако лучшими их клиентами являются Западная Европа (35%), затем Канада (19%) и страны Латинской Америки (16%). Эти страны покупают главным образом готовые изделия, которые в среднем составляют 75 — 80% всех продаваемых за границей американских товаров; основное место среди этих изделий занимают различные виды промышленного оборудования и автомобили (50%). Равным образом пробивают себе путь на заграничные рынки также и продукты американского сельского хозяйства: их доля в общем объеме экспорта США достигает 20 — 25%.

За границей американцы закупают главным образом (в пределах 50%) сырье и продовольственные товары, которых в Соединенных Штатах не производят: такие сырьевые продукты промышленного значения, как медь, свинец, цинк, нефть, редкие металлы; тропические продукты вроде кофе, экзотических фруктов, какао. По импорту этих продуктов американский рынок стоит на первом месте в мире. Однако американский импорт включает в себя также ряд предметов и готовых изделий, которых требуют потребители и которые непосредственно соперничают с продукцией национальной промышленности.

Торговый баланс Соединенных Штатов постоянно активен; стоимость экспорта значительно превышает стоимость импорта. В 20-х гг. это превышение составляло свыше 40% общей стоимости всего экспорта. Сегодня оно имеет более скромные размеры и составляет примерно 20% стоимости экспорта, или примерно 4 млрд. долл. в год.

Американская политика в области внешней торговли отличается большой либеральностью, хотя в период между двумя войнами чувствовался сильный налет протекционизма. Федеральное правительство прилагает максимум усилий к тому, чтобы уничтожить существующие в мире барьеры, которые препятствуют международному обмену. За последние годы оно значительно снизило свой таможенный тариф на основе взаимности со своими главными партнерами. Чтобы усилить эту тенденцию и добиться максимально возможной либерализации международного обмена, оно предприняло переговоры, известные под названием «раунд Кеннеди»; цель их заключается в том, чтобы добиться от главных индустриальных держав снижения таможенных тарифов, максимально приближающегося к 50%. Ожидается, что в случае успеха этих переговоров (в Женеве) естественным результатом должно явиться значительное расширение мировой торговли.

Философия этой политики проста: расширение международных обменов выгодно всем странам. Оно позволяет потребителям приобретать все нужное там, где они хотят; производителям — увеличивать объем своей продукции в соответствии с открывающимися для них новыми рынками; правительствам — извлекать из обменов товарами дополнительные прибыли.

Либерализм этот не является, однако, абсолютным. Соединенные Штаты признают, что по ряду экономических, социальных или политических причин известная степень протекции национальным рынкам необходима и желательна. Молодые государства, в частности, смогут развить зарождающиеся отрасли своей промышленности только в условиях относительной безопасности от иностранной конкуренции. Правительства других стран должны учитывать, например, проблемы,

связанные с развитием сельскохозяйственного производства, которое, несмотря на свою обременительность, будет сочтено необходимым для экономической устойчивости страны.

При всем этом цель остается совершенно определенной: экспансия.

Достижению такой цели со своей стороны содействуют филиалы, организованные за границей множеством американских акционерных обществ. Продукция их не влияет на американский торговый баланс, поскольку она производится под флагом того государства, на территории которого находится тот или иной филиал. Зато их первоначальное финансирование, а после налаживания производства и их прибыли займут свое место в платежном балансе — сперва в графе вывоза капиталов, а позднее — под рубрикой «поступление прибылей» (причем размеры этих последних в обычные годы превышают сумму первых).

Тем не менее остается фактом, что основная мотивировка подобного рода операций носит меркантильный характер: чтобы завладеть частью европейского рынка — чего не удалось сделать с помощью экспорта готовых изделий, — фирмы «Форд мотор К°» и «Дженерал моторс корпорейшн» были вынуждены построить заводы в Великобритании и Германии, а компания «Интернэшнл бизнес мэшинз корпорейшн» (ИБМ) обосновалась во Франции. Речь, таким образом, идет о расширении обмена, требующего как в одном, так и в другом случае сотрудничества всех заинтересованных сторон.

РОЛЬ ПОТРЕБЛЕНИЯ

На основании открытия, сделанного Генри Фордом

Главный стимул производства — потребление — играет роль движущей силы в американской экономике. Но не менее важна и его социальная роль. Именно оно было в течение ряда лет призвано прагматически установить равновесие между некоторыми наиболее серьезными факторами трений, связанных с существованием социального неравенства.

Американский производительный механизм действительно доказал, что он в состоянии обеспечить подавляющему большинству граждан не только удовлетворение их элементарных потребностей — в пище, жилье, одежде, — но и «потребляемые излишки», характерные для «экономики изобилия», поддержание которой стало одной из главных задач общества.

Логика экономических доводов, приведших к возникновению этой концепции, хорошо известна. Она отчасти покоится на сделанном Генри Фордом открытии, проверенном основоположником массового конвейерного производства на собст-

венном предприятии. Открытие это, применение которого в дальнейшем разрасталось, как снежный ком, сводилось к следующему: производитель является одновременно и потребителем, так что трудящийся должен иметь достаточный доход для того, чтобы он мог потреблять. Без повышенных заработков нет потребителей, а без потребителей нет достаточно обширного рынка, позволяющего осуществлять массовое производство и тем самым снижать себестоимость выпускаемой продукции. На основании этого рассуждения Генри Форд принял в январе 1914 г. решение сразу же вдвое повысить заработную плату своим рабочим.

Всем известны последствия этой инициативы, действительно отвечавшей динамичной логике массового производства: остальные предприниматели были вынуждены один за другим привести выплачиваемые ими ставки заработной платы в соответствие со ставками Генри Форда. Так нашло свое наглядное проявление множественное действие принципа, который должен был создать модель Америки XX столетия и который Фредерик Льюис Аллен описывает в своей книге «Великое преобразование Америки» следующим образом: «Из этого правила вытекал ряд необходимых выводов, а именно: страна, где мужчины и женщины гарантированы против эксплуатации и нищеты в их острой форме, — это страна активных покупателей продуктов во имя процветания каждого; что выгоднее производить одно и то же количество пищевых продуктов, домашних принадлежностей и одежды для всех граждан, независимо от уровня их доходов, чем изготовлять предметы роскоши для небольшого числа людей, и что, следовательно, можно заработать деньги, снижая барьеры, разделяющие классы» *.

И действительно, все слои населения, все жизненные силы экономики нашли, таким образом, общий знаменатель своих действий. Ибо разве кто-нибудь не выиграл от роста потребления? Финансисты, предприниматели, наемные труженики, фермеры, администраторы — все они воспользовались его благами.

Несомненно, что подобное, доведенное до крайности потребление имеет свои недостатки. Экономисты и публицисты не раз обращали внимание общественности на вредное влияние того, что Вэнс Паккард называет «подпольными методами убеждения», то есть рекламы (см. гл. 21), этого испытанного стимулятора потребления. Факт, что искусственно возбужденные потребности создают состояние неуравновешенности в определенных слоях населения, где уравнение «доходы — расходы» не всегда дает положительный итог. Фактом

---

* Frederick Lewis Allen, Le Grand Changement de l'Amérique, ed. Amiot-Dumont, 1953.

является также то, что соблазн, порождаемый второстепенными потребностями или излишеством, вызывает порой экономические решения, противоречащие общим интересам. И наконец, опять-таки остается фактом, что излишества удовлетворяются подчас в ущерб тому, без чего нельзя обойтись.

Общественная информация, менее крикливая по сравнению с рекламой, порождается все той же необходимостью поощрять потребление. Действуя более тонко, чем реклама, в том смысле, что привлекает внимание общественности не к самому продукту, а к изготовляющей его фирме, она навязывает своего рода этику предприятиям, которые пытаются показать себя в благоприятном свете. В этом смысле общественная информация содействует тому, чтобы непрерывный призыв к потребителям оказывал столь же непрерывное воздействие на творческое воображение предпринимателей и стимулировал научно-технические исследования; последние в свою очередь представляют собой фактор прогресса и придают всей экономике в целом динамизм, который не могут заменить никакие инструкции и решения органов власти.

Кроме того, именно этой политике поощрения потребления можно приписать и заслугу в возникновении новых экономических орудий воздействия. Мы уже говорили о рекламе, о ее достоинствах и о наносимом ею вреде. Но она является всего лишь самым элементарным из них. Ныне экономика использует в тех же целях другие инструменты, родившиеся из требований потребления и быстро ставшие совершенно необходимыми. Это в первую очередь изучение рынка, которое настолько неотделимо от демократического планирования, что позволило охарактеризовать французский план как всего лишь перспективное изучение рынка; это также поиски побудительных мотивов и анализ вкусов потребителей.

Таким образом, лица, ответственные за деятельность американской экономики, располагают эффективным средством ее регулирования. С помощью налогов они в состоянии оказывать решающее воздействие на величину тех средств, которые потребители могут расходовать на потребление. С помощью правительственных расходов они могут также осуществлять распределение национальных ресурсов между потреблением частным и коллективным.

В настоящее время, когда американская экономика переживает период невиданного доселе процветания, примерно $^2/_3$ национального дохода составляют поступления от продажи материальных благ и услуг, приобретаемых потребителями для своего личного пользования. Остальная же треть его представляет собой частные инвестиции (жилые дома, заводы, отели, оборудование и машины), потребление органов власти (муниципальных органов, правительственных органов штатов и федерального правительства) и государственные капитало-

вложения (административные здания, дороги и т. д.). Во время войны это соотношение было, само собой разумеется, совершенно иным. Тогда органы власти распределяли национальные ресурсы с учетом военных усилий страны: в 1944 г. личное потребление поглощало менее 50% национального дохода. Зато в 1938 г., когда страна выходила из кризиса недопотребления, личное потребление достигало почти 75% национального дохода.

Если принять за основу личный доход индивидов, то можно убедиться в том, насколько огромное место занимает в нем потребление, поглощающее сегодня 81% дохода. Остальная часть этого дохода распределяется следующим образом: 12% идет государству (на покрытие не только административно-управленческих расходов, но и государственных инвестиций), 7% — в фонд накопления (обеспечивая частные инвестиции). Расходы на личное потребление распределяются так: на приобретение продуктов длительного пользования уходит 13,3%, продуктов однократного пользования — 45,4, на услуги — 41,3%.

Основные секторы

16. Сельское хозяйство
17. Промышленность
18. Торговля
19. Сфера услуг

16. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА

Обеспечить доходы фермеров

Сельское хозяйство относится к одному из наиболее быстро развивающихся секторов американской экономики: производительность труда в этой области возрастала более быстрыми темпами, чем в какой-либо другой. В результате довольно неожиданно возникли некоторые серьезные проблемы.

Правда, американские фермеры нашли и внедрили различные методы, превратившие поля в своего рода заводы и устранившие воздействие на сельскохозяйственные работы большинства существовавших ранее факторов неопределенности, зависевших от почвы и погоды. Однако успешное внедрение агротехнических методов обернулось против самих фермеров, приведя к сокращению занятости; заработная плата осталась на низком уровне, возникает угроза безработицы.

Таково парадоксальное положение, сложившееся в американском сельском хозяйстве, товарная продукция которого значительно превышает емкость рынка — конечно, при разумных ценах.

Кроме того, по мере увеличения средств у потребителей пропорционально уменьшалась доля расходов, которая отводится в каждом семейном бюджете на сельскохозяйственные продукты. За последние 50 лет доходы на душу населения примерно удвоились. За этот же период потребление сельскохозяйственных продуктов на душу населения возросло лишь на 17%. Изобилие порождает, разумеется, лучшее питание. Однако после того, как удовлетворяются элементарные потребности, самая большая часть имеющихся в наличии дополнительных средств идет на покупку товаров или услуги, ничего общего не имеющие с сельским хозяйством.

В силу этих двух явлений многие фермеры вынуждены покидать землю, где в их труде более не нуждаются; тем, кто остается, приходится, чтобы по-прежнему жить в достатке, добиваться от государства помощи, какой не получает никакая другая категория трудящихся.

Ровно полвека назад сельскохозяйственное население США насчитывало 32 500 тыс. человек (32% общей численности населения). В то время один фермер обеспечивал пропитание 8 человек, включая самого себя; кроме того, он даже одевал их, поскольку текстильное волокно в основном было животного или растительного происхождения. В настоящее время

13 млн. жителей США, проживающих в деревнях, составляют 6,4% общей численности населения. Каждый фермер обеспечивает пропитание 33 человек, хотя одевает он их теперь лишь частично.

Эти цифры дают представление о переселении сельскохозяйственных производителей в города. С 1940 г. 25 млн. фермеров покинули фермы, что составляет примерно 1 млн. в год. Несмотря на эту чрезвычайную мобильность, несмотря на все усилия правительства, уход в города был недостаточно быстрым для того, чтобы уровень жизни в деревнях повышался такими же темпами, как и в городах.

Для решения этой проблемы американские экономисты избрали путь выплаты дотаций слишком высокоразвитому сельскому хозяйству, не желая столкнуться с нехваткой сельскохозяйственных продуктов, как это имеет место в других странах.

Более продуктивное использование земель

Начиная с 1950 г. американское сельское хозяйство постепенно превратилось в производство, способное приспосабливаться к новым рынкам и к постоянно изменяющейся технике. Его основной чертой, подобно промышленности, становится ускоренная замена рабочей силы — и в меньшей степени самой земли — новыми средствами производства, такими, как машины, оборудование, удобрение, инсектициды и т. д.

Механизация американского сельского хозяйства характеризуется несколькими цифрами: к концу 1963 г. стоимость оборудования ферм поднялась примерно до 20 млрд. долл. В эту сумму, в частности, входили 5 млн. тракторов, 3 млн. различных грузовиков, 1 млн. комбайнов, 820 тыс. кукурузоуборочных комбайнов, 750 тыс. сенокосилок и 1 млн. доильных аппаратов.

Наличие этой высокоразвитой техники тесным образом связано с формой собственности: менее 20% американских хозяйств сдается арендаторам или издольщикам. Как правило, фермы обслуживаются самими землевладельцами.

В период с 1950 по 1965 г. сельскохозяйственное производство США выросло на 35%, несмотря на правительственные постановления, направленные на ограничение развития сельского хозяйства, сокращение площади обрабатываемых земель на 11% и рабочей силы на 45%. В настоящее время около 17% пахотных земель в стране находится по просьбе федерального правительства в залежи, в обмен на определенную финансовую компенсацию. Меры, направленные на замедление роста производства сельскохозяйственной продукции, были частично уравновешены повышением урожайности (в среднем на 18% за последние 5 лет: 12% — пшеница, 19 — хлопок, 29% — кукуруза). Эти противоречивые факторы, действующие в американском сельском хозяйстве, приводят к по-

стоянным изменениям его структуры. Налицо две столь же противоречивые тенденции: одна ведет к расширению производства, а другая — к ограничению.

С одной стороны, имеются хозяйства, которые ежегодно продают продукции более чем на 10 тыс. долл.; в настоящее время их число перевалило за 1 млн. и составляет 31% общего числа хозяйств (в 1960 г. их было немногим более 800 тыс.). Эти хозяйства делят между собой 83% сельскохозяйственного рынка (5 лет назад — 73%), хотя и продолжают сохранять в основном семейный характер. Правда, возрастает также количество сельскохозяйственных кооперативов.

С другой стороны, имеются хозяйства, не достигающие такого объема производства; они постепенно приходят в упадок и даже совсем разоряются. В настоящее время их около 2 млн. За последние 5 лет разорилось 573 тыс. таких хозяйств. Хозяйства распределяются следующим образом:

Размер хозяйств (*га*)	%
Менее 4	6,5
От 4 до 20	21,9
От 20 до 40	17,0
От 40 до 70	20,8
От 70 до 100	11,2
От 100 до 200	12,7
От 200 до 400	5,4
Свыше 400	3,7

Соотношение постоянно меняется, причем средние размеры собственности постоянно возрастают. Практически в настоящее время более половины обрабатываемых земель принадлежит тем 3,7% хозяйств, которые имеют 400 *га* и более.

Некоторая специализация

Увеличение площади хозяйств сопровождается некоторой специализацией. Каждый район, каждая ферма стремятся изыскать, а затем и производить те виды сельскохозяйственных продуктов, которые наилучшим образом приспособлены к данным природным условиям. Специализация облегчает ведение хозяйства, поскольку позволяет фермеру хорошо освоить соответствующие агротехнические методы и рентабельно механизировать свое хозяйство. Помимо этого, она облегчает и сбыт продукции. Специализация наложила отпечаток на крупные сельскохозяйственные районы страны, которые имеют теперь не только географическое название, но и определяются по виду основной сельскохозяйственной культуры: кукурузный пояс, хлопковый пояс и т. д.

Кукуруза (90 млн. *т* в год, 40% мирового урожая) является королевой на Среднем Западе: в штатах Айова, Илли-

нойс, Миннесота, Индиана, Огайо. Урожайность чаще всего превышает 40 *ц* с *га*. Каждый постоянный сельскохозяйственный рабочий обрабатывает более 50 *га*. Все делается машинами: вспашка, подготовка почвы, посев, окучивание, уборка урожая. Фермы принадлежат главным образом семьям.

Пшеница (35 млн. *т*) выращивается на обширных хлебных равнинах Канзаса, Оклахомы, Небраски, Монтаны. В этой зоне фермы большие: если бы ферма располагалась на площади менее 200 *га*, она не смогла бы обеспечить семью. Тем не менее в своем большинстве хозяйства здесь семейные. Урожайность невысокая, земли сухие, осадки выпадают редко.

Второстепенные зерновые культуры (овес — 12 млн. *т*; ячмень — 8700 тыс. *т*) выращиваются на Среднем Западе (Айова, Миннесота, Висконсин).

Хлопок (2300 тыс. *т*) сосредоточивается на юго-востоке, где он до сих пор составляет основное богатство района с теплым и влажным климатом. Обрабатываемые площади за последние 25 лет значительно сократились, однако производство осталось примерно на прежнем уровне. Здесь вместе с хлопком произрастают сахарный тростник (1 млн. *т* сахара из общего количества 3300 тыс. *т*), а также табак (1 млн. *т*) — культура, занимающая в США 4-е место в стоимостном выражении после хлопка, пшеницы и кукурузы.

Под животноводством занята примерно четверть территории северо-востока США, естественно, вместе с площадями, отведенными под кормовые культуры. Любопытно отметить, что «молочная зона» сочетается с «куриной зоной», поскольку между утренним и вечерним доением коров животновод может уделить большую часть своего времени птицеводству. На западе животноводство в основном носит мясной характер. Имеется 107 млн. голов крупного рогатого скота (2-е место после Индии), 56 млн. голов свиней (наряду с СССР самое большое количество в мире), 28 млн. овец.

Этому огромному производительному аппарату соответствуют свои методы и средства сбыта, которые превращают американского фермера прежде всего в торговца. Виды сельскохозяйственных культур определяются, изменяются и выращиваются в зависимости от нужд рынка. Фермера постоянно информируют о вкусах потребителей, положении на рынке, последних новшествах в агротехнике, которые разрабатываются в университетских или правительственных научно-исследовательских лабораториях, а также о средствах, которые он может использовать для приспособления к этим меняющимся условиям. На карту поставлено многое: только хорошее функционирование этой системы позволит фермеру получить до-

стойное вознаграждение за свои труды и гарантирует потребителю то, что он заплатит разумную цену за те сельскохозяйственные продукты, в которых он нуждается. Разнообразие сельскохозяйственных продуктов, большие расстояния, на которые приходится их перевозить, емкость рынка — все это определило природу трех основных осей, вокруг которых строится эта система:

классификация и определение продуктов, отвечающих условиям продажи (нормализация под государственным контролем);

организация информации о конъюнктуре рынка (140 федеральных центров, расположенных во всех уголках страны, ежедневно сообщают в Вашингтон о состоянии местного рынка);

эффективные методы перевозки, обработки, хранения и распределения продуктов.

Поиски внешних рынков, естественно, являются одним из путей сбыта продукции, объем которой значительно превышает нужды внутреннего рынка. В стоимостном выражении экспорт американских сельскохозяйственных продуктов возрос в 1965 г. до 6,1 млрд. долл., что составляет примерно 17% сельскохозяйственного производства США. Это главным образом зерновые (2 млрд. долл.), жиры и масла (650 млн. долл.), хлопок (550 млн. долл.) и табак (350 млн. долл.).

Иногда Соединенные Штаты обвиняют в стремлении «наводнить» своими сельскохозяйственными «излишками» мировые рынки. При этом, с одной стороны, забывают, что экспорт всегда идет за счет сельскохозяйственных или иных «излишков» и что многие страны экспортируют значительно больше 17% продукции своего сельскохозяйственного производства. С другой стороны, не учитываются огромные потребности других континентов, которые сельское хозяйство США могло бы удовлетворить, если бы была установлена подходящая международная система платежей.

Фактически американский налогоплательщик берет на себя бремя удовлетворения части этих потребностей. $^{2}/_{3}$ экспорта пшеницы, $^{2}/_{5}$ экспорта риса финансируются в США федеральным правительством в рамках программы продовольственной помощи развивающимся странам. 27% американских сельскохозяйственных продуктов, вывозимых за границу, в той или иной степени предоставляются безвозмездно.

Правительственная помощь

Американский фермер, который, правда, извлекает выгоду из внешней политики, направленной на оказание помощи менее развитым странам, кроме того, сам получает правительственную помощь в основном в виде поддержания цен на основные сельскохозяйственные продукты.

Эта политика обходится американским налогоплательщикам примерно в 5 млрд. долл. в год.

И действительно, федеральное правительство обязуется ежегодно покупать по заранее установленным ценам основные избыточные продукты (пшеницу, рис, второстепенные зерновые, арахис, хлопок, табак). С другой стороны, фермеры должны брать на себя обязательства по сокращению площадей обрабатываемых земель, по охране почв и т. д. Федеральное правительство получает таким образом значительные запасы продуктов, оценивавшиеся на 1 июля 1965 г. в 6,3 млрд. долл. (в том числе на 1,9 млрд. долл. хлопка, примерно на столько же второстепенных зерновых, на 1,4 млрд. долл. пшеницы и т. д.). Запасы пшеницы и второстепенных зерновых культур уменьшились за последние 5 лет более чем на 40%. Однако запасы хлопка увеличились более чем в 2 раза.

Все американские правительства, начиная с правительства Франклина Рузвельта, сознавали необходимость создания в стране процветающего, эффективного сельского хозяйства, могущего утвердиться на мировом рынке. Американский фермер должен иметь высокий уровень жизни, даже если налогоплательщик должен идти на жертвы.

Он согласен на это, поскольку существует подлинная национальная политика в области сельского хозяйства.

Федеральное правительство поддерживает этот важный сектор экономики не только в финансовом отношении. Оно активно поддерживает сельское хозяйство путем мероприятий, направленных на улучшение методов обработки почвы, повышение урожайности, улучшение почв и самих продуктов. Благодаря федеральным органам распространения сельскохозяйственных знаний фермеры получают необходимую информацию и консультации, позволяющие им выбрать наиболее рентабельные культуры, техническую помощь, которая позволяет им наилучшим образом использовать семена и технику.

В каждом графстве представитель министерства сельского хозяйства находится в распоряжении фермеров, он регулярно посещает хозяйства, следит за состоянием почв, рекомендует необходимые меры по предупреждению эрозии и обеднения почв, а также находится в курсе рыночной конъюнктуры. Вмешательство федерального правительства в этой области встречает всеобщее одобрение. Именно это способствовало в большой степени превращению сельского хозяйства США в такую отрасль производства, в которой используются методы, близкие к промышленным.

17. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

Ресурсы в масштабах целого континента

В течение жизни нескольких поколений американцы создали самую мощную в мире промышленность. Хотя в промышленности занято лишь около $^1/_4$ наличной рабочей силы, она дает около 90% валового национального продукта.

Этот промышленный комплекс обладает рядом черт, которые частично встречаются и в других странах, но целиком не повторяются нигде.

Географически американская промышленность создавалась главным образом в зависимости от имевшихся запасов энергии. Тяжелая промышленность возникла и развивалась сначала вокруг угольных шахт Пенсильвании, затем Индианы и Иллинойса на северо-востоке страны. В настоящее время она концентрируется главным образом между Великими озерами и Атлантическим побережьем, хотя очаги тяжелой промышленности имеются и в других районах (например, на Юге), где имелись для этого различные преимущества (в частности, низкая заработная плата). В 6 штатах этого района (Иллинойс, Индиана, Мичиган, Огайо, Пенсильвания и Нью-Йорк) насчитывается примерно половина работающих в промышленности, хотя население вообще составляет 35% общей численности населения США. Множество доменных печей, поднявшихся от Питтсбурга до Кливленда, оправдывают название «американский Рур», которое было дано этому самому мощному в мире промышленному комплексу.

Тем не менее американские промышленники не находят в этом «Руре» руды, наличие которой считалось в Европе необходимым условием создания металлургической промышленности. Железная руда залегает несколько дальше: вокруг Верхнего озера, на месторождениях Месаби, Вермильона, Маркетта. Однако расходы на перевозки по Великим озерам очень низки, а условия добычи руды чрезвычайно выгодны. Углубление реки Св. Лаврентия позволяет с недавних пор доставлять также дешевую руду с Лабрадора.

Вокруг металлургической промышленности, естественно, возникали машиностроительные предприятия, крупные потребители стали. Автомобильная промышленность разместилась в Детройте и вокруг озера Эри: именно здесь «Форд», «Дженерал моторс» и другие компании выпустили в 1963 г. 9 млн.

4 Зак. 36

автомашин, а в 1965 г. — 11 млн., то есть примерно половину всего мирового производства автомобилей. Резина и шины поступают из Акрона, в нескольких километрах от Кливленда. Станкостроение, а также производство электрооборудования, точное и мелкое машиностроение располагаются далее на восток, в штатах Нью-Йорк и Новая Англия. По всей Новой Англии разбросаны предприятия текстильной промышленности, которая ранее была мощной, а в настоящее время приходит в упадок.

Угольные шахты и сталелитейные заводы вовлекли в свою орбиту химическую промышленность, использующую доменные газы и побочные продукты производства кокса, производство стекла и керамических изделий.

Расположенный в том же районе Нью-йоркский агломерат также является центром обширного промышленного комплекса. Однако здесь предпринимателей привлекали не источники энергии или дешевое сырье, а имевшаяся в изобилии городская рабочая сила и рынок сбыта. На юге страны, где индустриализация началась после второй мировой войны, имеющаяся рабочая сила также побуждает компании строить заводы. Речь идет не о высококвалифицированной, а о дешевой рабочей силе. Разница между заработной платой белых на Севере и черных на Юге постепенно сокращается, но она сыграла первостепенную роль в том, что закипела жизнь в целом районе страны. Однако на Юге имелись и другие преимущества: значительные запасы угля (район Аппалачей), железной руды (Алабама) и хлопок — сырье для текстильной промышленности, которая до этого ограничивалась Новой Англией; имелся и еще один экономический фактор, которым зачастую пренебрегают, а именно климат, позволяющий строить очень легкие сооружения и дающий экономию на отоплении.

На юго-западе промышленность создавалась вокруг нефти. В Техасе нефтехимия дополнила животноводство. Создание крупного космического центра в Хьюстоне, так же как и вокруг мыса Кеннеди во Флориде, привело к расцвету высокоспециализированных отраслей промышленности.

И все же наиболее современный и, конечно, наиболее быстро развивающийся промышленный комплекс США в настоящее время расположен на Западе, в Калифорнии. В прошлом молодой американец, обладавший воображением и предприимчивостью, шел на Запад в поисках золота и тучных земель Калифорнии. В настоящее время он идет на авиационные и электронные заводы, на верфи, на предприятия пищевой промышлености, разместившиеся на Тихоокеанском побережье от Канады до Мексики. Если принять за единицу измерения дополнительную в результате обработки стоимость продукции, то Калифорния стала вторым в США штатом (после Нью-Йорка); она дает примерно 9% общей суммы стоимости, до-

бавленной обработкой на промышленных предприятиях Америки. В целом штаты Запада (Калифорния, Вашингтон, Орегона) обладают в настоящее время таким промышленным потенциалом, который намного превосходит потенциал Новой Англии.

Сырье

Богатства недр позволяют США быть в числе первых в мире по добыче каменного угля, нефти, железной руды, меди, цинка, свинца и бокситов. Импортируются лишь такие материалы, как олово, марганец и хром.

Запасы угля считаются практически неисчерпаемыми. При ежегодной добыче 450 млн. *т* будущее обеспечено на десяток тысяч лет, а залегание углей таково, что средняя добыча на одного рабочего составляет примерно 10 *т* в день.

Что касается нефти и природного газа (380 млн. *т* нефти, 425 млрд. *куб. м* газа), то здесь будущее менее радужно: известных запасов хватит на 20—25 лет, однако опыт показывает, что открытие залежей обычно идет в том же темпе, что и рост потребления. Значительные залежи обнаружены у побережья в Мексиканском заливе.

Что касается железной руды, то огромные залежи в районе Великих озер (несколько более 1 млрд. *т*) если не истощаются, то по крайней мере их разработка становится все более трудной; добыча ведется и в других районах (Скалистые горы, Вайоминг, Калифорния). Однако американская металлургическая промышленность приобрела рудники и за границей, в частности в Канаде и Венесуэле, и использует все меньше национального сырья (добыча железной руды в США сократилась примерно до 80 млн. *т* в год, в то время как сразу же после войны она составляла 100—120 млн. *т*).

Известные в настоящее время запасы медной руды позволяют рассчитывать еще примерно на 40 лет добычи. Запасы бокситов гораздо меньше, если учесть темпы добычи в настоящее время (2 млн. *т* в год). Приблизительно так же обстоит дело с цинком и свинцом.

Кстати, проблема национальных ресурсов сырья в настоящее время стоит гораздо менее остро, чем 40 или 50 лет назад. С одной стороны (и это особенно верно в отношении нефти), мировая добыча значительно увеличилась. С другой стороны, либерализация международной торговли сделала для всех промышленно развитых стран более легким делом получение сырья.

Считается неоспоримым, что изобилие сырьевых ресурсов американских недр способствовало превращению американской промышленности в то, чем она является сегодня. Однако было бы преувеличением видеть в этом основной фактор развития. В мире имеются государства, народы которых с большим трудом стали добывать природные богатства, находя-

щиеся у них под рукой, или же вообще не сумели этого сделать.

Американская промышленность обладает еще одним козырем: высококвалифицированной рабочей силой. Лишь 25% американских трудящихся занято в промышленности: всего около 18 млн. человек, из которых более половины являются квалифицированными рабочими или мастерами. Производительность труда этих работников высокая и все время быстро увеличивается (более чем на 50% с 1947 г.) благодаря механизации труда. На каждого американского рабочего на заводе приходится примерно 12,5 *л. с.* в виде различного оборудования.

Наибольшее количество рабочих занято в пищевой промышленности (1700 тыс. человек), затем идет транспортное машиностроение (1600 тыс.), электропромышленность (1500 тыс.), различные отрасли машиностроения (1500 тыс.), швейная промышленность (1300 тыс.), металлургическая и тяжелая промышленность (1200 тыс.), обрабатывающая промышленность и легкая металлургия (1200 тыс. человек) и т. д.

Вопреки широко распространенному мнению в США крупные предприятия не являются правилом: лишь 17,2% промышленных рабочих занято на предприятиях, насчитывающих свыше 2500 человек. 13,3% занято на предприятиях с числом работников от 1000 до 2500 человек, 12,3 — на предприятиях размером от 500 до 1000 человек, 14 — на предприятиях размером от 250 до 500 человек, 16 — на предприятиях размером от 100 до 250 человек и 9,8% — на предприятиях размером от 50 до 100 человек.

Статистика заработной платы дает примерно сходные цифры: 21,6% заработной платы выплачивается на предприятиях, где занято более 2500 человек; 14,7 — на предприятиях от 1000 до 2500 человек; 12,4 — от 500 до 1000 человек; 13,2 — от 250 до 500 человек; 14,8 — от 100 до 250 человек; 8,7 — от 50 до 100 человек.

Предприятия

Распределение основных отраслей промышленности США по наиболее рациональному признаку, а именно по добавленной стоимости, несколько поразит тех, кто имеет о США устаревшее представление. Из этого распределения ясно, что хотя во главе идут отрасли промышленности, производящие средства транспорта (автомобильная, авиационная и т. д.), с добавленной стоимостью 20,9 млрд. долл., однако за ними по пятам следуют предприятия пищевой промышленности, символизирующие высокий уровень жизни (добавленная стоимость 20,8 млрд.). Это два сектора, стоящие непосредственно на службе потребителя. Далее следует химическая промышленность (16 млрд. долл.), машиностроение (16 млрд.), электрооборудование (15,5 млрд.). Крупная металлургия (главным

образом черная) занимает лишь 6-е место (13,7 млрд. долл.), за ней следует легкая металлургия (11,1 млрд.), производство бумаги и картона (7 млрд.), текстильная промышленность (6 млрд.) и т. д.

По этому признаку, дающему возможность провести классификацию, и по другим признакам крупные предприятия составляют примерно $^1/_5$ часть промышленности США. 20,5% общей суммы добавленной стоимости создают предприятия, на которых занято свыше 2500 человек; 15,2 — предприятия, на которых занято от 1000 до 2000 человек; 12,8—предприятия от 500 до 1000 человек; 13,7 — предприятия от 250 до 500 человек и 23% — небольшие предприятия от 50 до 250 человек. В подтверждение теории, которая отводит крупные предприятия преимущественно отраслям массового производства, отметим, что из 10 крупнейших промышленных компаний США 3 автомобильные («Дженерал моторс», «Форд», «Крайслер» — в порядке величины), 4 нефтяные («Стандард ойл», «Сокони мобил», «Тексако» и «Галф»), 3 остальные заняты производством электрооборудования («Дженерал электрик»), электроники (ИБМ) и стали («Ю. С. стил»). В целом на этих 10 компаниях занято свыше 2300 тыс. человек, а сумма их продаж превышает 75 млрд. долл.

Разумеется, гигантское предприятие — это не выдумка: в мире из 65 фирм, оборот которых превышает 1 млрд. долл., 50 являются американскими. Промышленная и финансовая мощь позволяет этим предприятиям успешно осуществлять любой проект в кратчайшие сроки, сосредоточивать крупные капиталовложения в том или ином новом секторе, направлять значительные суммы на научные исследования, а затем на разработку новой продукции. Однако чаще всего эти фирмы играют роль организатора работ: каждая из них дает работу сотням более мелких предприятий, специализирующихся на том или ином участке производства. Вся эта система подкрепляется значительным накоплением капитала, которое упрощает в высшей степени проблемы финансирования.

Ключевой элемент экономического развития — научные исследования — требует, естественно, значительных средств. В настоящее время в США на двуединый сектор «научных исследований» и «развития» расходуется примерно 18 млрд. долл. в год, то есть в 3 раза больше, чем 10 лет назад.

Правда, государство берет на себя примерно 60% этих расходов, а налоговая система стимулирует частные научные исследования. Тем не менее наиболее динамичные предприятия основывают свои планы расширения в будущем главным образом на поисках новой продукции, новых методов, и этим весьма активно занимаются их лаборатории: в 11 крупных отраслях промышленности, которые используют 85% научно-исследовательского персонала, количество лабораторий

увеличилось с 1945 по 1960 г. на 200%. За тот же период количество ученых, инженеров и техников, работающих в этих лабораториях, увеличилось на 310% и достигло общей цифры около 210 тыс. человек.

Производственный аппарат работает тем более эффективно, что благодаря содействию со стороны правительства, кажется, удалось устранить перебои, которые были известны до сих пор как циклические кризисы. Опасения относительно перепроизводства, выражаемые иногда из-за самих масштабов американского потенциала, видимо, не имеют под собой оснований. США, как и другие страны, постоянно стоят перед «новыми рубежами», за которыми после их достижения открываются все новые и новые области промышленной деятельности. Как только тяжелая промышленность стала приходить в упадок, эстафету приняли неизвестные еще 10 лет назад отрасли космической промышленности. Если сократится военный бюджет, то создадутся новые возможности развития обширных районов от Аризоны до Новой Мексики, интенсивная индустриализация таких ранее слаборазвитых районов, как Юг, возвращение к жизни городов Севера, борьба с бедностью. В какой-то мере наблюдается застой в промышленности, работающей на потребление. На сцене новые поколения молодежи; каждый год на рынках появляется от 3 до 4 млн. новых потребителей.

Разумеется, хотя эти преобразования и являются необходимыми, перестройка связана иногда с трудностями. Автоматизация, заменяющая человека машиной, является одним из примеров таких трудностей, поскольку она вызывает технологическую безработицу. Однако нет никаких оснований считать, что проблемы этого рода, которые в настоящее время решаются, не могут быть разрешены завтра. Во всяком случае, в том, что касается автоматизации, цифры занятости выглядят убедительно: внедрение современных машин не привело к росту числа безработных; и действительно, со времени президента Джона Кеннеди США постепенно приближаются к полной занятости. В настоящее время безработных стало меньше 5%, причем за этой цифрой скрыты весьма различные случаи и обстоятельства (сюда входят продолжающие учебу и ищущие работу студенты, лица, покинувшие одну работу и ищущие другую, физически неполноценные лица и т. п.). Из 3450 тыс. безработных, зарегистрированных в 1965 г., менее 25% не имели работы в течение трех месяцев и более, что можно было рассматривать действительно как проблему.

18. ТОРГОВЛЯ

СТРУКТУРА

Максимальное потребление

В условиях рыночной экономики торговая система в принципе строится таким образом, чтобы доставить потребителю изделия промышленности, где бы он ни находился, в кратчайший срок и по самым низким ценам. Американская система, основанная на максимальном потреблении, находится на службе потребителя и старается максимально помочь ему в приобретении товара; она находится и на службе промышленности, помогая ей сбывать продукцию. Служа таким образом передаточным звеном между двумя группами, она позволяет промышленникам узнавать вкусы и желания потребителей, а потребителям — знакомиться с продукцией промышленников.

Это двоякое назначение придало коммерческой системе такую роль в американской экономике, которая по своему значению, может быть, уже превышает роль производителей. И действительно, основная проблема, стоящая перед обществом изобилия, — это не производство, организация которого покончила с нехваткой любых продуктов, а как раз сбыт продукции, который только лишь начинает приобретать промышленный характер.

В настоящее время сети распределения складываются в зависимости от двух основных элементов: от смены места проживания потребителей и от битвы цен. Структура сетей точно отражает эту двойную необходимость — следовать за потребителями туда, где он находится, и привлекать его все более и более низкими ценами. Система развивается в направлении создания крупных торговых предприятий с многочисленными филиалами, которые в финансовом отношении более всего способны изменить местоположение торговых точек в целях приспособления к внутренним миграциям населения и обеспечить такие условия продажи, которые позволяют постоянно снижать цены.

Статистические данные дают полное представление об этих чертах торговли.

В Соединенных Штатах насчитывается около 1700 тыс. розничных торговых предприятий (и 185 тыс. оптовых предприятий), ежегодный оборот которых превышает 200 млрд. долл. (150 млрд. долл. — оборот оптовых предприятий). В них

занято свыше 8500 тыс. человек (6 млн. в розничных предприятиях). В целом коммерческая деятельность в США приносит наибольшую долю национального дохода (более 16%) после обрабатывающей промышленности.

Как правило, предприятия находятся в частной собственности: насчитывается 277 тыс. коммерческих предприятий в виде компаний и 1240 тыс. предприятий индивидуальных владельцев. Однако $^2/_3$ компаний являются предприятиями с многочисленными филиалами (89 тыс. из них имеют более 10 точек продажи), на которых занято свыше 3 млн. человек. Наконец, около 0,5% предприятий системы американского распределения приносят $^1/_3$ всего оборота; 400 предприятий делят между собой половину общей суммы продаж.

Наибольшее количество торговых предприятий насчитывается в области питания: 350 тыс. с торговым оборотом более 60 млрд. долл. В секторе ресторанов и баров насчитывается такое же количество предприятий, однако их оборот значительно ниже (18 млрд.). На 3-м месте по количеству предприятий находятся заправочные станции (210 тыс., торговый оборот около 20 млрд. долл.). Кроме того, насчитывается около 120 тыс. магазинов готового платья и обувных магазинов (торговый оборот 15 млрд.) и 103 тыс. предприятий по продаже мебели и бытовых товаров, в том числе радиоприемников и телевизоров (торговый оборот 11 млрд.).

Универмаги имеют оборот около 16 млрд., а предприятия по продаже по почте — 2,1 млрд. долл.

Относительно скромная сумма оборота крупных американских универмагов объясняется особенностями жизни в городах: «децентрализацией» крупных городов, сопровождающейся «бегством» в пригороды. Налицо значительный рост числа коммерческих центров, размещающихся там, где имеются покупатели, и делающих ненужными традиционные поездки в торговые кварталы городов. Эти центры свидетельствуют о появлении новой формы сбыта, которая родилась в США и быстро распространилась по всему миру.

Традиционная торговля в Америке, как и в Европе, осуществляется универмагами и мелкими лавочками, принадлежащими частным лицам или компаниям, которые обычно сосредоточиваются в определенных кварталах в центре городов (даун-таун). И те и другие не имеют возможностей для расширения. Кроме того, они сталкиваются с проблемой, решить которую им не по силам, а именно с проблемой автомобильного транспорта и стоянки. Потребителя отпугивает перспектива «крутиться» в течение десятков минут за рулем машины в поисках места стоянки. Несмотря на дорогостоящие усилия коммерсантов (строительство гаражей, особых мест для стоянки), рост числа автомобилей весьма быстро перекрывает все предусматриваемые ими выходы из положения.

Сверхрынки, самообслуживание

Эту проблему решают коммерческие центры в пригородах; кроме того, их преимущество состоит в том, что они приближают места торговли к покупателю, покинувшему город и проживающему в предместье. Среди огромных паркингов создается целая гамма разнообразных коммерческих предприятий, которые чаще всего группируются вокруг сверхрынка. Размеры и количество торговых точек зависят, разумеется, от плотности обслуживаемого ими населения. В настоящее время насчитывается более 3 тыс. таких центров, распределенных по всей территории США.

Коммерческий центр, рассчитанный на снабжение 1000 семей, располагается, как правило, на площади 3 — 4 *га*. В него обычно входят 2 продуктовых магазина, 1 аптека, которая снабжает покупателя в основном ходовыми непищевыми товарами, а также десяток лавочек по розничной торговле или предоставлению различных услуг (магазины готового платья, химчистка, обувные магазины, магазины спортивных товаров и т. д.). Для 5 тыс. семей площадь коммерческого центра достигает обычно 5 и даже 10 *га*; торговые предприятия здесь более многочисленны (от 20 до 40) и более разнообразны. Крупные центры, обслуживающие 10 тыс. семей и более, располагаются на площади 12 — 15 *га* и предоставляют в совокупности все коммерческие ресурсы для среднего города: универмаги (главным образом филиалы городских универмагов), несколько сверхрынков, десятки лавочек, отделения банков и т. д. Эти центры иногда привлекают даже и городского потребителя.

Внутри этих центров или же в городах сверхрынки с системой самообслуживания представляют собой второе торговое новшество, которое можно поставить в заслугу американской системе распределения. Это новшество появилось несколько раньше, еще в 30-х гг., когда великий кризис потребовал от коммерсантов удвоить усилия в поисках новых идей для развития торговли. Сверхрынок родился тогда, когда выяснилось, что традиционная торговля с ее сложной структурой и крупными накладными расходами неспособна удержать потребителя, по покупательной способности которого был нанесен сильный удар. Для того чтобы продавец мог спуститься до уровня этих обедневших потребителей, ему, разумеется, необходимо было снизить цены. Система самообслуживания появилась в качестве удовлетворительного средства решения этой проблемы: она не только до минимума снижала расходы на обслуживающий персонал, относительно небольшие, но главное — требовала рациональной организации торговли в плане упрощения и стандартизации.

Со времени расцвета системы самообслуживания были испробованы и другие формы упрощения продажи. Наиболее

интересной из них является система «дискаунт хауз», то есть магазинов со сниженными ценами. Здесь самообслуживание имеет место в обстановке сознательного хаоса (в начале введения этой системы продажа иногда шла прямо на складе). Товары для продажи оставляются в упаковке, они свалены в кучу, здесь обслуживающий персонал еще более сокращен, а традиционные системы обслуживания после продажи — доставка на дом, возможная починка или ремонт и т. д. — полностью ликвидированы. В результате цены могут быть на 20, а иногда и на 30% ниже по сравнению с традиционной системой торговли.

Таким образом, очевидно, что великая борьба цен развернулась в области услуг, в некотором роде дополняющих продажу. В Соединенных Штатах можно было наблюдать, как коммерсанты снимали пустующие заводы и устраивали там сверхупрощенные магазины, сознательно сваливая в кучу товары. Коммерсант рассчитывает только на цены. Потребитель покупает здесь товары, которые, как он видел, продавались по более высоким ценам в традиционных, хорошо обставленных магазинах. С другой стороны, он не получит никаких услуг, которые ранее предоставляли коммерсанты... и не будет иметь такой радующей глаз обстановки.

По правде говоря, эти услуги при системе «дискаунт хауз» исчезли не полностью. Некоторые услуги обеспечиваются производителями.

Фактически в системе самообслуживания и «дискаунт хауз» именно производитель играет ту роль, которая по традиции отводилась коммерсанту. Он придумывает и создает упаковку, которая должна заменить былую умелую раскладку товара на прилавке. Он знакомит потребителя со своим товаром путем рекламы. Он гарантирует качество: именно к нему, а не к коммерсанту, который обезличился, обратится потребитель в случае необходимости с рекламацией.

Яростная конкуренция в области цен не задушила, как того опасались, мелкую торговлю. Правда, мелким розничным торговцам приходится вести постоянную борьбу с тремя мощными врагами: магазинами с многочисленными филиалами, предприятиями продажи по почте и с автоматическими распределителями. Первые располагают несравненно большей финансовой мощью, которая позволяет им получать товары в наивыгоднейших условиях. Вторые (особенно знаменитая фирма Сирз Рёбак) используют магические свойства каталога и преимущества доставки на дом, также пользуясь превосходными условиями продажи в силу масштабов своего оборота. Последние, зачастую создаваемые самими промышленниками, решительно вытесняют коммерсантов.

Отмечают, что «мерчендайзинг фирмз», то есть предприятия по распределению, достигают внушительных размеров.

Первая среди них фирма (Сирз Рёбак) по объему продаж (6,4 млрд. долл.) идет сразу же за тремя первыми промышленными предприятиями («Дженерал моторс», «Форд» и «Стандард ойл»). Серия сверхрынков, вроде «Сейфвей», продает товаров на сумму около 3 млрд. долл. Оборот магазинов с многочисленными филиалами, типа «Вулворта», превышает 1400 тыс. долл.

Отдельные розничные торговцы в ответ на это объединяются между собой. Зачастую под эгидой оптовых торговцев они создают сети распределения, благодаря которым имеется возможность централизовать покупку продуктов, легче добиваться займов у банков, изучать новые методы сбыта, организовывать кампании по рекламе, по продаже образцов товаров и проводить другие операции, носящие более или менее рекламный характер. Во всяком случае, такие торговцы не исчезли. Так, например, в торговле продовольственными товарами доля независимых коммерсантов остается с 1933 г. удивительно стабильной (около 60%).

И все же тенденция к концентрации торговых предприятий проявляется с большой силой. В настоящее время ключевым лозунгом всех американских сетей распределения является упрощение. Однако упрощение это, разумеется, не может решить всех проблем. В плюралистском обществе сосуществование различных форм предприятий является правилом. Оно тем более необходимо, что формы распределения непрерывно меняются, хотя проявляются и постоянные черты, способствующие индустриализации и постоянным поискам возможностей снижения цен для потребителя, а именно:

движение, которое сначала создало сверхрынки, затем магазины по продаже товаров по сниженным ценам и, наконец, «дискаунт хаузы», является неизбежным. Оно вытекает из эволюции образа жизни потребителей и огромного разнообразия продуктов, предоставляемых в их распоряжение обществом изобилия;

конкуренция, которую может ослабить тенденция к концентрации, продолжается благодаря новым, главным образом независимым коммерсантам, которые ничего не теряют, выдвигая новые или вновь открытые методы. Когда эти методы дают хорошие результаты, «крупные фирмы» следуют их примеру;

борьба в области цен идет постоянно. Поскольку качество продуктов уже не ставится под сомнение, снижение цен является прямым следствием конкуренции. Таким образом, потребитель извлекает выгоду из борьбы за рынки между крупными фирмами;

разнообразие товаров и реклама, направленная на ознакомление с этими товарами, являются непременным условием существования этой системы.

Трудно сказать, отражает ли эта система условия жизни американцев или же, напротив, сама создает эти условия.

Правда, сверхрынки и коммерческие центры родились потому, что потребители переселялись в пригороды и создавали там потенциальный готовый рынок. Но и они сами способствовали этому движению и удерживали в пригородах покупателя, который мог теперь воспользоваться свободным временем для того, чтобы вернуться в город с его музеями, театрами и всякого рода интеллектуальной деятельностью. Благодаря чудесам кондиционирования и замораживания, когда вы можете взять с собой совершенно готовый обед, экономится труд домашней хозяйки: она может поступить на работу, поскольку ежедневная готовка уже не отнимает значительной доли ее времени. С другой стороны, упрощение задач домашних хозяек приводит к тому, что некоторые женщины, финансовое положение которых не требует поступления на работу и которым уже нет необходимости работать по дому, начинают скучать от безделья.

Можно долго рассуждать на тему о положительных сторонах этой эволюции. Система же функционирует неплохо.

Ее роль в экономической жизни страны является первостепенной: американская торговля не следует за промышленностью, она идет впереди, показывает промышленности дорогу и ориентирует ее. В этих условиях не удивительно, что руководство крупными промышленными предприятиями в большинстве случаев переходит к «коммерсантам», а не к техническим специалистам.

Основное требование, предъявляемое к американской экономике, состоит теперь уже не в том, как производить, а в том, как сбыть продукцию.

19. СФЕРА УСЛУГ

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

В настоящее время в этой сфере занята треть рабочей силы

В сфере услуг, то есть в третьем, по экономической терминологии, секторе, развитие шло в Соединенных Штатах чрезвычайно быстро. Этот рост непосредственно связан, с одной стороны, с повышением жизненного уровня, и с другой — с современной техникой. И действительно, по мере роста доходов частных лиц происходит рост потребностей в таких услугах, как здравоохранение, образование и развлечения; вместе с этим сами промышленные или сельскохозяйственные предприятия в силу технического прогресса и развития рынков все чаще и чаще обращаются за такими внешними услугами, как реклама, юридические советы и т. п.

Торговля — оптовая и розничная — по традиции включается в 3-й сектор и составляет основной элемент этого сектора как по занятости, так и по доле валового национального продукта. Если взять 1962 г. (по которому имеются самые полные статистические данные), можно увидеть, что при сумме валового национального продукта 555 млрд. долл. торговля занимала 2-е место (после промышленности) с ее 97,5 млрд. долларов (см. гл. 18).

Другие виды услуг отстают довольно значительно: финансы, страхование и недвижимое имущество — 68 млрд., администрация — 60 млрд., транспорт — 23,4 млрд., коммунальные услуги (водопровод, газ, электричество) — 14,5 млрд., связь — 11,5 млрд., прочие услуги (здравоохранение, индивидуальные услуги и т. п.) — 61 млрд. долларов.

В целом в настоящее время 3-й сектор составляет свыше 60% валового национального продукта.

Примерно так же обстоит дело с занятостью. Из 57 млн. американцев и американок, работавших в 1964 г. на несельскохозяйственных предприятиях, 11 800 тыс. были заняты в торговле. Далее следовали — 9500 тыс. в администрации, 8300 тыс. в различных сферах обслуживания (в том числе в гостиничном хозяйстве, медицинской службе и т. п.), 3900 тыс. в коммунальных службах и на транспорте и 2800 тыс. в различных отраслях финансовой деятельности.

Если сложить эти цифры, то получается, что в настоящее время свыше половины наличной рабочей силы в США занято в 3-м секторе.

Рост занятости в этом секторе за последние 15 лет в высшей степени характерен. С 1950 по 1963 г. число занятых в несельскохозяйственных областях возросло примерно на 30%. В промышленности рост был относительно меньшим — 12%; в финансовых предприятиях — 50, в различных видах услуг — 60, в администрации — 55%, а на транспорте цифра осталась примерно на том же уровне (поскольку уменьшению количества работников железных дорог соответствовало некоторое увеличение количества работников других видов транспорта).

Если взять валовой национальный продукт, то рост услуг будет выглядеть еще более разительным. В то время как валовой национальный продукт возрос на 100% (в долларах по текущему курсу), торговля развивалась медленнее (80%), но другие виды услуг компенсируют это отставание: 125% — по финансовой деятельности, 160 — по администрации, 140 — по различным видам услуг, 180 — по коммунальным услугам, 150 — по связи и лишь 50% — по транспорту.

Таким образом, развитие услуг в американской экономике превзошло развитие промышленности почти во всех отношениях, и есть все основания полагать, что в дальнейшем эволюция в этом направлении пойдет еще быстрее. Речь идет о стихийном явлении, которое развилось довольно гармонично, несмотря на отсутствие планирования или, как утверждают сторонники либеральной экономики, именно из-за отсутствия планирования.

Тем не менее проблемы в этой области возникали и возникают. Они вызваны, в частности, федеральной структурой институтов и инстинктивным недоверием американских граждан к любому вмешательству со стороны государства. Так, некоторые виды коммунальных услуг не всегда развивались достаточным образом, поскольку потребители предпочитают расходовать свои доходы непосредственно на приобретение разного имущества.

Кстати, следует подчеркнуть, что для США понятие коммунальных служб не равнозначно правительственным службам. Значительное число служб, которые считаются коммунальными — транспорт, газ, электричество и в некоторой степени национальное образование на уровне университетов, — почти целиком относится к частному сектору. Государство на федеральном или местном уровне вмешивается обычно лишь тогда, когда отсутствует достаточная частная инициатива. Расширение поля деятельности администрации за 20 последних лет показывает, что этот прагматический критерий применяется более или менее удовлетворительным образом.

Значение 3-го сектора отражено в свою очередь в статистике потребления. Американцы ежегодно тратят свыше 30 млрд. долл. в мотелях, гостиницах, туристических лагерях и других базах, где они проводят свои отпуска; они тратят

23,7 млрд. долл. на здравоохранение и лишь 7,5 млрд. долл. на индивидуальные услуги (парикмахерские и институты красоты — 1,8 млрд., погребальные услуги — 1 млрд., турецкие бани и массаж — 31 млн. долл. и т. п.); 3,8 млрд. долл. тратится на гаражи и ремонт машин, 5 млрд. — на телефон и телеграф и т. д.

В целом услуги составляли 51% общей суммы индивидуальных расходов на потребление, которые в 1962 г. достигли 355 млрд. долл. За 12 лет до этого, в 1950 г., услуги составляли лишь 46% этих расходов.

Как в социальном, так и в экономическом плане важное место занимает здравоохранение. В США выделяют на эти нужды 34 млрд. долл., или 6% валового национального продукта. Главным образом речь идет о частных фондах, а правительственные расходы в этой области составляют менее 10 млрд. долл.

Из общих ежегодных расходов на лечение частные лица тратят 27% — на больницы, 26 — на врачей, 18 — на покупку лекарств и 10% — на зубных врачей.

Интересно также рассмотреть сектор образования. Американская администрация, главным образом на уровне штатов, ежегодно расходует около 22 млрд. долл. на нужды образования (начального, среднего и высшего), из которых 18 млрд. идут на текущие нужды (455 долл. на ученика), а остальные — на развитие системы образования. К этой сумме следует добавить расходы частных лиц, составляющие свыше 5 млрд. долл. Таким образом, в целом образование поглощает 5% валового национального продукта.

Тенденция

Характерным примером эволюции американской экономики являются службы связи.

Прежде всего в количественном отношении: в настоящее время в США насчитывается 84 млн. телефонов (442 телефона на тысячу жителей); американцы посылают примерно 100 млн. телеграмм в год. Эти 2 сектора являются частными; в них занято 600 тыс. человек.

Американская почта пересылает в год 66 млрд. писем: здесь речь идет о федеральной общественной службе, в которой занято 587 тыс. служащих. Сравнение этих цифр с цифрами 1950 г. является поучительным во многих отношениях. За 15 лет количество телефонов почти удвоилось, количество посылаемых телеграмм уменьшилось на 40%, а количество посылаемых писем увеличилось на 50%. В Соединенных Штатах телефон и телеграф являются частными предприятиями. Эти предприятия проявили удивительную способность приспосабливаться к меняющимся условиям, бесперебойно обеспечивая неслыханный рост числа телефонных разговоров

(в среднем 258 тыс. ежедневно) и выдерживая одновременное сокращение телеграфных отправлений.

Федеральное правительство, видимо, столкнулось с большими трудностями в деле улучшения почтового обслуживания; по единодушному мнению, почта иногда действует неудовлетворительно и с трудом решает проблемы, возникающие в связи с ростом перевозок. А вот качество телефонной службы оценивается высоко. Телефонная сеть работает в основном автоматически; тарифы низкие в сравнении с тарифами большинства промышленно развитых стран Европы. Тарифы не только не возрастают, а, наоборот, обычно снижаются. В 1940 г. 3 минуты телефонного разговора между Нью-Йорком и Сан-Франциско стоили 4 долл., в 1950 г. тариф сократился до 2,5 долл., а в настоящее время он составляет 2,25 долл.

Наиболее быстрыми темпами развиваются услуги, непосредственно связанные с промышленной или коммерческой деятельностью. Так, например, рекламные агентства получили от своей клиентуры в 1940 г. 2 млрд. долл., через 10 лет после этого — уже 5,7 млрд., в 1960 г. — 11,9 млрд. а в настоящее время — свыше 13 млрд. долл. Услуги технического характера и консультации для промышленников начали быстро развиваться: в 1958 г. годовой объем этих видов услуг не превышал 650 млн. долл.; в них было занято менее 50 тыс. человек; через 5 лет цифры составили 2,8 млрд. долл. и 374 тыс. человек.

Бурное развитие услуг, которое характеризует американскую экономику, начиная с 50-х гг. идет вразрез с тенденцией к гигантской концентрации, которая, как часто считалось, свойственна американской экономике. В этой сфере, если не считать торговли (см. гл. 18), как правило, встречаются мелкие предприятия и чаще всего речь идет о личных предприятиях. По последним статистическим данным, в секторе «услуг» насчитывается 975 тыс. предприятий (которые выплачивают около 10 млрд. долл. своим служащим). Среди этих предприятий 786 тыс. принадлежат частным лицам, 520 тыс. не имеют ни одного наемного служащего, работает лишь сам хозяин. 120 тыс. предприятий имеют лишь по одному наемному работнику. Другие группы гораздо меньше: имеется 2500 предприятий, на которых занято свыше 100 человек, 4 тыс. предприятий — от 50 до 100 человек, 15 тыс. предприятий — от 20 до 50 человек и 30 тыс. предприятий — от 10 до 20 человек. Тем не менее и в этой области имеются свои «гиганты», во всяком случае в масштабах Европы. Оборот основной авиатранспортной компании («Юнайтед эрлайнз») составляет 800 млн. долл. Автобусы фирмы «Грейхаунд», хорошо известные туристам, посещающим США, обслуживаются 32 тыс. служащих, а оборот фирмы — 500 млн.

долл. Основная компания по распределению электричества («Консолидейтед Эдисон») имеет доход 840 млн. долл. в год. Самая крупная страховая компания («Метрополитен») выплачивает ежегодно свыше 3 млрд. долл. в виде страховых премий и насчитывает 55 тыс. служащих. И все же службы в большей степени, чем любой другой вид деятельности, являются областью частной инициативы. Чаще всего здесь требуются не значительные фонды, а предприимчивость, воображение и труд. Может быть, в один прекрасный день большинство из них также превратится в индустриальные предприятия, как это уже в определенной степени произошло с адвокатами, зачастую объединенными в фирмы и создающими многочисленные конторы — но скорее всего эти виды услуг, не относящихся к так называемым общественным услугам, еще надолго останутся в руках частных предпринимателей.

5 Зак. 36

Рост

20. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

ТЕМПЫ РАЗВИТИЯ

Со скоростью похода на Запад

Теоретики развития относят примерно к 1845 г. период «старта» американской экономики. В 1790 г., к моменту достижения независимости, 13 штатов колониального периода неоспоримо являлись, по современным представлениям, слаборазвитой группой, в которой 90% населения, составлявшего 3900 тыс. человек (в том числе 700 тыс. рабов), занимались сельским хозяйством. Лишь 24 населенных пункта насчитывали свыше 2500 жителей, а перспективы развития казались неблагоприятными из-за очень узкого внутреннего рынка и ориентации внешней торговли исключительно на родину — Англию.

К концу XVIII в., по оценкам, может быть, не совсем точным, учитывая недостоверность статистических данных, национальный доход молодой американской нации достигал 677 млн. долл. по ценам того времени, а доходы на душу населения — 131 долл. (следует помножить эти цифры примерно на 4, чтобы получить эквивалент в долларах по нынешнему курсу). В экономике преобладало сельское хозяйство, а некоторые отрасли промышленности, существовавшие в то время, были заняты обработкой продуктов местной флоры и фауны, кож и мехов, древесины, строительством кораблей, обработкой китового жира и т. п. Имелось, однако, и исключение. Была создана значительная для того времени промышленность по добыче железной руды, имевшейся в изобилии на востоке США; обработка руды производилась при помощи древесного угля. К моменту революции в США насчитывалось уже больше доменных печей, чем в Англии и Уэльсе, вместе взятых, а 30 тыс. *т* железа, выплавляемого чуть ли не средневековым способом, составляли $^1/_7$ мирового производства.

При процветающих ремесленных и мукомольных предприятиях, которые использовали энергию рек, внутренняя торговля почти не существовала: торговля шла только излишками сельскохозяйственной продукции, выделяемыми фермерами и обмениваемыми на предметы первой необходимости. Международная торговля была развита несколько в большей степени, хотя и односторонне, поскольку сельскохозяйственную продукцию поглощала Англия и она же посылала в об-

мен промышленные товары. Однако из-за торговли рабами эта система обмена превращалась в треугольник: американские судовладельцы покупали на Антильских островах ром и перевозили его в Африку, где он служил обменной монетой для покупки рабов; корабли, перевозившие негров, оставив свой груз в американских портах, направлялись затем на Антильские острова, имея в своих трюмах продукты из Новой Англии или с Юга страны.

Однако уже в то время стал выявляться один из основных факторов экономического роста США: поход на Запад. В 1790 г. менее 250 тыс. человек проживало к западу от Аллеганских гор. Покупка Луизианы (1803) показала одновременно необходимость развития и наличие необходимых средств для такого развития.

Но с 1790 по 1810 г. экономический рост идет главным образом за счет некоторого роста городов: доля городского населения повышается с 5 до 7,5%. Выгоду от этого получают портовые города (Нью-Йорк, Филадельфия, Бостон, Балтимор). Именно они пользуются выгодами от франко-английской войны, которая позволила американским судовладельцам и торговцам занять завидное место в европейских водах.

В 1810 г. национальный доход превысил 915 млн. долл., а доход на душу населения — 130 долл., что означает рост национального дохода более чем на 20% за 10 лет, в то время как доход на душу населения явно оставался на прежнем уровне. Тем временем население значительно увеличилось: в 1810 г. оно превысило 7200 тыс. человек, то есть возрастало ежегодно более чем на 3,5%.

После 1815 г. основным элементом американской экономики становится хлопок. За счет доходов от своих хозяйств богатые плантаторы Юга покупают предметы роскоши и создают склады, магазины, страховые, фрахтовые компании и и т. д., которые обеспечивают сбыт их урожая. Они вкладывают значительную долю доходов в земли и средства, необходимые для обработки плантаций, в частности покупают рабов. Сами же они, имея в наличии рабскую рабочую силу, представляют собой в совокупности значительный рынок сбыта пищевых товаров и предметов первой необходимости.

Как ни странно, но именно хлопок несет в зародыше первый в истории Общий рынок. Специализированный Юг толкает на специализацию другие районы США: Север — к развитию услуг (банков, страховых компаний и транспорта) и производству промышленных товаров, в которых нуждаются плантаторы, Запад — к поставкам (мяса, пшеницы), также необходимым плантаторам.

В этот период в экономическом росте отмечались перебои. В 1820 г. национальный доход сократился до 876 млн. долл., а доход на душу населения — до 93 долл. В 1830 году нацио-

нальный доход вновь превысил уровень 1810 года (975 млн. долл.), но доход на душу населения по-прежнему снижался и составлял примерно 78 долл. Правда, следует сказать, что с 1810 по 1840 г. население возросло с 7200 тыс. до более 17 млн. человек. Каждые 10 лет число американцев увеличивалось на $^1/_3$.

Тем не менее в период с 1830 по 1840 г. возобновился удовлетворительный рост производства: за этот период национальный доход увеличился на 65% (он достиг 1,6 млрд. долл. в 1840 г.). Лишь к 1840 г. начинается подлинная индустриализация США. Это становится возможным в результате развития техники: с начала века по всей стране медленно распространяется система взаимозаменяемых деталей — ключ индустриального производства. С другой стороны, 20 тыс. лесопилок и примерно 15 тыс. мельниц позволили предпринимателям накопить опыт использования источников энергии, а именно гидравлической энергии. Кожевенные предприятия, винокуренные, пивоваренные, а также сталеплавильные заводы начали нуждаться в рабочей силе, а в 1845 г. возникает основной элемент промышленной революции, которая с тех пор охватывает всю Америку: появляются заводы.

Транспорт в то время развился в такой степени, что предприятие могло производить продукцию на рынки, выходящие за местные рамки. Начиная с 1820 г. капиталы вкладываются в строительство каналов. К 1840 г. построено около 4 тыс. *км* каналов, с которыми уже начинают конкурировать железные дороги (к этому времени протяженность железных дорог примерно равна протяженности каналов). Строятся и шоссейные дороги. К 1811 г. лишь в штате Нью-Йорк шоссейные дороги составляют 2500 *км*. Дороги были довольно любопытными — строились они из досок и силами частных компаний. Это были предки современных дорог, за проезд по которым взимается плата. Итак, все было готово для перевозок продукции.

В 1860 г., накануне гражданской войны, которая привела к разрухе Юг США и положила конец целому периоду в истории страны, американская промышленность достигла таких размеров, что вышла на 2-е место в мире после промышленности Англии. Ее доля составляла примерно 2 млрд. долл. общей суммы национального дохода, превышавшего 4,3 млрд. (доход на душу населения — 140 долл., то есть несколько выше уровня 1810 г.). Если взять за критерий добавленную стоимость (всего 854 млн. долл.), то промышленность США занимает теперь 1-е место в экономической деятельности, помимо сельского хозяйства, идет впереди хлопка, обработки дерева, производства обуви, пищевых продуктов и мужской одежды. Промышленность базируется на вложенном капитале, объем которого составляет около 1 млрд. долл. Промышленники поняли значение научных исследований: ежегодно ре-

гистрируется от 2500 до 3 тыс. патентов. В промышленности США заработная плата выше, чем в промышленности Англии: на 30 — 50% для неспециализированных рабочих, на 15—20% для квалифицированных рабочих. Эта повышенная заработная плата уже вынуждает американскую промышленность по мере возможности механизироваться.

Рабочая сила имеется: с 1830 г. иммиграция в страну сделала внушительный скачок. С 1840 по 1860 г. в страну прибыло свыше 4700 тыс. человек. У трудящихся уже имеются профсоюзы, защищающие их права и заключающие с 1840 г. первые коллективные соглашения. Постановление Верховного суда 1842 г. узаконило профсоюзы и их деятельность.

В 1860 г. начальный период развития американской экономики заканчивается. В течение 20 лет до начала гражданской войны валовой национальный доход возрастал каждые 10 лет на 57%.

Промышленность концентрируется главным образом на Севере (примерно 90%). За ней следует и население: из 31 500 тыс. американцев, зарегистрированных на 1 июня 1860 г., на Юге проживает менее 9 млн. Однако именно в этот момент развивается сельское хозяйство, уже начинающее механизироваться и захватывающее целинные территории Запада. За 30 лет «граница» исчезла — или же, вернее, была отодвинута до Тихого океана. Таким образом, в территориальном отношении поход на Запад заканчивается.

После Гражданской войны

За 50 лет после Гражданской войны ежегодное производство кукурузы увеличилось в 4 раза, производство пшеницы — в 6 раз, производство хлопка — в 4 раза и табака — в 2 раза. Машины пришли на фермы, но здесь еще используется животная тягловая сила: лишь в самом начале XX в. тягловую силу дополнил мотор. В течение этого периода количество сельскохозяйственных предприятий возросло с 2 млн. до более чем 6 млн. Однако фермеры сталкиваются с большими трудностями до самого конца XIX в.; темпы развития промышленного производства ниже темпов развития сельского хозяйства, что приводит к снижению цен, поскольку покупательная способность городских потребителей не позволяет им поглотить всей продукции ферм. С 1896 по 1915 г. сельское хозяйство переживает золотой период, поскольку индекс сельскохозяйственного производства увеличивается со 100 до 150, а промышленного производства — со 100 до 256.

Сельскому хозяйству мощную поддержку оказывает развитие железных дорог, которые обеспечивают перевозку сельскохозяйственной продукции к рынкам сбыта. В 1869 г. заканчивается строительство великого трансконтинентального пути. С 1870 по 1880 г. строительство железных дорог погло-

щает 20% валового накопления капитала (после 1880 г. эта доля падает до 15%, а затем до 7,5% в год вплоть до первой мировой войны). Участие государства в финансировании строительства железных дорог незначительно, но до 1871 г. земли по обе стороны от вновь построенных железных дорог отдаются концессионным компаниям. В 1860 г. в действие введено около 45 тыс. *км* железных дорог. Через 10 лет их уже 85 тыс., в 1880 г. — 150 тыс., в 1890 г. — 270 тыс., в 1900 г.— 310 тыс. и накануне первой мировой войны свыше 400 тыс. *км*. В 1872 году был установлен годовой рекорд строительства железных дорог: более 12 тыс. *км*.

Железнодорожная лихорадка, разумеется, дает промышленности крупный козырь: с одной стороны, строительство железных дорог дает работу заводам, которые непосредственно или косвенно занимаются производством оборудования для железных дорог; с другой стороны, оно позволяет предпринимателям продвигать свою продукцию в районы, которые до сих пор были для них недосягаемы. Оно в значительной степени способствует промышленному подъему и экономическому росту.

В период между Гражданской войной и первой мировой войной американская промышленность начинает моделировать экономику страны, придавая ей основные черты, свойственные ей и до настоящего времени. До 1880 г. сельское хозяйство приносило наибольшую долю национального дохода. В 1890 г. на 1-е место выходит промышленность. В 1900 г. промышленность производит в стоимостном выражении в 2 раза больше, чем сельское хозяйство. В 1910 г. она значительно (более чем на 80%) превышает своего основного соперника — немецкую экономику. Накануне войны промышленность США составляет свыше $^{1}/_{3}$ мирового промышленного производства.

Имеется много причин этого бурного промышленного роста. Здесь и технический прогресс: метод Бессемера в черной металлургии и использование сплавов в металлургии, введение швейной машины в швейной промышленности и автоматического ткацкого станка в текстильной промышленности, применение автоматических станков к 1890 г. и т. п. Здесь и широкое использование энергии: электричества, сжатого воздуха, угля (благодаря эффективному усовершенствованию паровой машины). Здесь и новые идеи: внедрение массового производства (Генри Форд создает свой первый конвейер в 1908 г.) и приход специалистов на командные посты в промышленности. Здесь, наконец, концентрация производства путем слияния, создание монополий (к 1904 г. $^{2}/_{5}$ промышленного капитала страны контролируется примерно 300 крупными предприятиями), против которых вскоре принимаются антитрестовские законы.

Разумеется, параллельно с этим идет и развитие торговли.

В течение данного периода методы распределения претерпевают радикальные изменения, в результате которых рождаются универмаги, магазины с большим количеством филиалов, а также предприятия по продаже по почте. Появляется и реклама: накануне войны на рекламу расходовалось около 1 млрд. долл. в год. Развивается внешняя торговля, причем характерна эволюция состава внешней торговли: в 1870 г. 57,6% американского экспорта составляло сырье, а 14,9% — промышленная продукция; в 1915 г. цифры были равны (по 30% каждая). Баланс внешней торговли является положительным.

В этот период иммиграция продолжает поставлять необходимую рабочую силу. С 1865 по 1880 г. в США обосновалось 5 млн. эмигрантов. В последующие 40 лет их число составило 23 500 тыс. Американское население возрастало в тех же размерах: доля иностранцев по отношению к гражданам США оставалась стабильной, примерно 14%. Имеющиеся резервы рабочей силы возрастают с 10 500 тыс. до 42 400 тыс. человек, а процент рабочих, занятых в промышленности, повышается с 41 до 73.

С 1860 по 1914 г. экономика растет ежегодно на 5,38%. Самый значительный рост отмечается в области транспорта и связи (5,82%), а также в области бытовых предметов длительного пользования (5,90%). Обрабатывающая промышленность в целом возрастала на 4,95%.

При таком среднем проценте роста имелись различия в результате ряда экономических кризисов, средний цикл которых в течение этого периода составлял примерно 11 лет. Так, национальный доход на душу населения вырос за период с 1874 по 1883 г. на 30%; в следующее десятилетие, с 1884 по 1893 г.. — на 5,2%; с 1894 по 1903 г. — на 13,4%; и с 1904 по 1913 г. — на 10,2%. В начале рассматриваемого периода национальный доход США (в текущих ценах) превысил, как уже отмечалось, 4 млрд. долл. Через 20 лет после этого (1880) он составил 6,5 млрд. долл., в начале XX в. — 14 млрд. и накануне первой мировой войны — 26 млрд. долл.

Период между двумя мировыми войнами

Следующий период (1920 — 1940) отмечен великим кризисом 1929 г., который до основания потряс американскую экономику и привел к «новому курсу», влившему в американскую экономику новые силы. Война, в которую американцы вступили лишь в 1917 г., не вызвала промышленного бума. Напротив, она привела к социальной эволюции, которая способствовала в определенной степени кризису и которую один автор популярных песенок резюмировал следующим образом в боевике 20-х гг.: «Разве удержишь его на ферме, после того как он увидел Париж?»

И действительно, проблема сельского хозяйства является основной в послевоенный период. Сельскохозяйственные предприниматели залезают в долги для того, чтобы механизировать хозяйства (их долгосрочные долговые обязательства с 3,2 млрд. долл. в 1910 г. возросли до 11 млрд. в 1923 г.); тракторный парк с 250 тыс. штук в 1920 г. возрос более чем до 4 750 тыс. в 1960 г., а автомобильный парк со 100 тыс. — до 3100 тыс. С 1920 по 1940 г. доходы фермеров постоянно не превышают расходов. В то же время объем производства не увеличивается, а сельскохозяйственные цены падают: если взять 1920 г. за 100, то производство в 1925 г. составило 105, в 1930 г. — 106, в 1935 г. — 99, в 1939 г. — 115 (тем временем индекс промышленного производства со 100 возрос до 145).

И действительно, в течение этого времени промышленность развивалась ошеломляющими темпами, несмотря на остановку, вызванную кризисом 1929 г. Промышленность доминирует в американской экономике, давая основную часть национального дохода: 24,9% в 1929 г. (до кризиса), 18,8 — в 1933 г. (в разгар кризиса), 27,4 — в 1940 г., 28,7 — в 1945 г., 30,7 — в 1950 г., 31,6 — в 1955 г., 29,4% — в 1960 г. (в момент небольшого кризиса, который предшествовал приходу к власти Джона Кеннеди).

«Холостой пробег» с 1929 по 1933 г. дорого обошелся американцам. В текущих ценах национальный валовой продукт снизился на 46%. Безработица достигла значительных размеров (13 млн. безработных в разгар кризиса). Именно тогда появился «новый курс» Франклина Рузвельта с его мерами по защите промышленности (например, гарантии банковских поступлений), по регулированию (в частности, в отношении биржи), поддержанию покупательной способности (помощь фермерам, с одной стороны, и выплата пособий по безработице, с другой) и, наконец, вообще правительственным вмешательством в области экономики. Однако лишь в 1936 г. экономика достигла по темпам развития уровня 1929 г., и лишь в 1940 г. начинается новый подъем.

С 1940 по 1944 г. валовой национальный продукт удвоился; в 1944 г. в стране насчитывалось лишь 670 тысяч безработных, в то время как доля занятого населения достигла 62,4%.

Индекс промышленного производства подтверждает эту эволюцию. Если взять за основу средний уровень 1947—1949 гг., то с 39 пунктов в 1920 году он увеличился до 58 в 1929 г. (увеличение на 50% за 10 лет), затем снизился до 30 пунктов в 1932 г., и со следующего года начался постоянный подъем: 46 — в 1935 г., 66 — в 1940 г. накануне войны, 130 — в 1944 г. и 90 — в 1946 г. (в связи со свертыванием военного производства и началом реконверсии). Индекс 100 был достигнут в 1947 г., а через 10 лет после этого он составлял

145. С 1957 по 1964 г. наблюдается новый рост примерно на 30%. Иначе говоря, за 40 лет после первой мировой войны промышленная продукция США увеличилась почти в 5 раз.

За этим ростом скрываются значительные различия по отраслям промышленности. По мере появления и сбыта новой продукции меняется относительное значение различных отраслей промышленности. В то время как производство стали и добыча нефти развивались примерно теми же темпами, что и национальный доход, такие отрасли, как табак, уголь, и деревообработка, находятся на спаде. С другой стороны, в 2—10 раз быстрее развиваются такие отрасли, как производство алюминия, синтетического волокна, пластмасс и бытового оборудования.

Экономический рост в течение этого периода объясняется следующими двумя основными факторами: тем, что на службу технике поставлена наука, и тем, что появляются унифицированные системы автоматического контроля, иначе говоря, автоматизация.

С 1946 г. Соединенные Штаты расходуют 2 млрд. долл. ежегодно на научные исследования и развитие. В 1976 г. сумма на эти цели составит 36 млрд. долл. Результаты налицо: в 1900 г. промышленность широко использовала 14 металлов, в настоящее время к старым металлам добавились 30 новых. Огромный прогресс достигнут в области механизации, в частности на подсобных операциях. Автоматизация охватывает целые отрасли, например нефтехимию и металлургию.

Концентрация производства в промышленности практически больше не развивается. В некоторых отраслях она даже идет вспять (производство сигарет, авиамоторов, электронных ламп, авиаоборудования и т. д.). В других отраслях концентрация усиливается (жиропродукты, автомобильная промышленность, производство бумаги и картона, текстильная промышленность и т. д.); однако в США концентрация уже не считается одним из основных элементов роста производства.

Большинство американских экономистов считает, что в дальнейшем рост экономики будет продолжаться на 4—5% ежегодно.

Они констатируют, что за 75 лет в среднем американская экономика росла примерно на 3% в год. Однако период 1947—1953 гг., когда рост составлял 5% в год, лучше, по их мнению, отражает нынешние условия, чем цифры за 1953—1958 гг. (1%). Они считают, что правительственное вмешательство, на которое сначала нехотя согласились и к которому в настоящее время стремятся, позволит отныне избегать кризисов и перебоев в развитии. Экономисты полагают, что под давлением общественного мнения, которое стремится до-

биться постоянного повышения жизненного уровня, новые механизмы, разработанные во время последних крупных кризисов, будут систематически использоваться и сыграют ту роль, ради которой они были задуманы. Они утверждают, что борьба с бедностью (которая все еще ограничивает потребление 20% американского населения), улучшение экономических и социальных инфраструктур, освоение космического пространства и постоянное увеличение потребления населения, возрастающего на 15—18% в период между переписями населения, проводящимися раз в 10 лет, явятся необходимым стимулом непрерывного развития в течение более века. В 1966 г. валовой национальный продукт достиг 740 млрд. долл., то есть на 8,5% больше, чем в 1965 г.

21. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНДЕКС

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Автомобильная промышленность

Кривая американского процветания всегда совпадала с кривой производства автомобилей: в этом смысле можно «измерить пульс» американской экономики, ознакомившись со статистическими данными по Детройту — центру этой отрасли промышленности, в которой непосредственно занято около 600 тыс. человек, но за счет которой живут около 10% американских семей благодаря побочным видам деятельности (продажа, уход за машинами, шоссейный транспорт и т. д.). Однако доля этой отрасли промышленности в национальном доходе незначительна — около 2%. Она ниже доли таких отраслей, как строительство, химия, электропромышленность, и даже некоторых других отраслей машиностроения.

Дело в том, что автомобиль благодаря той роли, которую он играет в повседневной жизни, стал волей-неволей одним из материальных символов американской цивилизации. Об этом свидетельствуют и цифры: в одном только 1965 г. было произведено 9 млн. легковых автомашин (и 2 млн. грузовых), что составляло половину мирового производства; на дорогах Америки 83 млн. автомобилей разного рода (65% мирового парка); автомобиль распространен во всех классах общества (3 американские семьи из 4 владеют одной или несколькими машинами); значительное потребление сырья: 43% проката, 65 резины, 48 свинца, 32 цинка, 13% алюминия, потребляемого в Соединенных Штатах, не говоря уже о 300 млрд. *л* горючего.

Только чрезвычайно высокая концентрация производства позволила добиться такого роста в этой отрасли промышленности, которая является показательной. И действительно, 4 компании в настоящее время делят между собой американский рынок: «Дженерал моторс» — примерно половина производства, «Форд» — 25%, «Крайслер» и «Американ моторс». Такая гигантская концентрация выгодна трудящимся и потребителям: она позволила первым создать чрезвычайно мощные профсоюзы, а вторым — получить чрезвычайно низкие цены. Кроме того, она является мощным фактором технического прогресса: именно в американской автомобильной промышленности родилась автоматизация.

Авиация

Американская авиастроительная промышленность снабжает большинство стран мира самолетами всех типов: ежегодно экспортируется около 2500 самолетов на сумму, превышающую 3 млрд. долл. Воздушный парк составляет примерно 110 тыс. различных самолетов, из которых 2400 составляют пассажирский флот, перевозящий более 70 млн. пассажиров в год. Как и в автомобильной промышленности, правилом здесь является концентрация производства: 8 самых крупных фирм осуществляют 83% всех продаж и на их заводах занято 82% из 650 тыс. рабочих этой отрасли промышленности. Гигантом в этой отрасли является «Боинг» (88 тыс. человек), за ней по пятам следует компания «Норт-Америкэн» (80 тыс. человек). Внутренний рынок поглощает ежегодно около 8500 самолетов, в том числе 2700 военных, что дает общую выручку свыше 9 млрд. долл. К этому следует добавить правительственные заказы на ракеты и на оборудование для исследования космоса (поставляемые традиционными производителями, осуществившими интересную перестройку), которые в настоящее время оцениваются в несколько сот миллионов долларов ежегодно.

Среди авиакомпаний также произошла концентрация: 5 авиакомпаний доминируют на бурно развивающемся рынке, однако требования клиентуры, привыкшей к самым современным самолетам, делают достижение рентабельности в этой отрасли промышленности все более и более трудным делом.

С другой стороны, деловая авиация, которая развивается очень быстро, открывает перед производителями новый рынок: в настоящее время 18 тыс. фирм владеют свыше 35 тыс. самолетов, предназначаемых для руководителей компаний и использующих 7 тыс. аэродромов США (коммерческие линии пользуются лишь 750 аэродромами). Частный самолет стоит от 10 тыс. до 500 тыс. долл. в зависимости от его размеров.

Пшеница

Пшеница приносит американскому сельскому хозяйству свыше 2 млрд. долл. в год. Как по стоимости и объему производства, так и по занимаемым площадям пшеница находится на 2-м месте в американском сельском хозяйстве: под пшеницей занято около 18 млн. *га*, которые дают ежегодно урожай порядка 30 млн. *т* (14% мирового производства).

Прогресс диэтетики и повышение жизненного уровня значительно сокращают индивидуальное потребление хлеба, который заменяется более высококачественной пищей.

Американская пшеница является прежде всего предметом экспорта: более половины пшеницы идет на зарубежные рынки (17 млн. *т* в 1963 г. на сумму, превышающую 1,1 млрд. долл.). Этот экспорт на $^2/_3$ осуществляется на особых услови-

ях американской программы помощи (пшеница составляет половину продовольственной помощи).

Экономическое значение этой культуры особенно хорошо показывают следующие цифры: выручка от продажи пшеницы составляет 6% валового сельскохозяйственного дохода (37% в штате Северная Дакота, 34% в штате Канзас), американские потребители расходуют ежегодно свыше 4 млрд. долл. на продукты, изготовленные на основе пшеницы (7% всех расходов на продовольствие), и от пшеницы зависит работа 900 тыс. американцев — в области производства и распределения.

Географически пшеница концентрируется в двух крупных районах: центральном (северная часть Техаса, северо-западная часть Оклахомы, Канзас, Небраска), который дает, в частности, 40% озимой пшеницы, и северном (Северная Дакота и Южная Дакота, Монтана, западная часть Миннесоты, Айдахо), где выращивается почти вся яровая пшеница. В штатах Среднего Запада производится некоторое количество озимой пшеницы, которая произрастает вплоть до Калифорнии на западе и Нью-Джерси на востоке. Урожайность колеблется в зависимости от района. Она составляет от 8 *ц* с *га* в штате Колорадо до 30 *ц* в Аризоне. Однако благодаря техническому прогрессу урожайность постоянно увеличивается; она практически удвоилась с 1930 г. (средняя урожайность по стране 17 *ц* с *га*).

Пшеница входит в группу сельскохозяйственных продуктов (куда включены также ячмень, сорго и кукуруза), цены на которые гарантируются правительством, но производство в обязательном порядке не лимитируется. Ежегодно правительство фиксирует национальную квоту (которая по закону не может быть ниже 27 млн. *т*). Вопрос о корректировке производства в соответствии с этой квотой, то есть об ограничении производства, решается путем референдума. Если большинство ($^2/_3$) высказывается положительно, то гарантированная цена фиксируется на уровне 65—90% паритетных цен (которые, в частности, зависят от себестоимости). Если ответ отрицательный, то гарантированная цена устанавливается на уровне 50% паритетных цен, и прибыль могут в таком случае получить лишь те фермеры, которые занимают этими культурами площади, соответствующие квоте.

Правительство не фиксирует квоту (но тем не менее гарантирует цены), если внутренний и внешний рынки могут поглотить весь урожай.

Уголь

На фоне прогресса техники в других областях сокращение добычи угля в США за 25 лет выглядит весьма значительным.

Хотя доля угля в валовом национальном продукте США никогда не была очень высокой, тем не менее она снизилась наполовину (с 2 до 1%).

Добыча угля сократилась примерно на 20% (в то время как индекс общеэкономической активности за тот же период удвоился) и в настоящее время составляет лишь 450 млн. *т*.

Количество шахтеров сократилось на 70% (с 440 тыс. до 140 тыс.). В то же время дневная выработка на каждого шахтера утроилась: с 5 до 15 *т*.

Основные потребители угля — железные дороги — почти полностью перешли на мазут и электричество (в 40-х гг. они потребляли 125 млн. *т* угля в год). Что касается металлургии, то она сократила закупки угля наполовину (с 14 млн. до 7 млн. *т* в год). Частные лица также переоборудовали свои отопительные устройства: если в период 1940—1945 гг. они потребляли 125 млн. *т* угля в год, то в настоящее время всего лишь 23 млн. *т*. Однако имеется потребитель, который увеличивает объем заказов: речь идет об электростанциях (210 млн. *т* в год по сравнению с 50 млн. *т* 25 лет назад).

И тем не менее перспективы развития угольной промышленности не являются столь плохими, как это было в начале 50-х гг.

Прежде всего, использование атомной энергии растет не столь быстрыми темпами, как предполагалось: по-видимому, в ближайшие годы она не будет серьезно конкурировать с классическими источниками энергии. Таким образом, рост потребностей в энергии должен покрываться за счет угля и нефти, а, как известно, запасы нефти значительно ниже, чем запасы угля.

Далее, улучшение техники добычи угля (в частности, комплексная механизация) позволит снизить цены, что, разумеется, вновь привлечет к углю часть клиентуры, которая в настоящее время потребляет нефтепродукты.

Наконец, обилие запасов (760 млрд. *т*) является серьезной гарантией против любой нехватки энергии, даже на длительный период.

При всем этом следует согласиться с тем, что в высокоразвитых в промышленном отношении странах уголь уже не играет той главной роли, которая принадлежала ему ранее.

Железные дороги

Железные дороги принадлежат частным компаниям: их около 400 (в два раза меньше, чем 40 лет назад), они имеют 350 тыс. *км* путей, 30 700 локомотивов (в том числе 30 тыс. дизельных), 23 500 пассажирских вагонов и 1,5 млн. товарных вагонов. Ежегодные перевозки по железным дорогам составляют более 30 млрд. *пасс./км* и 950 млрд. *т/км*. Однако статистические данные свидетельствуют о резком уменьшении объ-

ёма перевозок по американским железным дорогам за последние 30—40 лет, в частности, из-за конкуренции шоссейного и даже воздушного транспорта. С 1930 г., в то время как население США возросло примерно на 50%, количество пассажиров, перевозимых по железным дорогам, уменьшилось на 25%. Количество работающих на железных дорогах за тот же период сократилось наполовину, как и подвижной состав. В целом доля железных дорог в грузовых перевозках по территории США уменьшилась на 1/3, главным образом в пользу шоссейных дорог (плюс 140%) и нефтепроводов (плюс 70%).

Основными клиентами железных дорог являются в настоящий момент отрасли экономики, имеющие дело с сыпучими грузами. Это обрабатывающая промышленность (половина перевозимых товаров по тоннажу), добывающая промышленность (25%) и сельское хозяйство (20%).

Что касается пассажирских перевозок, то появление самолета вызвало отток пассажиров от железных дорог. В настоящее время американские авиалинии перевозят в 2 раза больше пассажиров, чем железные дороги (считая на *пасс./км*). Примерно между 1950 и 1955 гг. между этими двумя видами транспорта установилось равновесие. С тех пор разница возрастает не в пользу железных дорог.

Железнодорожные компании стараются вернуть себе клиентуру, повышая и без того высокий комфорт поездов: вагоны-салоны, вагоны-бары, вагоны-рестораны, спальные вагоны различных моделей, начиная от индивидуальной «комнатки» до общей спальни, простые вагоны с откидывающимися креслами, двухэтажные панорамные вагоны с прозрачной крышей — словом, целая гамма услуг, предоставляемых поездами, курсирующими по США. Однако в настоящее время редко встречаются пассажиры, совершающие длительные поездки на поезде, даже в лучших условиях, в то время как самолет доставляет их по назначению за столько часов, сколько ранее требовалось дней для проезда по железной дороге.

Химия

В США химическая промышленность удерживает абсолютный рекорд роста: индекс ее производства возрос ровно в 3 раза за последние 15 лет, в то время как общий индекс увеличивался примерно на 2/3. Главным образом речь идет о так называемых «авангардных» отраслях, то есть тех, которые выделяют самую большую долю доходов на инвестиции и научные исследования, о тех отраслях, которые открывают, отрабатывают и используют наибольшее количество новых продуктов, об отраслях, в которых в пропорциональном отношении занято наибольшее число специалистов самой высокой квалификации.

Основным результатом является то, что ежегодно на рынок поступает не менее 500 новых видов химической продукции; 50% изделий, которые сейчас широко используются, в 1939 г. вообще не продавалось; более 80% продуктов, применяемых в настоящее время в сельском хозяйстве, во время войны не существовало; более 90% имеющихся ныне фармацевтических товаров появилось всего 12 лет назад. Этим и объясняется то, что объем продукции химической промышленности США повышается примерно на 8—12% в год и что в ней в настоящее время занят 1 млн. человек (в том числе 60% непосредственно на производстве).

Разумеется, правилом здесь является концентрация производства, поскольку это такая отрасль, где только расходы на капиталовложения и на исследования составляют около 2,5 млрд. долл. в год. Что касается, например, органической химии, то доля 20 наиболее крупных компаний составляет около 85% продукции этой отрасли; для неорганической химии доля сокращается до 76%, для фармацевтических продуктов — до 73%; для синтетического волокна она поднимается до 100%. Самое крупное химическое предприятие США «Дюпон де Немур» находится на 12-м месте среди американских компаний, имея оборот свыше 2,7 млрд. долл. в 1964 г. (и 100 тыс. служащих).

Гигантская концентрация выгодна как трудящимся этой отрасли, так и потребителям. И действительно, первые получают среднечасовую зарплату около 3 долл., то есть значительно выше среднего национального уровня. Вторые покупают товары по стабильным или обычно снижающимся ценам: на такие продукты, как серная кислота — основа химии, цены оставались постоянными в течение 10 лет.

Консервная и рефрижераторная промышленность

Ежедневно американцы открывают в среднем 120 млн. консервных банок (44 млрд. в год). Однако американская домохозяйка имеет выбор между 8 тыс. пищевых продуктов, консервируемых по различным методам: обезвоживания, замораживания, концентрации, обжаривания, варки и т. д., причем традиционная «консервная банка» составляет теперь лишь скромную часть продукции этой отрасли промышленности.

Использование консервов облегчает жизнь американских женщин, которые поступают на работу и освобождаются от ряда обязанностей. Делается ненужным традиционное и требующее много времени приготовление пищи. Обследование, проведенное технологическим институтом Дрекселя, показало, что обычный обед на 4 человека в условиях, когда пища готовилась целиком дома, занимал у хозяйки 119 мин.; в настоящее время этот срок сократился до 32 мин. Не дорого ли обходится эта практика? Американские промышленники

утверждают обратное. Расходы на консервирование и упаковку товаров значительно компенсируются за счет экономии средств на транспорт, на складирование и благодаря сбыту большими партиями. В результате продовольственные товары, которые в свежем виде составляли по стоимости 100 долл., в консервированном виде стоят 98,93 долл. Объем продаж американской пищевой промышленности (70 млрд. долл., из которых 4,2 млрд. долл. приходится на замороженные продукты) показывает, что потребитель охотно покупает консервы. Так, например, 10 лет назад картофель в США на 89% потреблялся в свежем или же в консервированном обычным способом виде. В настоящее время цифра сократилась до менее 65%. В дальнейшем технический прогресс непременно еще более увеличит долю консервов в потреблении. Пищевая промышленность США расходует на исследования свыше 125 млн. долл. в год и непрерывно открывает новые способы. Так, замораживание теперь производится мгновенно (за 40 сек.) благодаря использованию жидкого азота, для чего требуются легкие аппараты, которые можно перевозить на грузовике: это означает, что легкопортящиеся фрукты и овощи (бананы, помидоры, апельсины и т. п.) отныне могут замораживаться на месте производства и сбываться без убытков. Способ кондиционирования продукции также получил широкое развитие: он облегчает хранение, увеличивает стойкость и улучшает внешний вид товаров.

Американские промышленники считают, что через 10 лет консервированные продукты почти полностью заменят свежие продукты, причем эти продукты будут сохранять свои вкусовые и внешние качества.

Строительство

Ежегодно на американской территории строится более 4 тыс. квартир. Эти просторные (в среднем 4—5 комнат), комфортабельные (свыше половины квартир имеет две ванны) квартиры на $^2/_3$ состоят из индивидуальных домов, предназначаемых для одной семьи. Средняя цена — 15 тыс. долл. Новые дома дополняют жилой фонд из 53 млн. квартир, зарегистрированных по переписи 1962 г. в США (47 млн., как отмечалось, находились в хорошем состоянии, а 42 млн. имели все виды современного комфорта); в квартирах в среднем проживает 3,4 человека. Как правило, квартиры являются частной собственностью: около 62% квартир принадлежит тем, кто в них проживает.

Разумеется, жилищное строительство не является единственным видом работ, выполняемых американской строительной промышленностью. Так, например, в 1962 г. общая стоимость завершенного строительства оценивалась более чем в 61 млрд. долл. (или более 13% национального дохода). Из

этой общей цифры (в которой частные фонды составляли 70%) жилищное строительство составляло лишь 40%. Правда, в рубрику «строительство» американская статистика включает все, что в других странах включается в сферу общественных работ (строительство дорог, плотин, каналов и т. д.). В том же 1962 г. строительство нежилых помещений составило 27% всех строительных работ: 2,8 млрд. долл. были затрачены на строительство новых заводов, 2,5 млрд. — на строительство зданий для учреждений, 2,4 млрд. — на строительство коммерческих помещений (включая рестораны и гаражи). Расходы на строительство для целей образования (школы, библиотеки, университеты) составили 3 млрд. долл.

Эти большие цифры свидетельствуют о значении данной отрасли промышленности, в которой занято 2700 тыс. рабочих, распределяющихся между 470 тысячами предприятий (10% общего количества американских предприятий). Вопреки широко распространенному мнению строительством квартир в США заняты главным образом мелкие предприниматели. В этом секторе экономики насчитывается мало крупных фирм.

Хлопок

В течение целого периода своей истории США были страной — производителем хлопка. До 1860 г. хлопок был одним из основных факторов промышленного роста. Сначала его культивировали на Юге, затем он стал продвигаться на Север до Вашингтона, а потом продвинулся на Запад до Техаса и даже до Калифорнии. Он послужил причиной наиболее кровопролитной войны XIX в., Гражданской войны, вызванной отчасти проблемой рабства, которое считалось на Юге необходимым элементом экономической системы, основанной как раз на производстве хлопкового волокна. Наконец, в значительной степени хлопок виновен в отставании Юга США по сравнению с Севером, который никогда не подвергался пагубному воздействию монокультуры.

В настоящее время хлопок разводят на 500 тыс. плантаций в 19 штатах, из которых 4 (Техас, Миссисипи, Калифорния и Арканзас) дают $^{2}/_{3}$ ежегодного объема продукции, составляющего около 3500 тыс. *т* (30% мирового производства). В стоимостном выражении хлопок по-прежнему занимает 1-е место в сельском хозяйстве США (2,6 млрд. долл.), опережая пшеницу. По засеваемым площадям он находится на 6-м месте (5700 тыс. *га*) после кукурузы, пшеницы, сои, овса и сорго.

Ежегодный урожай потребляется не полностью: внутри страны — 60%, на экспорт — 25%. Излишки пополняют и без того значительные запасы, которые постоянно, по крайней мере с 1955 г., в стоимостном выражении равны тому, что потребляется за год.

Федеральное правительство стремится путем принятия со-

ответствующих мер ограничить избыточное производство хлопка, цены на который оно тем не менее обязано поддерживать в силу ряда экономических и социальных причин. При этом правительство сталкивается с препятствием, умножающим эти трудности: технический прогресс повышает как урожайность, так и качество.

В 1965 г. урожайность составляла примерно 600 *кг* с *га* по сравнению со средней цифрой 520 *кг* за 5 предыдущих лет. Несмотря на постоянное сокращение площадей под хлопком, по сравнению с рекордной цифрой 1930 г. (17 млн. *га*) ежегодные урожаи его остаются примерно равными и колеблются в основном в зависимости от погодных условий.

Разумеется, хлопку приходится выдерживать конкуренцию со стороны искусственного волокна. Однако на стадии переработки волокна были предприняты усилия, чтобы удовлетворить потребителя, остающегося верным хлопку.

Потребительский кредит

В условиях экономики, почти целиком направленной на удовлетворение нужд потребителя, потребительский кредит является одним из наиболее эффективных орудий роста экономики. Кредит распространяется на самые различные предметы, начиная от автомобиля и кончая утюгом, а также все более и более на область услуг: поездок, образования, медицинских расходов. Кризис 30-х гг. привел к тому, что за этим видом кредита распространилась дурная репутация — по крайней мере в тех случаях, когда им злоупотребляют. Законодательные гарантийные и защитные меры, принятые в эпоху «нового курса», по-видимому, устранили эту опасность, которая в свое время волновала некоторых экономистов.

Во всяком случае, статистические данные показывают, что развитие потребительского кредита соответствует развитию экономической деятельности.

В 1966 г. задолженность американского потребителя по покупкам в рассрочку составляла примерно 60 млрд. долл. (из этой суммы 45% составляют автомобили, 70% их продавалось в рассрочку). Ипотечная задолженность превышала 190 млрд. (60% домов в США покупается в кредит). Различные ссуды (индивидуальные, ссуды под залог полисов страхования жизни, ссуды на покупку ценных бумаг и т. д.) составляют в целом 286 млрд. долл., то есть меньше половины валового национального продукта.

Эта задолженность неоспоримо ложится тяжелой ношей на плечи американской семьи. Она значительно влияет на доходы: из каждого заработанного доллара (за вычетом налогов) средний американец тратит 14 центов на погашение долгов.

Тем не менее вряд ли эта тенденция изменится, поскольку в конечном счете в этом заинтересованы все: потребитель, мо-

гущий немедленно получить товары и услуги, которые в иных условиях он не мог бы оплатить, кредитные компании (дающие кредиты под относительно низкий процент, порядка 6—7% годовых для негарантированных частных займов) и производители. С другой стороны, нельзя согласиться с тем, что потребительский кредит оказывает сильное инфляционистское давление: хотя размеры кредита за 10 лет почти удвоились, за тот же период индекс цен возрос лишь на 16%.

Производство электроэнергии

Американские электростанции, составляющие $^1/_3$ мировых мощностей по производству электроэнергии, могут давать больше электроэнергии, чем электростанции СССР, Великобритании, Японии, Западной Германии и Канады вместе взятые. В цифрах дело выглядит следующим образом:

установленные мощности — 227 млн. *квт.*

производство (в 1963 г.) — 1008 млрд. *квт·ч.*

тепловые электростанции потребляют топлива в пересчете на уголь 300 млн. *т* ($^2/_3$ угля, остальное — жидкое топливо и природный газ).

Производство электричества распределяется следующим образом: 54,4% на основе угля, 22% — на природном газе, 18,1 — на основе гидроэнергии и 5,5% — на нефти. Атомная энергия играет пока незначительную роль. Однако по мере того, как будут снижаться расходы на производство, атомная энергия, безусловно, будет занимать все более и более значительное место.

Очень низкие тарифы: ежемесячные расходы на электричество американской семьи в городе с населением свыше 50 тыс. жителей составляют от 15 до 50 франков, в среднем около 30 франков (за потребление примерно 250 *квт·ч* электроэнергии). Цены колеблются в зависимости от районов и производителей: примерно 75% электроэнергии поставляют около 400 частных компаний (федеральное правительство контролирует 13% производства, остальное распределяется между органами городского самоуправления и другими местными объединениями и кооперативами). Клиентурой этих частных или государственных электростанций являются главным образом предприниматели (около 50%). Затем идут частные потребители (30% общего потребления) и торговцы (15%).

Животноводство

Доходы от животноводства значительно превышают доходы от земледелия (19,5 млрд. по сравнению с 16,5 млрд.).

106 млн. голов крупного рогатого скота в США приносят их владельцам около 8 млрд. долл. в год, то есть больше, чем любая другая отрасль сельского хозяйства (общие продажи на сумму 36 млрд. долл.). К этому следует добавить

56 млн. голов свиней, 28 млн. голов овец и 376 млн. птицы (в том числе 6 млн. индюшек), дающей в год около 63 млрд. шт. яиц.

В 1963 г. американские фермеры получили от продажи продуктов животноводства: 7,8 млн. долл. за свинину, 4,8 млрд. долл. за молочные продукты, 3,3 млрд. за яйца и птицу, 3 млрд. за говядину и телятину и лишь 412 млн. за баранину, включая шерсть.

Основным районом разведения крупного рогатого скота являются обширные пастбища между Калифорнией и Миссисипи. В Техасе насчитывается свыше 10 млн. голов, в Айове — 7 млн., в Небраске — 6 млн., в Канзасе — 5 млн. Однако за последние годы животноводство развивается и на Юге, где хлопковые поля превращаются в пастбища для скота и где выводят новые породы скота, хорошо переносящие жару. Значительные по размерам стада уже имеются в Миссисипи (2100 тыс.), в Теннесси (2 млн.), Кентукки (2400 тыс.) и даже в Луизиане (1900 тыс.) и Флориде (1700 тыс.).

Молочное производство составляет 24% доходов от животноводства: 56 млн. *т* молока получено от 16 600 тыс. коров, что составляет в среднем 3900 *кг* молока. Стада распределяются по всей территории страны с тем, чтобы снабжать молоком крупные промышленные центры: так, в штате Нью-Йорк насчитывается 1200 тыс. коров, в штате Висконсин — свыше 2 млн. коров и в Калифорнии — 800 тыс.

Упаковка

В представлении людей американская продукция почти неотделима от упаковки. Во-первых, это объясняется тем, что при продаже большинства предметов широкого потребления, в частности пищевых продуктов, стремятся сохранить их свежесть. Во-вторых, тем, что упаковка, которая первоначально создавалась для защиты и перевозки продуктов, стала в настоящее время дополнительной рекламой, направленной на привлечение внимания потребителя.

В потреблении кондиционирование играет ту же роль, что и стандартизация в производстве, а именно оно гарантирует единое качество товара. Кроме того, оно является побочным продуктом производства и массового сбыта: 97% ходовых продовольственных товаров в США продаются в магазинах самообслуживания; без соответствующей упаковки они не могли бы быть предоставлены потребителю.

В противовес широко распространенному мнению упаковка — хотя она и является утонченной — не повышает стоимости производства. Напротив, она снижает эту стоимость, ибо значительно уменьшает погрузочно-разгрузочные расходы и облегчает перевозку. По мере того как упаковка совершенствуется, она снижает также потери от порчи товаров по различным причинам.

На 1-м месте среди материалов, используемых для упаковки, идут картон и производные картона — 50%. Эта тара выполняет в настоящее время такие функции, которые ранее считались невозможными: она служит для упаковки жидкостей, фруктов, овощей и всяческих других вещей. На 2-м месте идет материал, который получил название жести (20%) и который в настоящее время также применяется во многих целях: для изготовления консервных банок, тары для напитков, обезвоженных под давлением продуктов и т. д. Стекло (10%) после резкого сокращения вновь завоевало часть рынка вследствие технического прогресса в области прочности и форм. Что касается пластмасс, то в этой области их применение лишь начинается, но постепенно развивается, и все больше и больше будет появляться продуктов в упаковке из пластмасс, в частности в связи с общим распространением техники замораживания.

Леса

Во времена освоения Американского континента леса занимали свыше 370 млн. *га* нынешней территории США. В настоящее время под лесами остается лишь 260 млн. *га* (свыше 50 млн. на Аляске), или $^1/_3$ всей территории. «Настоящий» лес, пригодный для коммерческой разработки, составляет часть этой общей цифры, из которой следует вычесть 6 млн. *га* на «национальные парки», охраняемые по специальным законам, и 60 млн. *га* плохих земель, покрытых негодной для использования растительностью.

«Коммерческие» леса (72 млн. *га* деловой древесины, 68 млн. промышленной древесины, 38 млн. высокоствольника и наростника, 17 млн. *га* — различной древесины) принадлежат примерно на 70% частным лицам или частным компаниям. Федеральное правительство владеет 21,5%, а штаты и местные власти — 5,5%. Запасы столярной древесины оцениваются примерно в 5 млрд. *куб. м*, из которых 80% — сосна, ель и другие хвойные породы. Только сосна Дугласа составляет свыше 20% общего числа. Остальной лес состоит из различных лиственных пород: дуба, клена, орешника, вяза, бука.

Свыше 60% американских лесов расположено к востоку от великих равнин, где они начинаются на берегах Великих озер, спускаются через Новую Англию и Аппалачские горы до штата Джорджия и тянутся к западу, от Виргинии до Техаса. Собственно Запад включает два лесных района — район Скалистых гор и район Тихоокеанского побережья, который охватывает западные половины штатов Орегон и Вашингтон; имеются два очага в Калифорнии: вдоль Сьерра-Невады и вдоль прибрежных гор. Именно здесь находятся замечательные рощи тысячелетней секвойи, которые охраняются федеральным правительством.

Кстати, государство не ограничивается контролем и защитой принадлежащих ему лесов (которые частично превращены в обширные туристические районы, где фауна сохраняется так же хорошо, как и флора). Государство помогает владельцам коммерческих лесов правильно разрабатывать лесные ресурсы, производить необходимые посадки и доставать наиболее приспособленные к местным условиям породы деревьев. Лесники, так называемые рейнджерсы, обеспечивают владельцев лесов необходимыми техническими сведениями и проводят контрольные осмотры.

Природный газ

О значении природного газа в энергетическом балансе США говорят две цифры: в 1953 г. газ составлял 24,3% общего количества топлива (сырая нефть — 39,5%, уголь — 31,6%). Через 10 лет после этого его доля составила 33,2% (сырая нефть — 37%, уголь — 22,3%).

Добыча природного газа достигает немногим более 425 млрд. *куб. м* и постоянно возрастает на 6—7% в год. Около половины природного газа добывается в Техасе, затем ($^2/_3$ остального газа) в Луизиане. Значительные месторождения газа находятся также в Оклахоме и Канзасе (что приблизительно соответствует карте нефтеносных районов США). Разведанные запасы превышают в целом 8000 млрд. *куб. м.*

Природный газ поступает к потребителям по сети газопроводов протяженностью 400 тыс. *км*. Тем не менее самыми крупными потребителями остаются сами штаты-производители (во главе с Техасом и Луизианой). За ними непосредственно следуют наиболее развитые в промышленном отношении Калифорния, Огайо и Иллинойс. Промышленники потребляют около половины всего добываемого в США природного газа; 33 млн. семей потребляют примерно $^1/_3$ газа. Общая стоимость газа на стадии добычи оценивается 2,4 млрд. долл. ежегодно; на стадии потребления она составляет свыше 7,5 млрд. долл. Это означает, что промежуточные отрасли промышленности (выделение бензина, очистка от других примесей, перевозка, складирование, сжижение) получили известное развитие.

Производство сжиженного газа развивается особенно быстрыми темпами. Оно превышает 780 млн. гектолитров ($^1/_3$—пропан и $^1/_3$—бензин и производные продукты). Жидкий газ главным образом предназначается для частных лиц.

Кукуруза

Кукуруза является первой культурой в США по засеиваемой площади (около 28 млн. *га*), по объему (с 1959 г. ежегодный урожай колеблется около 100 млн. *т*) и по стоимости (хотя сбыт приносит американским фермерам около 2 млрд.

долл. в год, то есть несколько меньше, чем пшеница, использование на корм скоту на месте доводит сумму примерно до 4 млрд. долл).

86% производства сконцентрировано в 12 штатах кукурузного пояса. Урожайность растет чрезвычайно быстро: с 33 *ц* с *га* в среднем в период 1957—1961 гг. урожайность поднялась до 39 *ц* в 1962 г. и 41 *ц* в 1963 г.

По мнению специалистов, производство кукурузы в кукурузном поясе можно легко удвоить. Исследовательские лаборатории уже разработали новые более устойчивые и урожайные сорта, чем культивировавшиеся до второй мировой войны. В этих лабораториях непрестанно работают над улучшением семян, удобрений и почв. Они предоставляют также фермерам необходимую техническую информацию.

Однако федеральное правительство стремится не к этому; до сих пор его больше заботит проблема перепроизводства, чем проблема производства. Цены на кукурузу гарантируются, однако условием предоставления гарантий является сокращение площадей под кукурузой. С 1940 г. площади сократились на 25% (в то время как урожай удвоился).

Для того чтобы поддержать цены на кукурузу, американское казначейство в период 1933—1963 гг. выдало свыше 7,5 млрд. долл. различных займов, из которых $^1/_3$ была чистой потерей. Только хлопок и пшеница в течение того же периода обошлись американскому налогоплательщику дороже.

Запасы равнялись примерно половине ежегодного урожая. Теперь они составляют, в зависимости от урожая, лишь $^1/_3$ или $^1/_4$ урожая. На экспорт уходит свыше 10% урожая.

Ископаемые (производство)

Американское горнорудное производство, в том числе добыча нефти, оценивается в целом несколько выше 20 млрд. долл. Оно распределяется на топливо — 13,5 млрд. (в том числе уголь 2,3 млрд.), другие неметаллические руды — 4,6 млрд. (сюда включаются сера, поташ, цемент, фосфаты, пириты и т. д.), металлические руды — 2,2 млрд. (в том числе железная руда 800 млн.).

По весу (если исключить горючие ископаемые, изучаемые в другом месте) железная руда, естественно, находится на 1-м месте: около 100 млн. *т* 50%-ного содержания. Запасы относительно бедные (1 млрд. *т*), так что американские домны все чаще обращаются к иностранным, в частности канадским залежам. Тем не менее добыча железной руды в США все еще составляет около 14% мировой добычи. Разработки сконцентрированы в районе Великих озер.

Медь стоит на 2-м месте в горнодобывающей промышленности США: в среднем 1 млн. *т* в год (свыше 20% мирового

производства), запасы превышают 25 млн. *т*. Залежи находятся в западных штатах: Монтана, Юта, Аризона, Невада.

Бокситы (2 млн. *т*, 9% мирового производства) находятся в Арканзасе и в Аппалачах. Запасы считаются малозначительными. США в скором времени придется обращаться к другим странам для получения этого минерала. По свинцу (310 тыс. *т*) и цинку (700 тыс. *т*) американские запасы также ограниченны. С другой стороны, американские шахты поставляют 60% серы, 43 фосфатов и 30% магния, производимых в мире. Что касается молибдена, то одна шахта «Климакс» (Колорадо) дает 90% мирового производства (без СССР). В американской горнодобывающей промышленности занято свыше 900 тыс. человек (156 тыс. на шахтах). Здесь используется хорошее оборудование, которое позволяет рентабельным образом разрабатывать самые трудные залежи.

Это не мешает, однако, вести поиски все новых и новых залежей: поиски ведутся с самолетов при помощи электронных приборов, которые обнаруживают металлы по длине волн.

Деньги

Американская денежная система отражает стабильность институтов страны: она появилась в 1792 г., а первая значительная реформа, изменившая ее, была произведена через 173 года (в 1965 г. доля серебра в монетах была снижена с 90% до 40%). Стабильность не означает, однако, что покупательная способность доллара оставалась без изменений: как и во всех других странах, в США имела место определенная инфляция; с 1940 г. стоимость доллара уменьшилась примерно на 50%.

Все банковские билеты одинакового формата и одинакового темно-зеленого цвета. Отличаются они лишь нанесенным на них изображением. Существуют билеты в 1, 2, 5, 10, 20, 50, 100, 500, 1000, 5000 и 10 000 долл. Крупные купюры (свыше 500 долл.) встречаются довольно редко: существует лишь 400 билетов по 10 000 долл. и столько же по 5000 долл. Вместе с тем в обращении в стране имеется 1800 млн. билетов по 1 долл. (с изображением Джорджа Вашингтона), 55 500 тыс. по 2 долл. (Томаса Джефферсона), 503 млн. по 5 долл. (Авраама Линкольна) и т. д. Другие «великие предки», изображение которых фигурирует на американских деньгах, это Александр Гамильтон (10 долл.), Эндрью Джексон (20 долл.), Улисс Грант (50 долл.), Бенджамин Франклин (100 долл.). Серебряные монеты и монеты менее благородных сплавов имеют стоимость ниже 1 долл. (100 центов). Они составляют менее 10% денежного обращения, превышающего 40 млрд. долл. Существуют серебряные монеты достоинством 1 долл., 0,5 долл. (специальная серия с изображением Джона Кеннеди была раскуплена коллекционерами, так что

сейчас очень трудно ее найти), 1 куотер (25 центов), 1 дайм (10 центов), 1 никель (5 центов) и 1 пенни (1 цент).

Иностранцев, посещающих США, обычно поражает обилие мелкой монеты, к которой они не всегда привыкают. Это вызвано огромным количеством автоматов по продаже сигарет, нейлоновых чулок, шоколада, конфет, пластинок, газет, почтовых марок, фруктовых соков и кока-колы, мороженого и бутербродов, а также по обеспечению таких услуг, как чистка обуви, массаж или проигрывание пластинок; относительная стабильность валюты позволяет пользоваться металлическими монетами и делает ненужными специальные жетоны; американское казначейство с трудом справляется с темпами чеканки монет, которые ему таким образом диктуются.

Рыболовство

Лов рыбы сетью, удочкой, тралом или другими способами является важной отраслью экономической деятельности; продажа продуктов моря ежегодно приносит около 2 млрд. долл. По объему улова Соединенные Штаты стоят на 5-м месте в мире (после Японии, Перу, континентального Китая и СССР): в 1963 г. было выловлено 2 млн. 100 тыс. *т* различной рыбы, в том числе основных видов ракообразных и моллюсков (без веса раковин).

Рыболовецкий флот насчитывает около 12 тыс. судов тоннажем более 5 *т* и 65 тыс. судов меньшего тоннажа. Этот флот обслуживается 130 тыс. моряков и 92 тыс. рабочих на берегу — оптовые торговцы, упаковщики и т. д. В смежных отраслях (консервная) занято еще 315 тыс. человек.

Основные места рыбной ловли находятся у Тихоокеанского побережья — у берегов Калифорнии и Аляски. В 1963 г. 4 штата этого района выловили около 500 тыс. *т* рыбы и различных моллюсков на сумму 140 млн. долл. Далее следуют: район Мексиканского залива (650 тыс. *т*, 94 млн. долл.), Новая Англия (350 тыс. *т*, 65 млн. долл.), штаты вдоль Чесапикского залива (200 тыс. *т*, 33 млн. долл.) и т. д. По стоимости на 1-м месте находятся креветки (70 млн. долл.), затем тихоокеанская семга (49 млн. долл.), тихоокеанский тунец (42 млн. долл.), устрицы, крабы и т. д. Потребление распределяется следующим образом: $^{1}/_{3}$ — свежая или замороженная рыба, $^{1}/_{4}$ — в консервах, остальное — в виде побочных продуктов (жир, мука и т. д.). В 1963 г. в стоимостном выражении продукты рыболовства в виде консервов составляли свыше 420 млн. долл.; около половины этой суммы дал тунец.

Нефть

Как уже отмечалось выше в отношении угля, в настоящее время считается, что нерационально сжигать нефть, из которой можно, помимо энергии, извлекать большое число раз-

личных продуктов. США потребляют около 1 млн. *т* сырой нефти и свыше 1 млрд. *куб. м* природного газа в день, что составляет сумму около 10 млрд. долл. Сеть нефтепроводов протяженностью 250 тыс. *км* для жидких продуктов и 400 тыс. *км* для газа распределяет нефть и газ во все концы США.

Нефтехимия будет, по мнению американских специалистов, наилучшим путем использования нефти — когда атомная энергия станет дешевой и заменит классические виды энергии. Уже сейчас это передовая отрасль промышленности, которая ежегодно тратит 600 млн. долл. на исследования и без конца создает новые продукты и новые вещи, от синтетического материала, похожего на каррарский мрамор, до неснашиваемых ковров и шприцев для подкожных впрыскиваний.

Однако пока нефть, добываемая в Техасе и Оклахоме (половина американской добычи), главным образом идет на горючее. То же самое можно сказать о нефти, добываемой из прибрежных нефтеносных слоев Мексиканского залива и Тихого океана в районе Калифорнии, которые еще только начинают разрабатываться. Следует отметить, что в настоящее время на территории США действуют около 50 тыс. нефтеносных скважин; они принадлежат частным компаниям или частным лицам (по американскому законодательству богатства недр принадлежат владельцу участка, а не государству).

В американской нефтяной промышленности (производство и продажа) занято свыше 2 млн. человек, и ее общие активы в настоящее время превышают 40 млрд. долл. Концентрация промышленности имеет место на стадии очистки и распределения нефти, но она отсутствует на стадии добычи сырой нефти: так, например, в Техасе частные лица владеют зачастую одной или несколькими скважинами; нефть, добытая из них, собирается, а затем перепродается крупными компаниями.

Пластмассы

Производство пластмасс относится к тем экономическим отраслям, рост которых в последние годы шел наиболее быстро. Продажи этих материалов в 1965 г. превысили 2,9 млрд. долл. (в 1955 г. они не достигали даже половины этой цифры). За этот период производство возросло примерно в 4 раза и составило 4 млн. *т* различной продукции. В настоящее время оно составляет 40% мирового производства.

Полиэтилены, стиролы и виниловые смолы составляют примерно половину американских продаж в этой области (ежегодный прирост превышает 11%). Далее следуют целлюлозы, фенольные продукты, полиэфиры и т. д. На экспорт идет довольно значительная доля продукции — 8%. Тем не менее 600 предприятий (67 тыс. рабочих), которые делят

между собой рынок, видимо, озабочены прежде всего поисками клиентуры внутри страны. Особое внимание уделяется исследованиям и опытно-конструкторским работам (доля химической промышленности в общих расходах американской промышленности на эти цели составляет 10%).

Усилия направлены в основном на расширение использования пластмасс, которые в настоящее время широко конкурируют с такими традиционными материалами, как стекло, металл и дерево. Промышленное использование пластмасс возрастает, в частности они идут на изготовления отливок, различных покрытий и клеющих веществ. Строительство также все чаще применяет пластмассовые трубы, изоляцию, полы, кровли и т. д. Основной центр производства находится на юге и западе США (1/3 производства), а также в штатах Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания (еще 1/3). Однако новые фирмы, кажется, более охотно располагаются в Массачусетсе, а также в индустриальном районе Великих озер (Иллинойс и Огайо).

Реклама

Реклама на новом континенте развивалась гораздо быстрее и шире, чем в других странах, по мере расширения средств связи — прессы, радио и телевидения. В результате в настоящее время американцы выделяют около 3% национального дохода на рекламу, в то время как во Франции эта доля не превышает 1%. В целом 70% средств на рекламу во всем мире расходуются американскими предприятиями в США (12,25 млрд. долл. в 1962 г.).

Реклама отвечает нуждам потребительской экономики, где проблема состоит уже не в том, чтобы производить, а в том, чтобы продавать с целью поддержать на определенной высоте как жизненный уровень, так и активность рынка.

К тому же, учитывая разнообразие конкурирующей друг с другом продукции, реклама служит прежде всего средством информации: о появлении новой продукции, ее назначении и качестве, цене и т. д. Американские промышленники считают, что реклама должна обязательно предшествовать продаже и обусловливать ее. Вот почему «Дженерал моторс» выделяет 136 млн. долл. в год на рекламные расходы: «Проктор энд Геймбл» — 116 млн., «Форд» — 66 млн. и «Лезер бразерс» — 88 млн. долл.

В чьи руки попадает это богатство? Оно идет прежде всего специализированным агентствам (наиболее крупное из них — «Уолтер Томпсон» — по объему работы превышает всю французскую рекламу вместе взятую). Что касается «побочной рекламы», то ее обеспечивают прежде всего ежедневные газеты (29% рекламных расходов), затем телевидение (15,8%), периодическая печать (7,9%) и радио (5,9%). Рас-

ширяется также рассылка рекламных материалов по почте: в настоящее время на это уходит около 15% бюджета рекламы. Что касается афиш, то в настоящее время на это тратится лишь 1% общей суммы расходов на рекламу.

Металлургическая промышленность

В развивающихся странах металлургия является одной из базовых отраслей, необходимых не только для прогресса, но и для экономического благополучия наций. Для США же в настоящее время эта стадия уже превзойдена: хотя металлургическая промышленность играет до сих пор важную роль, она не является, как в прошлом, ведущей отраслью, которая прокладывает путь массовому производству, внедряет новую технику, играет в экономике главную роль и требует первоочередного решения всех своих проблем. В настоящее время появились новые материалы; алюминий, бетон, пластмассы и более благородные металлы дают стали упорный бой и зачастую выходят из этой борьбы победителями.

Этой конкуренцией объясняется застой в металлургической промышленности США, которая в 1965 г. лишь достигла своего рекордного уровня 1957 г. Правда, уровень развития этой отрасли промышленности чрезвычайно высок, в результате чего американские сталелитейные заводы (109 млн. *т*) уверенно занимают 1-е место в мире. Однако дальнейшее развитие этой отрасли потребует серьезных научных исследований для улучшения методов и снижения себестоимости стали.

Американская железоделательная промышленность концентрируется главным образом в двух районах: Пенсильвании (где имеется уголь) и на берегах Великих озер, где по водным путям она может получать потребляемую ею руду (Огайо долго называли американским Руром). В этой отрасли имеются очень крупные предприятия (8 фирм делят между собой 76% общих производственных мощностей). Вместе с тем здесь возник один из наиболее мощных и наиболее богатых профсоюзов в США (800 тыс. членов), деятельность которого обеспечила его членам наиболее высокую в стране зарплату (см. гл. 11).

В настоящее время этот профсоюз борется за то, чтобы технический прогресс не имел пагубных последствий для рабочих: как и автомобильная промышленность, металлургическая промышленность особо легко поддается автоматизации, и электронные машины постепенно заменяют человека. Предприниматели и профсоюзы стараются добиться того, чтобы переход к автоматизации совершался без большого ущерба: в большой степени это им удается как благодаря системе пенсий, так и путем осуществления общих программ профессионального переобучения для избыточных рабочих.

Текстильная промышленность

Текстильная промышленность США насчитывает около 7 тыс. предприятий, производящих полуфабрикаты (ткани), и 27 тыс. предприятий, перерабатывающих эти ткани в одежду и другие предметы. В этой отрасли, сосредоточенной главным образом в Новой Англии, штатах Атлантического побережья (вокруг Нью-Йорка и Филадельфии) и на Юге, занято 2200 тыс. рабочих, и она дает несколько больше 7% национального дохода. Она использует всю шерсть, производимую в США, 90% искусственного волокна и 60% хлопка. Ежегодно текстильные предприятия производят 1750 тыс. *т* хлопчатобумажной пряжи (и 8 млрд. *м* хлопчатобумажной ткани), 650 тыс. *т* синтетической нецеллюлозной пряжи (3 млрд. *м* вискозной, ацетатной, нейлоновой и других тканей) и 318 тыс. *т* шерстяной пряжи (287 млн. *м* ткани). Эта пряжа и ткани служат, помимо прочего, для пошива примерно 27 млн. костюмов (мужских и детских), 110 млн. пар брюк, 16 млн. курток, 250 млн. рубашек и 750 млн. пар женских чулок.

Продажа текстильных товаров увеличилась на 39% с 1958 по 1964 г., то есть несколько меньше, чем промышленное производство в целом (45%). В настоящее время продажа дает более 31 млрд. долл. Эта эволюция побудила промышленников увеличивать свои капиталовложения, которые с 300 млн. долл. в 1958 г. выросли до более 1 млрд. долл. в 1965 г. Иностранная конкуренция значительно усилилась: импорт текстиля, который едва достигал 400 млн. долл. в 1950 г., то есть примерно той же цифры, что и экспорт, поднялся до 1,2 млрд. в 1964 г., или более чем вдвое превысил экспорт. Капиталовложения направлялись в большей мере на модернизацию и на научные исследования, чем на увеличение производственных мощностей. Текстильная промышленность стремится создать новые товары, улучшить качество тканей путем соответствующей обработки и снизить цены для увеличения потребления.

Туризм (оборудование)

100 тыс. предприятий всех размеров, всех видов и на любую стоимость ежегодно принимают около 120 млн. американцев и примерно 1200 тыс. иностранцев, приезжающих как туристы в США: гостиницы (в городах 1,5 млн. номеров), мотели (на дорогах — 1200 тыс. номеров), турбазы, ранчо, охотничьи домики, специально оборудованные фермы, клубы разного рода (при туристических объектах 1300 тыс. мест). Дело это выгодное: ежегодно туристический рынок дает 27 млрд. долл., расходуемых на транспорт, гостиницы, питание, «сувениры» и различные развлечения (см. гл. 36). Поскольку туристы передвигаются главным образом в автомашинах (90%),

7 Зак. 36

шоссейные дороги составляют становой хребет американского туристического оборудования. В 1975 г. в США будет 65 тыс. *км* первоклассных шоссейных дорог, к которым следует добавить сотни тысяч километров обычных дорог. Путешественник получит на дорогах любые услуги, которые пожелает: естественно, гаражи и бензозаправочные станции (0,07 долл. за литр), а также рестораны, банки и открытые кинотеатры «драйв-ин», кафе, мотели и т. д.

Тем, кто предпочитает коллективные виды передвижения, предоставляется 26 500 автобусов (некоторые из них с телефоном); километр проезда стоит примерно 0,04 долл. для американца и еще меньше для иностранца, который может за 99 долл. приобрести право в течение 99 дней разъезжать по любым дорогам страны. Железнодорожные компании предоставляют туристам панорамные вагоны на живописных линиях, а самолет обходится лишь 0,10 долл. за километр.

Национальными парками (100 *кв. км*) ведает федеральное правительство в целях сохранения природы. Туристические объекты охраняются так же, как и флора и фауна. Они находятся под охраной специальной службы гидов и натуралистов — «рейнджеров». 15 млн. туристов-палаточников, которые ежегодно разъезжают по США, могут выбирать из 28 тыс. кемпингов, где они имеют право разбить палатку или оставить свою машину.

Не существует никаких ограничений в передвижении туристов.

III

Культура

Культурная инфраструктура и литература

22. КУЛЬТУРНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ

Возможно ли сопротивление в Кливленде?

Трудно найти в американской литературе крупное произведение, в котором не содержалась бы критика «американского образа жизни». Обоснованно или нет, но почти всегда писатели Соединенных Штатов выступали с позиций протеста.

С самого начала «века американского романа» писатели «потерянного поколения» — во всяком случае, наиболее крупные из них — весьма остро ощущали ответственность, лежавшую на них в социальном плане. Это наблюдается в творчестве Стейнбека, в частности в его романах «Гроздья гнева» и «Битва с неясным исходом», которые он написал в 30-х гг. То же самое можно сказать и о Джоне Дос Пассосе, обрисовавшем в трилогии «США» положение американского бедняка в начале нашего века по сравнению с обеспеченными слоями и сказавшем в заключение: «О'кей, мы — две нации», после чего он с неменьшей страстностью занялся сочинением антикоммунистических романов. К числу таких писателей следует, несомненно, отнести и Джеймса Т. Фаррела, а в более раннюю пору — «макрейкеров»*, игравших в социалистов, например Эптона Б. Синклера, и таких натуралистов, как Драйзер.

Все эти авторы признавали только описательно-критический роман, рассказывающий об обществе, где со времени прибытия иммигрантов, на заре промышленной революции и до «великой экономической депрессии» 1929 г., господствовали вопиющее неравенство и неприкрытые злоупотребления. В конечном итоге их протест дал положительные результаты, поскольку он способствовал излечению тех пороков, которые он разоблачал, и вызвал широкое осмысление происходящего.

И в наши дни мы читаем высокоэффективные литературные произведения-протесты, посвященные проблеме борьбы с расовой сегрегацией, — будь то резкие памфлеты такого негритянского деятеля, как Джеймс Болдуин, или бестселлеры, вроде «Номер 4» Ирвинга Уоллеса, с его явно оптимистическими выводами, или бичующие южных расистов романы

---

* Muckrakers (*англ.*) — любители копаться в скандальной хронике и во всех поступках изыскивать дурные мотивы. — *Прим. ред.*

Уильяма Фолкнера из его лирической эпопеи, продолжающие даже после смерти писателя оказывать свое воздействие на общественность.

Но если оставить в стороне проблему негров, то вряд ли в Америке все еще имеются сколько-нибудь веские основания для социальной критики. Недаром молодой романист Герберт Голд утверждал полушутя-полусерьезно, будто жизнь среднего американца настолько легка, что ему редко приходится принимать кардинальные решения или вступать в борьбу за великое дело, наподобие, как он заявил, французов во времена Сопротивления. «Работая над одним из моих романов,— добавил Голд, — я задал себе вопрос, каким образом можно сегодня «сопротивляться» в Кливленде (Огайо), и герой, выведенный мной в этом романе, нашел только один ответ на этот вопрос: путем адюльтера или развода».

Эта шутка носит, несомненно, более глубокий смысл, чем может показаться на первый взгляд. Критика американской цивилизации, с которой выступают писатели 60-х гг., обычно направлена на две области современной действительности: с одной стороны, на конформизм членов хорошо организованного общества изобилия и, с другой стороны, на скуку, порождаемую чересчур комфортабельной, чересчур обеспеченной и лишенной опасностей жизнью; жаждущая эмоций молодежь, в частности, нашла точное выражение для этой дилеммы — «либо жизнь, исполненная треволнений, либо скучная уверенность в завтрашнем дне».

Такова, бесспорно, двоякая причина, по которой у столь многих романистов типа Апдайка или Соула Беллоу наблюдается тенденция возводить развод или брак в ранг крупных авантюр; впрочем, еще не доказано, что они неправы. Конечно, писатели критикуют и иные стороны жизни американского общества. Обычно эта критика касается современного комфорта. Один из персонажей Джека Керуака обрушивается на ванные комнаты, а герой Сэлинджера отказывается от установки телефона у себя на квартире, что не может не осложнить его контактов с родными, когда те пытаются связаться с ним. Самый бунт битников был направлен против порабощающего комфорта, в защиту жизни менее «роскошной», но зато свободной от принуждений, налагаемых на индивида повседневным трудом. Отметим, что Керуак и Сэлинджер приходят к своеобразной философии отречения, выдаваемой ими за буддийскую. Но невольно напрашивается мысль, что такие видные «социальные» писатели, как, например, Стейнбек, боролись не за подобное отречение, а, наоборот, за то, чтобы каждый американский гражданин мог пользоваться комфортом, символом которого являются для некоторых телефон и ванная комната.

Таким образом, социальная критика продолжается, но

этой критике не хватает объектов, тем более что писатели и художники, вплоть до относительно недавнего времени остававшиеся за пределами общества, стали опорой последнего, обласканы общественным мнением и стали крупными фигурами, что долго было невиданным в Новом Свете явлением.

Упорная критика общества

Это привело к тому, что американский писатель, бунтарь по традиции, сегодня оказался в фокусе странного недоразумения. Его критика все более направлена против положения человека вообще, но он подает ее в сугубо национальном плане. Так, например, когда Соул Беллоу рисует патетический портрет бедного разведенного мужа, подвергающегося нападкам жены, когда Эдвард Олби выводит на сцену сытого, тупого буржуа, противопоставляя ему интеллигента-истерика, или когда Бернард Маламуд создает образ нью-йоркского мещанина-еврея, иностранный читатель, не без пособничества автора, склонен усмотреть в этом критику общества, культуры, образа жизни, критику, выходящую за рамки индивидуальных конфликтов. Это явление слишком широко распространено и слишком сложно для того, чтобы считать его простым недоразумением. Чтобы понять его истинный смысл, необходимо принять во внимание эгоцентризм и реализм американской литературы, которая систематически облекает в национальный контекст любой, даже метафизический конфликт, касающийся положения человека во всем мире в такой же мере, как и в Соединенных Штатах. Например, вся разница между театром абсурда в Европе и в США состоит в том, что бродяги Беккета ожидают Годо на дороге, которая может пролегать и в провинции Бэрри, и в Бирме, тогда как место действия в произведении «Случай в зоопарке» Олби указано совершенно точно: это Сентрал-парк в нескольких сотнях метров от зоологического сада, на скамье против 5-й авеню.

Такая тенденция сводить любую проблему к американским масштабам объясняется, несомненно, тем, что в «обществе изобилия» социальная критика утратила бóльшую часть своих специфических объектов, но это не мешает писателю ополчаться на весьма реальные и типично американские пороки, когда они выявляются: для доказательства достаточно сослаться на мужественную позицию Артура Миллера перед лицом маккартизма начала 50-х гг.

К тому же, упорно продолжающейся критике общества содействует отсутствие идеологической цензуры. Если целомудренные судьи запретили на короткий период распространение произведений Джеймса Джойса или Генри Миллера, то их единственным критерием был якобы порнографический характер этих произведений. Благодаря непрерывному прогрессу судопроизводства этот принцип применялся все реже и реже.

Кульминационным моментом явилось здесь принятие в 1966 г. двух знаменательных постановлений: одно из них давало окончательное разрешение на распространение «Мемуаров Фанни Хилл», классического образца англосаксонского эротизма, книги, находившейся под запретом в течение более чем 100 лет; второе осуждало на 5 лет тюремного заключения издателя, который, не довольствуясь публикацией порнографических книг, разослал миллиону потенциальных их покупателей рекламный циркуляр с восхвалением эротического воздействия его продукции.

Возродив таким образом классические критерии, члены Верховного суда хотели показать этими двумя своими решениями, что отныне преследованиям будет подвергаться не столько само содержание произведения, сколько признанное намерение поставить в нем порнографию на первое место по сравнению с его литературными качествами. И действительно, в мотивировочной части одного из указанных решений подтверждается ранее данная установка, согласно которой порнографическое произведение не может быть запрещено, если оно представляет собой хоть какую-то культурную ценность.

Таким образом, вооруженные этим иммунитетом, американские авторы, независимо от их направления, изощряются в критике, являющейся, по выражению социолога Ларраби, одним из аспектов национального характера, довольно близким к мазохизму: в самом деле, невозможно перелистать какой-либо журнал, не найдя на его страницах критики архитектуры архитекторами, осуждения педагогических методов педагогами или даже нападок на критику со стороны критиков.

Итак, американские авторы, несомненно, выполняют роль, возложенную на всех творческих работников и состоящую в том, чтобы поддерживать в общественном сознании чувство тревоги. Вместе с тем нельзя не признать также, что это приносит им выгоду: за хулу в Соединенных Штатах платят хорошо.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Борьба за писателей между журналами и университетами

Интеллигент — творческий деятель, длительное время считавшийся в США деклассированным элементом или даже человеком со странностями, является сегодня уважаемой личностью в американском обществе; культурный расцвет, наблюдающийся со времени окончания второй мировой войны, обеспечил ему большое влияние на своих сограждан в такой момент, когда продукт его труда стал сырьем для плодотворной индустрии массовой информации.

Неправильно было бы, однако, думать, что в Соединенных Штатах достаточно быть писателем, чтобы вести беззаботную жизнь благодаря субсидиям, получаемым писателями от продюсеров кино или телевидения, и авторским гонорарам, выплачиваемым им редакциями журналов и книгоиздателями. Если верно, что весьма широкий американский культурный рынок дает преуспевшим творческим деятелям значительные доходы, то речь здесь идет в основном о таких произведениях, которые по вкусу публике, а к искусству имеют лишь весьма отдаленное отношение. Мэри Маккарти, уже пользовавшаяся блестящей репутацией, оказалась во главе перечня авторов бестселлеров только после того, как написала роман, который, по общему мнению, был в литературном отношении наиболее слабым из всех ее произведений; в то же время об очень талантливой писательнице Кэтрин Энн Портер почти никто не слышал до тех пор, пока ее объемистый роман «Ковчег сумасшедших», не отличавшийся особыми качествами, не принес ей миллион долларов дохода. Не следует, однако, делать обобщений, так как произведения крупных писателей типа Фолкнера, читать которые совсем не так легко, к концу жизни их авторов, после признания их достоинств, издавались тиражом 100 тыс. экземпляров, причем в эту цифру не входят карманные издания.

Правда, если какое-либо произведение пользуется подлинным успехом, суммы, получаемые автором, могут быть баснословно высокими. Голливуд, запросто выплачивающий 70 тыс. долл. за право экранизации первого романа какого-нибудь крупного автора (например, Джулиана Глоуга), даст такому автору 1 млн. долл.

Но среднему писателю, само собой разумеется, не приходится рассчитывать на большие тиражи или на экранизацию своих книг, чтобы сводить концы с концами.

Обычно издателю принадлежит только право публикации книги, и он не удерживает с американского писателя половины гонорара, причитающегося тому за право экранизации, как это делается, например, во Франции. Это право остается за автором или, точнее, за его агентом.

Следует вкратце рассказать о действии механизма литературного рынка в Соединенных Штатах. Молодой автор, написавший роман, не начинает с обхода издателей, а прежде всего подыскивает себе литературного агента, который займется всеми практическими вопросами и освободит его от большей части неприятных или унизительных демаршей, часто претящих дебютантам. За это в течение всего срока контракта агент будет получать 10% авторского гонорара за произведения, которыми он будет заниматься. За первый роман автор получит от издателя в среднем примерно 1500 долл. аванса (нередко даже ему выплачивается часть этой суммы

по представлении начала рукописи), вычитаемого из дальнейших гонораров; последние носят прогрессивный характер, составляя, как правило, 10 — 15% в зависимости от тиража (минимум 5 тыс. экземпляров). Редки случаи, когда сумма, причитающаяся автору за продажу произведения среднего качества, превышает сумму аванса.

В остальном издатель сохраняет за собой лишь 10% гонорара за право экранизации, которые он часто обязуется использовать полностью на рекламу автора; следовательно, если произведение куплено какой-то кинематографической компанией или телевидением, автор получит 80% причитающейся ему суммы (после вычета 10%, идущих литературному агенту, и 10%, идущих издателю). Необходимо указать, что средняя цена книги, выпущенной в картонном переплете, в так называемом стандартном издании, составляет около 5 долл.

Если произведение переиздается в карманном формате, издатель выплачивает автору 50% суммы выкупа права на издание данной книги другим издателем.

Таковы условия, с которыми сталкиваются писатели при выпуске своих произведений на книжный рынок. Что касается театра, то авторам часто выплачивается 10% валового сбора от постановки их пьес, как это практикуется во всех других странах, причем этот сбор может быть колоссальным или мизерным в зависимости от успеха пьесы.

Однако характерной чертой американского культурного рынка является то обстоятельство, что он обеспечивает писателям обильные дополнительные источники дохода. Было бы только у автора бойкое перо, и множество журналов предложат ему гонорары порядка 1 — 2 тыс. долл. за статью в каких-нибудь двадцать страничек; особенно большой и почти постоянный спрос он будет иметь, если владеет ораторским искусством, у бесчисленных ассоциаций, падких до лекторов; каждая прочитанная лекция дает автору, пользующемуся не слишком широкой известностью, 200—400 долл., разумеется, с оплатой ему всех путевых расходов.

Наконец, весьма распространены случаи, когда какой-нибудь университет загорается желанием прибегнуть к услугам литераторов для придания лоска своим лекциям; такие литераторы получают примерно 9 тыс. долл. за учебный год. И действительно, большинство писателей находит себе пристанище в университетах. Хотя некоторые из них и начинают свою карьеру, как это столь часто бывает в Европе, на ниве просвещения, для Соединенных Штатов более характерно обратное явление: здесь писатели становятся педагогами.

Правда, нередко они преподают не столько литературу, сколько литературное творчество; дело в том, что очень многие молодые люди в США намереваются жить в будущем за

счет своего пера или за счет любой другой свободной профессии, в силу тех возможностей, какие обеспечивает такая карьера. Действительно, всякий, кто умеет писать, но не обязательно занимается ремеслом писателя, может проявить свой талант в качестве сценариста, экранизатора, даже редактора рекламной литературы, что тоже приносит немалый доход.

Наконец, тем, кто не в состоянии заработать на жизнь авторскими гонорарами, не чувствует призвания к педагогической деятельности и не обладает красноречием, приходят на помощь крупные стипендии (Форда, Рокфеллера, Гугенхейма и т. д.); они позволяют начинающим авторам, которым не удается пристроиться на необходимое для завершения книги время в одном из многочисленных писательских центров при различных фондах, спокойно ждать, пока к ним, наконец, придет успех. Впрочем, основная проблема заключается для молодого автора в том, чтобы привлечь к себе внимание агентов и литературных комитетов крупных издательских фирм— а это отнюдь не обязательно зависит от таланта — и создать что-либо сто́ящее.

Материальное положение художников несколько хуже положения писателей, но лишь очень ненамного, поскольку в настоящее время публика набрасывается на произведения живописи с ненасытностью, не всегда сопровождающейся достаточной разборчивостью; правда, это компенсируется тем, что музеи подходят к оценке культурных ценностей с более строгими критериями; в то же время промышленные фирмы раздают крупные заказы на декорирование вновь возводимых зданий с самой невероятной щедростью (одна только компания «Чейз Манхэттен» заказала более сотни картин для украшения своих служебных помещений, а «Джонсон Вокс» — примерно столько же для организации постоянных выставок в различных странах мира). Остальное делают продавцы.

Создавшееся положение побудило Джона Стейнбека ополчиться против обуржуазивания американских творческих деятелей. «Если представители молодого поколения не будут «голосовать» на дорогах или питаться в столовках, как это делали мы все, — заявил он, — они рискуют вообще утратить вдохновение. У них слишком легкая жизнь».

КУЛЬТУРНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

5 млрд. долл. на улучшение культуры

В течение почти двух столетий молодая республика, погруженная в заботы о своем существовании и развитии, была, по выражению Г. Л. Менкена, «обширной пустыней изящных искусств». Теперь в ней свирепствует интеллектуальный «бум», равный которому трудно сыскать.

Уже в школьном возрасте детей приобщают к эстетике, организуя для них различные виды внешкольных занятий. В университетах читается все больше лекций о литературном и художественном творчестве и привлекаются к преподаванию сотни известных писателей, художников, скульпторов, композиторов. Многие высшие учебные заведения располагают оборудованием, аудиториями, театральными залами и т. д., которым позавидовало бы не одно специальное учреждение соответствующего профиля.

Практически нет такого населенного пункта, где бы не было хоть одного художественного центра, позволяющего местным жителям развивать свои таланты под руководством квалифицированных педагогов; крупные компании, строящие новые промышленные предприятия вдали от больших городов, выбирают для этого преимущественно такие районы, которые способны обеспечить их служащим достаточно возможностей для интеллектуальных занятий.

Все наперегонки соревнуются в усилиях внести свою лепту в общее дело: «Метрополитен-опера гилд» показывает в средних школах Нью-Йорка сокращенный вариант оперы Моцарта «Так поступают все», музей Далласа организует выставку на вокзале, а музей Ричмонда, штат Виргиния, решает продлить время впуска посетителей до глубокой ночи. По всей стране возникают культурные центры, иногда скромных размеров, иногда крупные. Строительство одного такого центра в Сент-Поле обошлось в 2,5 млн. долл., создание музыкального центра в Лос-Анджелесе — в 24 млн., а на организацию «Линкольн-центра» в Нью-Йорке, в котором должны быть представлены все формы изобразительных искусств, было затрачено даже 750 млн. долл.

Откуда берутся средства? Отовсюду. В 1965 г. американцы вложили в дело улучшения пропаганды своей культуры 5 млрд. долл. в форме даров и различных приобретений, что вдвое превышает вложения, сделанные ими на те же цели в 1950 г. К этим даяниям следует добавить щедрые приношения крупных фирм и учреждений (40 млн. долл. ежегодно). Фонд Форда пожертвовал в 1964 г. Национальному телевизионному учебному центру 6 млн. долл., а на средства, ассигнованные Фондом Кресса, было за 20 лет приобретено 3 тыс. произведений искусства (на сумму 50 млн. долл.), переданных различным музеям. Координационные комитеты систематически проводят соответствующие пропагандистские кампании и сборы средств подобно тому, как это делают благотворительные учреждения. Тысячи добровольцев ходят по домам, готовят собрания и лекции, продают билеты. Муниципалитеты, штаты, федеральное правительство поощряют культурные мероприятия крупными субсидиями. Президент Джонсон сразу же счел своим долгом выступить поборником искусств.

Широкому размаху этого движения и его действенности способствовало развитие техники в сочетании с удобствами передвижения и растущей склонности американцев к путешествиям. Телевизионные компании значительно расширили свои культурные программы, на рекламу которых было выделено 1,5 млрд. долл.; кроме того, в Соединенных Штатах работают 400 радиостанций ЧМ, передающих исключительно классическую музыку и беседы по искусству и литературе.

Книги

Если мы вначале посмотрим, каково положение на книжном рынке, то увидим, что уже в десятый раз подряд американское издательское дело побило в 1965 г. свои собственные рекорды: было израсходовано 2 млн. *т* бумаги, продано книг на 1,2 млрд. долл., выпущено 26 тыс. названий книг, из которых $^{3}/_{4}$ являлись новинками, а $^{2}/_{3}$ были изданы в картонном переплете («хардбэкс» в отличие от «пейпербэкс», или изданий в бумажной обложке, обычно карманного формата). Иными словами, алчущая публика ежедневно получает 71 новую книгу, а специализированные журналы помогают ей разобраться в них: «Нью-Йорк таймс бук ревью» выходит каждое воскресенье тиражом 1700 тыс. экземпляров, журнал «Нью-Йорк ревью оф букс», созданный позднее, нашел с самого первого номера 100 тыс. покупателей; едкие комментарии, публикуемые в журнале «Эсквайр» (900 тыс. экземпляров), имеют своих восторженных поклонников.

В Соединенных Штатах насчитывается около 800 издательств, в большинстве своем расположенных в Нью-Йорке; они выпускают в свет самую различную продукцию: романы, учебники, научно-популярную литературу и т. д. Над всем этим конгломератом издательских фирм, состоящим из мелких и средних предприятий, стоят несколько фирм-гигантов. У компании «Даблдэй» есть свои бумажные фабрики, типографии и распределительные центры; фирма «Макмиллан компани» держит для нужд книготорговцев на своих складах в Нью-Джерси, оборудованных электронно-вычислительными машинами, 10—15 млн. томов 7500 названий книг, имеющихся в продаже, а компания «Мак-Гроу Хилл» стоит в ряду этих гигантов на 3-м месте благодаря колоссально возросшему спросу на техническую литературу, на издании которой она специализируется.

Аналогичным образом фирма «Рэндом-хаус» занимает господствующее место в издании словарей и классических произведений, «Харперс» — в выпуске религиозной и детской литературы, «Саймон энд Шустер» — политической литературы. Издательство «Нью дайрекшнс» выступает в качестве знаменосца литературного авангарда, а «Кнопф» коллекционирует

произведения лауреатов Нобелевских премий, издает работы знаменитых иностранных авторов и гордится тем, что открыл американцам современную французскую литературу. (Отметим попутно, что только за один год в США было опубликовано 389 книг, переведенных с французского языка, и 162 — с русского.)

К указанным предприятиям следует добавить различные университетские издательства, число которых стало с 1950 г. быстро расти. Эти издательства, субсидируемые частными фондами, публикуют исследовательские, познавательные и критические труды, не преследуя при этом никаких выгод коммерческого порядка.

За последнюю четверть века американский издательский мир всколыхнули два события: появление книжных клубов и выпуск на рынок серий карманных изданий. Первое из таких объединений в мире «Бук оф манс клаб», открыло 36 лет назад Стейнбека. В настоящее время оно, так же как и «Литерари гилд», продает 400 тыс. томов в месяц. Созданный позднее «Пиплз клаб» выпускает в продажу более 200 тыс. томов. С начала своей деятельности книжные клубы — «бук клабс» — занесли в свои учетные книги около 600 млн. покупателей. Если принять во внимание тщательность оформления изданий, то цены на них весьма низки: «Доллар бук клаб», который насчитывает 700 тыс. членов, продает ежемесячно распространяемые им 500 тыс. экземпляров по цене 1 долл. за книгу.

«Пейпербэкс» (карманные издания), изобретенные в 1939 г. Робертом Ф. де Граффом, достигают общего тиража примерно 300 млн. экземпляров в год; они распределяются между 30 издательствами, располагающими огромным количеством торговых точек. Благодаря весьма низкой цене и привлекательной обложке эти эклектические серии открыли широкой публике такого писателя, как Скотт Фитцджеральд, и позволили продать 1200 тыс. экземпляров «Илиады» и «Одиссеи», а также 6 млн. экземпляров романа «Акр господа бога» Колдуэлла.

В связи с этим проблема бестселлеров предстает в ином плане, поскольку отныне переиздания соперничают с новинками. Первый роман Харпер Ли «Убить пересмешника», опубликованный в 1960 г., за два года был издан тиражом более 5 млн. экземпляров. Но в 1961 г. переизданный «Тропик Рака» Генри Миллера разошелся в 100 тыс. экземпляров в картонном переплете и в 1,5 млн. экземпляров в мягкой обложке.

Впрочем, монополия в этом успехе отнюдь не принадлежит романам. Они составляют лишь 16% выпускаемых названий и намного уступают историческим, биографическим, политическим, научным и другим публикациям; в 1964 г. доклад комиссии Уоррена о расследовании убийства президента Кеннеди за несколько дней был продан в количестве 1,6 млн. эк-

земпляров. Не следует забывать и Библию, которая из года в год расходится в количестве около 800 тыс. экземпляров.

Литературные премии, предмет вожделения агентов, к услугам которых прибегают все авторы, сказываются на тиражах весьма неодинаково. Таких премий насчитывается около сотни, причем примерно 40 из них заслуживают упоминания. Премии Пулитцера (500 долл. по каждой из 6 категорий литературных произведений — художественной прозе, поэзии, биографической литературе, истории, театру, документальной литературе) оказывают серьезное влияние на сбыт. Премии «Нэшнл бук эвордз» (1 тыс. долл.), присуждаемые ассоциациями книготорговцев, издателей и промышленников, пользуются меньшим престижем. Премия Академии искусств и наук является своего рода стипендией, сумма которой меняется, достигая иногда 2500 долл.

Естественно, не все произведения, выходящие в свет в Соединенных Штатах — где 46 из каждых 100 человек населения читают по крайней мере 1 книгу в год, — раскупаются. Многие книги берутся в библиотеках — в США имеется 8 тыс. публичных библиотек и 7 тыс. школьных и частных библиотек. На полках первых сосредоточено около 250 млн. томов; в течение года выдается на руки 800 млн. томов. Эта цифра, по-видимому, будет быстро расти в связи с увеличением числа передвижных библиотек, несущих литературу в самую глушь сельских районов.

Список библиотек возглавляет огромная библиотека конгресса в Вашингтоне, одна из самых богатых в мире: в настоящее время в ней хранится более 13 млн. книг, публикаций и брошюр. Ежегодно это количество увеличивается на 200 тыс. книг (550 книг в день) и на 2 млн. различных публикаций.

Музыка

Что касается звукозаписи, то и в этой области в США наблюдается огромный прогресс, отчасти объясняющийся растущим успехом стереофонии. Согласно последним данным, ежегодная выручка от продажи пластинок составляет около 600 млн. долл., из которых 75% приходится на долгоиграющие пластинки, причем 40% этой последней суммы обеспечивает продажа пластинок стереофонической записи. Вместе с тем по-прежнему имеют успех пластинки на 45 оборотов, поскольку записываемые на них популярные песни пользуются растущим спросом у молодежи. Каждый месяц в продажу поступает около 500 долгоиграющих пластинок и 800 пластинок на 45 оборотов.

Число розничных точек сбыта пластинок (в настоящее время их насчитывается 80 тыс.) непрерывно увеличивается, к тому же пластинки продаются и в неспециализированных ма-

газинах. Одна треть поступающей на рынок продукции реализуется через «драгсторы»*, крупные универмаги и магазины самообслуживания; торговый оборот одних только этих последних составил 60 млн. долл.

Джазовая музыка всегда пользуется широкой популярностью: лента с записью мелодий из «Вестсайдской истории» разошлась в количестве более 2,5 млн. экземпляров.

Но и классическая музыка находит все более многочисленных и восторженных почитателей. За 12 месяцев был продан 1 млн. долгоиграющих пластинок с записями различных произведений в исполнении Филадельфийского симфонического оркестра под управлением Юджина Орманди. К этому рекорду приближаются пластинки с произведениями, исполненными Нью-йоркским симфоническим оркестром под управлением Леонарда Бернстайна.

В этот же период более 14 млн. слушателей присутствовали на 11 тыс. концертах; большинство из них посещало концерты немецкой музыки, и в первую очередь Бетховена. За 10 лет число посетителей во многих концертных залах увеличилось более чем вдвое. Повсюду создавались симфонические оркестры, в основном в городах с населением менее 50 тыс. жителей. Сейчас таких оркестров насчитывается около 1500, из которых 26 — и среди них Бостонский, Филадельфийский, Нью-йоркский, Чикагский, Кливлендский — завоевали себе мировую известность. Бюджет некоторых из этих симфонических оркестров превышает 250 тыс. долл.

Оперных трупп, в составе которых работают профессионалы или любители, насчитывается около 800. Наиболее известными из них являются труппы Сан-Франциско, Филадельфии, Цинциннати, Далласа, Детройта; последняя, созданная недавно, ставит преимущественно редко исполняемые произведения. Первое место среди оперных трупп принадлежит нью-йоркской «Метрополитен-опера», чьи спектакли — как во время театрального сезона, так и в ходе гастролей труппы по стране — проходят почти всегда при переполненном зале.

В теплую пору организуется масса фестивалей. Наиболее популярные из них проходят в Аспене (Колорадо) и в Танглвуде (Массачусетс), в зеленом театре, которым располагает там Бостонский симфонический оркестр. Год тому назад в нем за 8 недель побывало 224 тыс. любителей музыки.

Вот еще несколько данных, характеризующих тягу американцев к музыке: ежегодно на приобретение радиоприемников и музыкальных инструментов в США расходуется 2,5 млрд. долл.; в стране насчитывается около 20 млн. человек, играю-

---

* «Drugstores» — аптекарские магазины — торгуют в Америке не только аптекарскими товарами, но также галантереей и рядом других мелких изделий. — *Прим. ред.*

щих на рояле, 4 млн. играют на гитаре и 3 млн. человек — на скрипке. Необходимо упомянуть и о быстром росте числа хоров и певческих коллективов.

Театр

И в области театрального искусства также большую роль играют любители, способствующие его распространению во всех уголках страны; общая сумма выручки от продажи театральных билетов ежегодно достигает 500 млн. долл. Всего в стране существует более 5 тыс. любительских трупп и столько же университетских театральных коллективов, к которым следует добавить 15 тыс. групп, организованных в церковных приходах и при начальных и средних школах. 24 крупных города — в 3 раза больше, чем 15 лет назад — имеют постоянные профессиональные труппы, делающие превосходные кассовые сборы.

В Нью-Йорке драматическое искусство находится в коммерческом отношении в более тяжелых условиях. На 30 крупных сценах Бродвея в период между сентябрем и июнем ставится от 50 до 80 пьес, из которых немного менее $^1/_3$ — музыкальные комедии. Общая стоимость постановки составляет около 7 млн. долл. Когда более трети этих спектаклей в течение сезона не сходит со сцены, специалисты считают, что год удался хороший и продюсеры могут рассчитывать на продажу примерно 8 млн. билетов и на показ таких спектаклей в других американских городах. В случае успеха и несмотря на дороговизну билетов, которые стоят в США 7 или 8 долл. — а на музыкальные спектакли еще дороже, — билеты продаются за несколько месяцев вперед. Но случается, что $^3/_4$ всех спектаклей терпят неудачу, и тогда убытки исчисляются огромными суммами. Что же касается десятков периферийных театральных залов, появившихся за последнее десятилетие, то они никак не могут рассчитывать больше чем на 1 млн. зрителей на сотню постановок и идут на большой финансовый риск, обращаясь к трудным для постановки пьесам. Но их усилия все чаще и чаще получают достойную награду: спектакль «Троянки» Еврипида имел на сцене внебродвейских театров триумфальный успех и завоевал 6 премий.

Впрочем, монументальные классические произведения все больше привлекают к себе внимание зрителей: «Гамлет» в исполнении англо-американской труппы, игравшей в современных костюмах, с Ричардом Бертоном в главной роли, шел около 18 недель при переполненном зале, а затем был отснят в театральной постановке на пленку новым методом видеомагнитофонной записи и показан в тысяче театров США и Канады. В течение года в одних только летних театрах (всего их 165) было сыграно около двух десятков пьес Шекспира.

Кино

В области кинематографии показательны 2 цифры: в Соединенных Штатах работают 600 экспериментальных кинотеатров, предназначенных для демонстрации фильмов по искусству, картин типа «интеллектуальных» и экспериментальных короткометражных фильмов; четверть века назад таких кинотеатров существовало не более дюжины. Вместе с тем в 1964 г. было ввезено 350 иностранных фильмов против 233 в 1960 г.

С другой стороны, весьма серьезный кризис, вызванный 15 лет назад бурным прогрессом телевидения, счастливо сказался на качестве работы кинематографистов. Те 12 крупных голливудских компаний, которые раньше выпускали 400 картин в год, сейчас создают в среднем всего 200, причем добрая пятая часть их демонстрируется за границей (40—50% выпускаемых фильмов — цветные, столько же выпускается и широкоэкранных). Но, будучи вынуждены отказаться от создания своей собственной продукции, обходящейся слишком дорого, эти компании стали в основном органами финансирования и проката, дав тем самым возможность попытать счастья независимым продюсерам, которые внесли в этот вид искусства свежую струю.

Такая политика в сочетании с тесным сотрудничеством кинематографии с телевидением дала положительные результаты. За последние 3 года американская кинопромышленность постепенно выходит из состояния застоя. С 1958 г. количество кинотеатров возросло с 16,5 тыс. примерно до 17,5 тыс. (считая также и кино на открытом воздухе); в скором времени появится еще 400 кинозалов. Каждую неделю в кино ходят 44 млн. американцев (из них половина в возрасте до 20 лет) по сравнению с 41 млн. посетителей 5 лет назад; таким образом, число посещений достигает примерно 2,3 млрд. в год, что дает около 1,6 млрд. долл. дохода. За 8 лет ассигнования каждого зрителя на посещение кино увеличились на 30%.

Американские фильмы, демонстрирующиеся в кинотеатрах мира, смотрят еженедельно 200 млн. зрителей; на их долю приходится 60% мирового демонстрационного времени. Благодаря этому $^2/_3$ дохода, приносимого кинематографией в международном масштабе, все же возвращаются Голливуду.

Музеи

Если же говорить о музеях, то в этой области никакого кризиса США не переживали; совсем наоборот: за последние 35 лет в стране каждые 4 дня открывался в среднем один музей. В 1932 г. их насчитывалось 12 на каждый миллион населения по сравнению с 25 в настоящее время; иными словами, в общей сложности здесь существует сейчас 4600 музеев, в

том числе 650 художественных. В эту цифру входят научные, исторические и технические музеи, а также музеи народного творчества; однако она не учитывает те из них, которые существуют при национальных парках и национальных памятниках и ежегодно принимают около 100 млн. посетителей.

Число посетителей музеев ежегодно возрастает на 5%, а иногда и больше: за 2 последних года нью-йоркский «Метрополитен-мьюзеум» принял на 17% больше посетителей, чем в предыдущие годы. В Нью-Йорке же музей им. Гугенхейма, в большей своей части посвященный абстрактному искусству, посетило в течение первого года его существования (1959—1960) 930 тыс. человек. Согласно статистическим данным, собранным только по 21 крупному музею, ежегодное число их посетителей составляет 27 млн. человек.

Опираясь на поддержку общественности, фондов и меценатов (общая сумма денежных поступлений в музеи достигает 400 млн. долл. в год), пополняя свои коллекции за счет многочисленных завещаний, американские музеи не скупятся ни на приобретения, ни на капитальные вложения, чем и объясняется как богатство их собраний, так и качество экспозиций (прекрасно оборудованные залы, пояснения, даваемые через систему индивидуальных наушников, организация лекций и конференций, создание ресторанов и т. д.).

В этих музеях блестяще представлены европейские художественные школы с XVI в. по наше время. В Нью-Йорке «Метрополитен-мьюзеум» экспонирует от 2 до 3 тыс. первоклассных полотен. Недавно музей приобрел за 2300 тыс. долл. картину Рембрандта «Аристотель размышляет возле бюста Гомера», а Национальная галерея в 1967 г. заплатила вдвое больше за картину Леонардо да Винчи. Музей современного искусства, затративший на свое переоборудование 25 млн. долл., располагает уникальным собранием современных произведений. Вашингтонская Национальная галерея славится своими полотнами импрессионистов, а в музее Коркоран можно увидеть «Гребцов» Ренуара.

Итальянские примитивисты, голландская, испанская и французская школы блестяще представлены в Филадельфии, Балтиморе и Бостоне, где в Музее изобразительных искусств главное место отведено художникам Фонтенбло и Барбизона. Чикагский Институт искусств славится своими французскими полотнами XIX и XX вв., среди которых «Большая миска» Сера. На вилле Хантингтон в Сан-Марино, близ Лос-Анджелеса, выставлены самые прекрасные полотна Констебля и Гейнсборо, в частности знаменитый «Голубой мальчик».

Некоторые американские музеи не имеют себе равных в мире: например «Монастыри» близ Нью-Йорка, где собраны ценные образцы европейской архитектуры, и Смитсонианский институт в Вашингтоне, где посетители могут увидеть неис-

черпаемые чудеса из мира науки и техники от динозавра до первого паровоза и самолета Линдберга.

Благодаря произведениям искусства американцы восстанавливают связи с прошлым своих предков, выковывая одновременно свои собственные традиции: ведь народы, как и растения, не могут жить без корней. Исторические места — дома, где родились национальные герои, форты и поля сражений (в частности, форт Геттисберг, который недавно был переоборудован известным архитектором Ричардом Нейтра) — окружены заботой и вниманием. Свято сохраняются дома поселенцев в Род-Айленде и в Сент-Огастине.

В федеральной столице миллионы людей в год посещают Капитолий, здания, воздвигнутые в память о Вашингтоне, Джефферсоне, Линкольне, и, конечно, Белый дом, который Жаклин Кеннеди решила заново меблировать в стиле времени. В Виргинии, вольнодумном штате, где начались и закончились Война за независимость и Гражданская война между Севером и Югом, находится самый знаменитый в США город-музей — Вильямсбург, восстановленный Джоном Д. Рокфеллером-младшим в том виде, в каком он существовал в 1690 г., когда стал столицей колонии. Раскинувшиеся на 58 *га* сады, восстановленные или реставрированные здания, лавки, служители в старинных костюмах воссоздают картину американской жизни XVIII в.

Руководствуясь тем же принципом, различные торговые ассоциации или группы сохранили для грядущих поколений эфемерные города, которые когда-то были знаменитыми: например, Аллер (Нью-Джерси), прославившийся около 1700 г. своими литейными мастерскими. Городок Джером (Аризона), через который пролегал путь золотоискателей в эру «золотой лихорадки», напоминает о «добром старом времени», а в Вирджиния-Сити (Невада) можно увидеть универсальные лавки, «салуны», издававшуюся в ту пору газету, маленький поезд и... дома с привидениями.

В этом культе, воздаваемом — с юмором или без такового — прошлому, большую роль играют коллекционеры. Состоятельные любители обеспечивают процветание крупных музеев: например, картинная галерея «Парк Беннет» произвела в прошлом году 76 распродаж на сумму свыше 14 млн. долл. Количество художественных выставок беспрерывно растет благодаря шумному прогрессу попарта. Децентрализация в этой области является 100%-ной: так, в 1964 г. в Питтсбурге была проведена широкая кампания, позволившая собрать работы 400 художников и скульпторов из 35 стран.

Художественные галереи создаются во всех пригородах, вплоть до самых отдаленных поселков, где они сбывают произведения местных художников. 15 лет назад таких галерей насчитывалось 150 в Нью-Йорке и примерно столько же на

всей остальной территории страны, преимущественно в крупных городах. В настоящее время только в Нью-Йорке и его окрестностях их уже 400, а в других местах — сотни. В Фениксе (Аризона) после 1950 г. было создано добрых полтора десятка галерей, ежегодный доход которых составляет примерно 2 млн. долл. Перед миллионами художников-любителей всех возрастов, выходцев из самых различных социальных групп, открываются хорошие перспективы.

Культура и массы

В связи с этим возникает важный вопрос: в какой степени этот культурный расцвет служит целям эстетики? Действительно ли он способствует развитию вкуса или же он стимулирует создание продукции посредственного качества, в ущерб истинным ценностям? По существу, речь идет о проблеме вульгаризации искусства. Дискуссия открыта, и она вызывает страстные споры.

Некоторые американские критики саркастически клеймят развращающую роль того, что они пренебрежительно называют массовым искусством или пригородным искусством. Вклад технической по преимуществу цивилизации может быть, по их мнению, только количественным, но не качественным. Между тем для того, чтобы воспитывать общественное мнение, нужно не потворствовать его склонностям к легкодоступному, а учить его заслуживать интеллектуальные радости, которые нередко достаются с трудом.

На это оптимисты отвечают, что нынешнее увлечение искусством со всем, что оно может таить в себе опасного и неполного, является лишь очередным этапом на пути эстетического развития масс. Почему бы, действительно, не допустить, что для их привлечения к узкой двери подлинного искусства надо вначале постараться понравиться им? Ведь главное — это бескорыстный энтузиазм масс, это, независимо от капризов моды, неутолимая жажда познания, благодаря которой в США, стране, несправедливо слывущей некультурной, концертные залы и музеи посещаются бо́льшим числом людей, чем стадионы бейсбола.

Важно и то, что литература, театр, живопись, скульптура Америки, живущие полнокровной жизнью, не только не поддаются нивелирующему влиянию стандартизации, а наоборот, находят в интересе, который они вызывают за пределами США, подтверждение своего динамизма и своеобразия.

Сделано уже много, даже если участие масс в достигнутом и носит пока недостаточно активный характер, даже если порой оно и ограничивается позицией, диктуемой новыми житейскими нормами. К искусству применим афоризм: ревностно выполняя все религиозные обряды, обретаешь веру. А быть может, и прощение.

23. РОМАН

«ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»

Разговорный язык и одноплановость в изображении героев

«Все вы — потерянное поколение». Эти слова приписываются Гертруде Стейн, которая якобы сказала их Хемингуэю. Что имелось в виду под этой двусмысленной фразой—не ясно, но Хемингуэй предпослал ее своей книге «И восходит солнце», ставшей в ту пору библией для молодых американских писателей. В своих посмертно изданных мемуарах «Праздник, который всегда с тобой» он рассказывает о том, как мисс Стейн услышала эту фразу от владельца гаража, применившего ее по отношению к своему шоферу.

Однако «потерянное поколение» — а к нему принадлежали, в частности, такие писатели, как Фолкнер, Стейнбек, сам Хемингуэй (все трое —лауреаты Нобелевской премии), Скотт Фитцджеральд, Джон Дос Пассос, даже Генри Миллер и др., — еще совсем недавно протестовало устами живущих своих представителей против того, как Хемингуэй использовал это определение.

На самом ли деле «потерялись» или же, наоборот, «нашли себя» эти люди, которым суждено было бесповоротно ввести американскую литературу в мощный поток современного литературного творчества и даже столь решительно изменить его направление, что их эпоху по праву назвали «веком американского романа»? И действительно, редко случалось, что за столь короткий срок столь большое число прозаических произведений оказало такое сильное влияние на творческую манеру писателей. Небезынтересно проанализировать генезис этого явления.

После окончания первой мировой войны, ознаменовавшей выход Соединенных Штатов на международную арену, у молодых американцев, непосредственно перед этим сражавшихся в Европе, возникло острое чувство, что их одурачили. Когда они уезжали, их вдохновляли высокие идеалы и неистребимая вера; возвращаясь, они чувствовали лишь омерзение от побоища, свидетелями и одновременно участниками и жертвами которого они являлись. В это же время по всей стране прокатилась волна пуританизма; морализирующие лиги даже настояли на запрещении продажи в Соединенных Штатах каких бы то ни было алкогольных напитков, вызвав, правда, весьма резкую реакцию со стороны самых передовых

кругов американской общественности и породив волну анархического разгула нравов, в результате чего 20-е годы были названы «безумными».

Захваченные этим водоворотом, многие писатели и художники, которым война показала, что Европа вполне достижима, съезжаются в Париж, одни — на короткий период, другие — надолго. Пример подала горстка крупных мастеров, таких, как Шервуд Андерсон и Эзра Паунд, причем в центре кружка оказались две любопытные женские фигуры — Сильвия Бич, чья книжная лавка «Шекспир и К°» на улице Одеон служит местом встреч для всей когорты, и Гертруда Стейн, литературные теории и властный характер которой наложили глубокий отпечаток на творчество некоторых ее друзей. Наиболее известный из учеников Гертруды Стейн — Эрнест Хемингуэй; он приехал в Париж, чудом избежав гибели на итальянских полях сражений, где его изрешетили более чем 200 осколков снарядов, и привезя оттуда с собой непреодолимое чувство тревоги, искавшее своего способа выражения. В мансарде на холме Св. Женевьевы, находясь под строгим надзором Гертруды Стейн, Эрни учится сочинять новеллы и рассказы в стиле, который впоследствии составит целую школу, в жесткой манере, не делающей никаких уступок описаниям, ограничивающейся подачей фактов и созданием диалогов на разговорном языке, сжатом и образном.

Оттачивая свое мастерство, Хемингуэй становится вместе с тем выразителем взглядов своих друзей, над которыми тоже «восходило солнце», — этих американцев в Париже, демонстрирующих свое чувство разочарования в кафе на Монпарнасе и отправляющихся в Испанию в поисках сильных ощущений, коррид и фиест! Вскоре Хемингуэй пишет «Прощай, оружие!», где провозглашает «сепаратный мир» с миром от лица возмущенного бойца, обманувшегося в нравственном смысле борьбы, которую его заставляют вести.

Конечно, в то время Хемингуэю еще предстоял длинный путь, впоследствии приведший его к участию в испанской войне («По ком звонит колокол»), а затем — к морали бесполезного мужества («Старик и море»); однако на протяжении всей его жизни на нем будет лежать отпечаток лет, проведенных им в Париже, и его творчеству неизменно будет присуще то чувство смешанного страха, отвращения и стремления преодолеть страх, которое было свойственно первым его героям.

Фолкнер в своих странствиях неизменно возвращается в вымышленное им графство Йокнапетофа, микрокосмос, где сильна власть сторонников Юга и где негритянская проблема и даже конфликт между традиционными ценностями аристократического землевладельческого общества и новыми ценностями современного индустриального мира возводятся в ранг мифов.

Его «Сарторисы» и «Компсоны», чьи похождения излагаются в стиле, который сливает воедино «шум и ярость», поддерживают с неграми — распятыми на кресте и искупителями, этой постоянно кровоточащей раной Юга — мучительные отношения в обстановке вечной угрозы со стороны «Сноупов», выскочек эпохи расцвета коммерции, финансов и коррупции.

Такими произведениями, как «Святилище» — роман, обнажающий язвы Юга в лице развращенной девицы, жертвы и палача, подвергшейся насилию и совершившей убийство, «Абсалом, Абсалом» — драма кровосмесительства и расового конфликта, как написанный несколько ранее роман «Когда я умирал», раскрывающий упрямую, гибельную настойчивость, с какой ведет свои поиски крестьянин, сторонник Юга, «бедный белый», — Фолкнер создал сагу исключительной сложности; она охватывает все стороны человеческого существования, описывая его в трудной, запутанной, фрагментарной и увлекательной манере, влияние которой было, возможно, не менее сильным, чем влияние сжатого стиля Хемингуэя.

В это же время Джон Дос Пассос рисует в своей крупной трилогии «США» (ей в качестве своего рода фронтисписа предшествует роман «Манхэттен») всю сложность Америки в разгар ее становления, Америки, еще далеко не ставшей страной изобилия, но уже являющейся страной мятежа, который и приведет к наступлению изобилия. Блестяще отработанная им техника одноплановости в изображении своих героев позволяет ему рассматривать представителей самых различных кругов общества — начиная от стопроцентного пролетария до заправил промышленности и от недавно эмансипированной женщины до крупных политических и финансовых деятелей — под единым углом зрения. Метод Дос Пассоса, заключающийся в том, чтобы вкрапливать в повествование страницы текущей жизни, лирические или иронические рассказы о современниках, вошел как знаменательная веха в историю романа.

Герои романов Стейнбека «Гроздья гнева» и «Битва с неясным исходом» (как и герои Дос Пассоса в отношении предшествующего периода) выступают свидетелями трагических эпизодов, ознаменовавших последний из великих экономических кризисов. Не будет преувеличением сказать, что именно благодаря этим социальным писателям «потерянного поколения» Соединенные Штаты осознали те экономические пороки, которые они столь успешно устранили впоследствии. Действительно, целая плеяда романистов, и среди них Джеймс Т. Фаррел, чикагский хроникер, и Эрскин Колдуэлл, выступающий в «Табачной дороге» как мастер гротеска, следует той же линии, набрасывая убедительную картину жизни «другой нации» — нации обездоленных.

Но «потерянное поколение» — это не только экспериментаторы на литературном поприще и разгневанные борцы. В их

творчестве слышны и бешеные ритмы века джаза, столь хорошо описанные Скоттом Фитцджеральдом, этим выразителем настроений пессимизма и разочарования, глашатаем «грустных молодых людей», оставшихся «по сю сторону рая».

Все это сливается в удивительную симфонию, новый стиль и в особенности новый тон которой послужат впоследствии отправной точкой для нового этапа в развитии мирового прозаического искусства.

Конечно, мы не хотим сказать, что американские писатели — единственные родоначальники этого нового вида искусства. Его возникновению способствовало много других факторов, в частности появление сюрреализма в лице хотя бы Пруста или Кафки. Но после того как был сделан выбор и история литературы произнесла свой приговор, стало очевидно, что американский роман был в период между двумя мировыми войнами одним из самых значительных явлений современной литературы. К тому же, несмотря на грубоватые шутки «Консервного ряда» Стейнбека, мрачный юмор «Акр господа бога» Колдуэлла и чисто эпизодический характер описываемых социальных интриг, несмотря, наконец, на успех, вознаградивший этих писателей, это было все же, как предсказала Гертруда Стейн, «потерянное поколение»; оно было потерянным в том смысле, что более полно, чем какое бы то ни было другое, выразило чувства человека, затерявшегося в современном мире, зажатого в тисках двух чудовищных войн, борющегося против метафизической ночи, наступающей вслед за «смертью после полудня», ночи безумия, печатью которого отмечено столько героев писателей этого поколения, вымышленных или реальных, начиная с самого бедняги Скотта Фитцджеральда: ведь он, не зная, что умрет от алкоголизма и что его возлюбленная Зельда заживо сгорит в сумасшедшем доме, осмелился сказать, не пытаясь умолить судьбу, что «эта ночь была сладкой».

ВОЕННЫЕ РОМАНЫ

Ожесточенная критика военной иерархии

Для американских писателей вторая мировая война была поводом к мятежу, сходному с тем, на который социальные неравенства предшествующей эпохи подняли их старших собратьев. И действительно, с возвращением экономического процветания, обеспеченным «новым курсом» Рузвельта, мятеж становился беспредметным.

Вместе с тем в Соединенных Штатах, как и в других странах, практически нет литературного творчества, не отмеченного определенной долей протеста. Молодые писатели 40-х гг. находили мотив для протеста не только против самой войны,

но и против военного порядка, которому американский народ, настроенный в силу своих демократических традиций и по убеждению резко антимилитаристски, был в известной степени подчинен в течение четырех лет.

Не все военные романы по своему качеству достигли уровня произведений, вышедших из-под пера представителей «потерянного поколения», хотя роман «Нагие и мертвые» Нормана Мейлера и считался значительным произведением, а Дж. Д. Сэлинджеру война навеяла одну из его лучших новелл, новеллу «Посвящается Эсме»; нельзя не упомянуть также о столь достойных уважения писателях, как Альфред Хейс, о талантливых хроникерах типа Джона Херси или о таких создателях бестселлеров, как Джеймс Джонс и Джеймс Миченер.

В этих романах звучат 3 основные темы: с одной стороны, ужас войны, с другой — яростная критика военной иерархии, которая в глазах молодежи, воспитанной на принципах Декларации независимости, выглядела по меньшей мере фашистской (хотя освобожденные народы, наблюдавшие приход войск Эйзенхауэра, были нередко удивлены и несколько шокированы развязностью солдат в отношениях с офицерами); и, наконец, третье, что характеризовало американские военные романы, была констатация — связанная как раз с этими народами — удрученного и удручающего непонимания, возникшего после того, как улегся вызванный победой восторг, равно как и двусмысленности взаимоотношений между двумя цивилизациями, которые провозглашают себя поборницами одних и тех же идеалов, но мировоззрение которых по ту и другую сторону Атлантики порой расходится.

Что касается первой темы, то нет необходимости много говорить о ней. «Спуск в долину» Джона Херси, «Умереть или издохнуть» Джеймса Джонса или «Нагие и мертвые» Нормана Мейлера — во всех этих произведениях положение солдата неизменно описывается, по канонам Барбюса или Доржелеса, в тонах ужаса и абсурда.

Однако можно заметить, что основанием для подобной трактовки послужило положение солдат на Тихоокеанском театре военных действий, несомненно, в силу исключительно жестокого характера войны в джунглях. Ничего особенно нового в этой области с того времени, как немецкий писатель Эрих-Мария Ремарк опубликовал по окончании первой мировой войны свой роман «На Западном фронте без перемен», открыто не было. Единственно, что здесь важно, — это то, что американские писатели вновь начали с большим талантом писать на тему, которую уже затрагивали их старшие собратья.

Зато значительно больше интереса представляет собой антивоенная тема. Требуемая армией субординация кажется

американцу страшно оскорбительной. В сознании американского солдата не укладывается, что от него требуют тем более абсолютного повиновения, что у него нет, как в гражданской жизни, возможности переменить род деятельности, если он недоволен своим начальником. Отсюда огромное количество гневных комментариев, выразителем которых стал, в частности, Джеймс Джонс («Пока будут существовать люди») и которые Херси резюмирует следующей фразой, вложенной им в уста одного из его героев, говорящего о своем генерале: «Генерал Марвин оказался... хуже, чем все те, от кого мы хотели избавить мир». Герман Воук в своем произведении «Буря на минном тральщике „Кейн“» выводит на сцену умного подчиненного, который привлекается к суду военного трибунала за то, что, к счастью для своих солдат, ослушался приказа командира-дурака. Эта тема трактуется в различных формах, и даже, если можно так выразиться, навыворот, когда, в частности, Мейлер приписывает победу на острове Иво-Дзима нелепой, но счастливой ошибке ограниченного командира.

Существуют интересные варианты этого лейтмотива, в частности в «Бале проклятых» Ирвина Шоу, где критикуются расистские предрассудки в рядах армии; и не парадоксально ли, что негритянский прозаик Уильям Гарднер Смит усмотрел наличие расового равенства в Берлине?

И наконец, большое внимание уделяется теме взаимоотношений с населением освобожденных стран, которое считает своих освободителей варварами, в то время как сами они убеждены в том, что отстаивают ценности цивилизации лучше, чем кто бы то ни было, — и в данном случае они правы.

Конечно, та снисходительность, с какой с ним обращаются, или вызывающая самонадеянность, с которой он сталкивается, не вызывают у солдата-писателя немедленного и резкого отпора, что, в общем, делает ему честь. Напротив, он терзается угрызениями совести. Эти терзания, быть может, лучше других выразил Альфред Хейс («Акт любви»). Его герой входит в состав американского экспедиционного корпуса в Италии, где ему удается завоевать благосклонность одной молодой женщины тем, что он носит ей продукты, когда в стране все дается только по карточкам и царит голод. Но молодые люди скоро запутываются в своих отношениях, так как начинают заниматься различными меновыми операциями и тем самым оскверняют чистоту своего чувства. Дело заканчивается тем, что римская полиция обвиняет итальянку в проституции, и она кончает с собой, а ее любовник мучается сознанием своей вины перед ней. Правда, Джон Херси («Колокол для Адано») рисует более оптимистическую картину того, как благодаря разумным действиям некоего американского офицера в небольшом освобожденном итальянском го-

родке происходит возрождение демократического духа, но и на этот раз история имеет, скорее, плохой конец по вине непонятливого генерала.

Подобная трактовка темы может рассматриваться как сравнительно новое явление в американской литературе, ибо у Хемингуэя лейтенант Генри («Прощай, оружие!») поддерживал с союзниками самые сердечные отношения. Правда, Каммингс уже констатировал наличие определенных недоразумений, проявившихся, когда во время первой мировой войны он был помещен в лагерь для подозрительных лиц, после того как попытался вступить во французскую армию («Огромная комната»). Однако в конечном итоге такие случаи нужно рассматривать, скорее, как повод для размышлений и рассказов, нежели как свидетельство действительной несовместимости характеров, если судить по числу американских солдат, «джи-ай», сразу после войны вернувшихся в Европу... ибо приходится признать — без всякой иронии, — что среди этих «джи-ай» было как раз много писателей.

РОМАНИСТЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

«Еврейское возрождение», битники и романы-документы

После второй мировой войны в области американского романа появились новые имена и новые тенденции.

Во-первых, было отмечено развитие определенного романтического эстетизма, все три основных представителя которого — южане; при этом трудно сказать с уверенностью, сыграло ли их происхождение роль важного катализатора в формировании взглядов. Действительно, Трумен Капоте утвердился в 40-х гг. как один из блестящих мастеров литературы, которая была полностью лишена какой бы то ни было проблемности и, казалось, ставила искусство своей единственной целью. Об этом свидетельствуют его полные очарования произведения, полуабсурдные, полусказочные, например «Лесная арфа» или «Жилища с привидениями»; в повести «Завтрак у Тиффани» он не отказался от присущего ему стиля, хотя за это время вполне проникся психологией нью-йоркцев.

В это же время Карсон Маккаллерс снискал себе раннюю славу благодаря своему роману «Сердце — одинокий охотник», одновременно и трагическому, и пленительному, раскрывающему всю сложность человеческих взаимоотношений; действие романа происходит в небольшом городе одного из южных штатов; его герои, за исключением стоящей в центре интриги девочки, — люди, отличающиеся какими-то отклонениями от нормы, и среди них два символических глухонемых. Этой же теме Карсон Маккаллерс посвятил ряд романов

менее широкого масштаба, хотя в «Френки Адамс» удачно используются некоторые элементы первого произведения.

Наконец, один из последователей Фолкнера Уильям Стайрон опубликовал по крайней мере два первоклассных романа, обеспечивших ему бесспорную известность. В первом, озаглавленном «Ложе во тьме», он рассказывает о сложных, довольно фолкнеровских по характеру отношениях между отцом и дочерью в типично южном семейном и социальном плане, в то время как второй, «Добыча пламени», переносит ту же проблему, не разрешая ее, на берега Италии, в обстановку жестокости и бурных оргий, достойную эпохи Возрождения.

Не случайно, быть может, в том же ряду можно назвать и писателя предшествующего поколения, который лишь довольно поздно обрел известность. Это Роберт Пенн Уорен, чьи романы отличаются высокой романтичностью («Вся королевская рать», «Пещера» и др.); они изобилуют пространными рассуждениями в метафизическом духе и со страстной взволнованностью ставят проблему виновности и свободы.

Можно сказать, что по сравнению с романами этого типа нью-йоркский роман, каким его писал, например, Марканд («Дочь Б. Ф.») и прославил Хейс («Цена любви»), с его несколько поверхностными описаниями светской жизни и легкомысленных любовных связей, не имел особого успеха, если не причислять к нему «Завтрака у Тиффани» Капоте (хотя это последнее произведение является наиболее законченным его образцом, несмотря на «проюжные» тенденции автора). Другая весьма примечательная тенденция современного американского романа — приход в литературу большого числа писателей-евреев; это явление получило название «еврейское возрождение». Действительно, такие писатели, как Соул Беллоу («Приключения Оджи Марча», «Творящий дождь», «Герцог») или Маламуд («Лавка»), — всего лишь наиболее известные из целой плеяды весьма интересных писателей еврейского происхождения; их характерная черта состоит в том, что они являются глашатаями нового реализма в типично американском ритме и поднимают актуальные вопросы в их повседневном контексте. Среди этих писателей фигурируют такие одаренные молодые авторы, как Герберт Голд («Соль») и Филип Рот («Прощай, Колумб»); не стремясь во что бы то ни стало выразить свое кредо с позиций расового меньшинства, они тем не менее несут на себе отпечаток своей принадлежности к такому меньшинству. Трудно не обнаружить в произведениях всех этих писателей наличия атавистического чувства тревоги и ощущения преследования, которые составляют особое свойство их творчества, не лишая его всемирного звучания. В этом смысле появление негритянской литературы вызвано, несомненно, теми же причинами, что и «еврей-

ское возрождение». Наиболее яркого ее представителя — Джеймса Болдуина — можно считать в некотором роде наследником Ричарда Райта, но романисты типа Эллисона или Уильяма Гарднера Смита входят в тот авангард американской негритуды, который в результате известного улучшения своего социального положения приобщился к литературному творчеству. Битники, хотя они и вызвали довольно шумный скандал и одновременно сделали полезное дело в борьбе с конформистскими настроениями периода послевоенного благополучия, дали литературе мало романов. Однако их предводитель Джек Керуак написал по крайней мере два весьма интересных произведения — «На дороге» и «Бродяги Дхармы», эти две библии битниковской религии, повествующие о странствиях по большим дорогам и о поисках абсолюта в стороне от современного комфорта, абсолюта, чей секрет якобы раскрывает дзен-буддизм.

Поэты Ферлингетти и Барроус все же опубликовали по одному заумному роману — «Четвертое лицо единственного числа» и «Обнаженное пиршество», которые, по правде говоря, ценны скорее как поэтические произведения, чем как произведения романического жанра, и которые объединяют в себе приемы сюрреалистов с тенденциями битников.

Следовательно, вклад битников в прозаическое творчество состоит скорее в новых умонастроениях, чем в новых способах выражения этих настроений. Однако их произведения оказали известное влияние на образ жизни молодежи, хотя последняя почерпнула из них лишь довольно туманные и более или менее классические лозунги: инстинктивный пацифизм, лишенный какой бы то ни было серьезной основы, философской или политической; особую манеру одеваться (и даже причесываться); склонность к бродяжничеству — короче говоря, тенденции, не имеющие никакого отношения к литературе, как таковой.

То, что неосторожно называли иногда школой «нью-йоркерца», произвело на свет по крайней мере двух маститых писателей, для которых характерна присущая журналу «Нью-Йоркер» нарочитая усложненность стиля: это Джон Апдайк («Заячье сердце»), выражающий в весьма утонченной прозе несколько пораженческое самолюбование, и Джером Дэвид Сэлинджер, сумевший облечь в литературную форму тревоги и искания учащейся молодежи, затерянной в мире взрослых, и, в отличие от Апдайка, пользовавшийся значительным успехом («Ловушка для сердец», «Новеллы» и др.) среди представителей обоих поколений.

Можно ли на основании сказанного предугадать будущее развитие американской литературы? Отнюдь нет. В Соединенных Штатах эфемерные течения сменяют друг друга с большой быстротой. На смену битникам недавно пришли хип-

ли, для которых весь смысл существования заключен в их собственном «я» — как об этом свидетельствует роман Нормана Мейлера «Рекламирую себя»; но и этих последних уже вытесняют не поддающиеся классификации писатели типа Сьюзен Зонтаг («Благодетель»), чьим любимым времяпрепровождением является интеллектуальное самоистязание.

Старая интеллигентская гвардия, сгруппированная вокруг журнала «Партизан ревью», уступила «нью-йоркерцам» место с тех самых пор, как Мэри Маккарти и Кэтрин Энн Портер, подобно многим другим, начали создавать бестселлеры; если и можно сказать что-либо с уверенностью в отношении будущего, так это следующее: все эти книги, приносящие их авторам лишь скоропреходящий успех, но весьма реальные прибыли и без конца возрождающиеся из праха своих предшественников, предназначены для того, чтобы увековечить преемственность «Унесенных ветром»; однако они, конечно же, не являются настоящей литературой.

Самая последняя американская новинка — это роман-документ, представляющий собой монтаж из лент звукозаписи; его прототипом был роман Льюиса «Дети Санчеса» (а воплощением — «Обыкновенное убийство» Трумена Капоте); уже сейчас он начинает стимулировать появление аналогичных произведений за границей. Такой вклад в современную технику создания романа говорит о жизненности поисков в области литературы, ведущихся в Соединенных Штатах.

9 Зак. 26

24. ПОЭЗИЯ

ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ

«Соединенные Штаты — величайшая из всех поэм»

Соединенные Штаты явно стали «великой державой» в области поэзии: в течение одного столетия американский народ и здесь проявил замечательную жизнеспособность, дав миру целую плеяду блестящих поэтов, от Уитмена до Элиота, от По и до Уоллеса Стивенса; их творчество, отличающееся глубочайшим лиризмом и бесконечным разнообразием, зачастую гневное и почти конвульсивное, поистине воплощает в себе все усилия и все страдания современного человечества.

Существует, как кажется, своего рода принципиальная совместимость между тем, что следует называть «американской дерзновенностью», и позицией американской поэзии. Уолт Уитмен, автор сборника «Листья травы», красноречиво подчеркнул это в первом предисловии к своей книге: «Соединенные Штаты представляют собой, вне всякого сомнения, величайшую из всех поэм». Значительная доля мечтательности, которую носит в своем сердце любой американец, огромная роль эмоций и коллективных выступлений — все это в конечном итоге объясняет тот факт, что, вопреки видимости, Соединенные Штаты — страна в равной степени поэзии и действий: воображаемое повсюду дополняет собой действительное, и поэтическое самовыражение находит себе здесь благодатную почву. Само собой разумеется, имеют значение и многие другие факторы, в частности влияние сотен мифов, почти всеобщее недоверие ко всякой чисто логической и «интеллектуалистской» мысли, богатство сокровищницы народного творчества.

«Американский лиризм» часто проистекает из конфликта (осознаваемого с большей или меньшей степенью проницательности) между определенным представлением о человеке, в широкой степени обусловленным старой пуританской и английской культурой, и действительным обликом американского индивида, который живет в условиях непрестанно эволюционирующей цивилизации, частично продиктованной самими обстоятельствами; эта цивилизация до такой степени связана с конкретно существующей действительностью, что она постоянно вступает в противоречие с толкованиями и мечтами «основополагающей» этики, подобно тому как творчество Уолта Уитмена вступает в противоречие с творчеством Эдгара По.

Отсюда возникают всевозможные конфликты между чисто литературным призванием письменной поэзии и характером традиционного национального творчества устной поэзии, между «внутренней личностью», повернутой к абстрактному, стремящейся к нередко метафизическому и психологическому языку, и «личностью, связанной определенными отношениями с другими людьми», вынужденной реагировать на любой возбудитель из окружающего ее неспокойного мира и заниматься «конкретными вещами». (Например, удивительное творчество некой Эмили Дикинсон, 1830—1886 гг., построенное исключительно на внутренних переживаниях, полностью контрастирует с поэзией уитменовского направления.)

Можно было бы легко продолжить перечень этих принципиально противоречивых тенденций, породивших столько различных романтических позиций (или позиций романтического типа), вызывающих, так сказать, необходимость в поэтической деятельности и оправдывающих обращение к «поэзии-решению», максимально далекой от простого развлекательства или от риторики, которая столь мила культурам, страдающим временным истощением и склонным к чрезмерному увлечению формалистическими поисками. Европа уже не питает на этот счет сомнений: наш век стал свидетелем появления в 1914 г. в Соединенных Штатах огромного количества произведений, написанных в более или менее традиционных, более или менее свободных стихах; и было бы нелепо недооценивать масштабы заявившего о себе таким образом возрождения. Примечательно также и следующее: аудитория, отнюдь не огромная, но довольно широкая, по-прежнему чутко прислушивается — в частности, в университетах — ко всем заслуживающим внимания видам выражения американской восприимчивости и постоянно ведет с поэтами живой диалог через посредство журналов, литературных кружков, публичных чтений, даже звукозаписи. И отнюдь не исключение, что некоторые авангардистские сборники выпускаются тиражами в десятки тысяч экземпляров (сборник стихов Ферлингетти, озаглавленный «Кони-Айленд духовного мира», в течение немногих лет достиг тиража 130 тыс. экземпляров!). Здесь практически невозможно провести черту между сменявшими друг друга школами: недавнее прошлое отовсюду вторгается в настоящее, и поэтические дерзания XX в. охватывают период более чем в 40 лет. Влияние «метров» 20-х гг. беспрестанно чувствуется даже в самых современных дерзаниях. Налицо явная преемственность как в отношении тематики, так и в смысле формы.

Необходимо поэтому подчеркнуть значение самих источников этого постоянного обновления: в то время как 50 лет назад в Чикаго вокруг Эзры Паунда, Эми Лоуэлл и журнала «Поэтри» утверждался «имажинизм» как протест против традиций; в то время как нэшвильская группа (в 1922 — 1925 гг.)

демонстрировала талант Дж. Рэнсома, Аллена Тейта, Р. П. Уорена и Меррила Мура, а Т. С. Элиот, Уоллес Стивенс, Конрад Айкен, Сэндберг, Харт Крейн, Роберт Фрост завоевывали по весьма различным причинам многочисленную аудиторию, «век джаза» подсказывал новые ритмы, новые неистовства, новые поэтические приемы.

Глубокие эмоции и напряженность 1920 — 1940 гг. нашли в стихах свое наиболее естественное и, можно сказать, наиболее непосредственное выражение; само собой разумеется, что в процессе их создания применялись самые различные структуры и участвовали нередко противоречивые влияния.

Можно ли также забыть размах «негритянского возрождения» в этой области, раскрытие писателями типа Ленгстона Хьюза и Каунти Куллена лиризма Гарлема или Нового Орлеана, который в свою очередь способствовал возрождению лиризма белых, искавших утраченную непосредственность? (В частности, Вэчел Линдсей, автор сборников «Конго и другие поэмы» и «На пути к звезде», широко использовал это обстоятельство.)

Это была, несомненно, удивительно насыщенная эпоха. В тот самый момент, когда сразу после первой мировой войны Каммингс и У. Уильямс (равно как и многие другие) стали исследовать пути «современного» и широко использовать ресурсы простого разговорного языка в поисках сугубо национального вдохновения, наследники великих литературных традиций, поклонники труднодоступной, интеллектуальной поэзии (образцом которой, по мнению некоторых, служило творчество По), охотно обращались к поэзии европейских мастеров и даже мастеров Востока или Дальнего Востока. Достаточно перечитать знаменитый «Пустырь» Т. С. Элиота, «Песни» Паунда, произведения Стивенса («Фисгармония», 1923 г. или «Человек с голубой гитарой», 1937 г.), чтобы увидеть следы бесчисленных реминисценций и мимолетных влияний. Но вместе с тем стремление выразить тревоги наших дней, сделать пригодными для нашего пользования наиболее старинные мифы придают всем этим стихам острую актуальность и утверждают их во времени и пространстве независимо от требований вечности.

Конечно, нет оснований радикально противопоставлять весьма плодотворный период между двумя войнами последующему периоду, наступившему в 1940 г.: после окончания конфликта, в котором были использованы средства массового уничтожения и молодые люди Америки столкнулись на всех полях сражения со всеми возможными ужасами, навязчивые идеи нередко становились еще более мучительными, и еще сильнее возрастала душевная тревога. Поэзию наводнили темы насилия, метафизического абсурда, непрочности «земного существования», трудности быть «личностью» посреди всеоб-

щего хаоса и смятения — все эти темы, уже предвосхищенные 20 лет назад. Что же касается мифических надежд на возможность одновременно и выразить возникшую тревогу, и воскресить знаменитую американскую мечту, то они и после Элиота и Паунда продолжали занимать ведущее место во многих произведениях: их поддерживало, а иногда и укрепляло влияние Одена и Дайлана Томаса, ставшего известным в литературных кругах Соединенных Штатов благодаря своим публичным чтениям. (При этом не следует забывать и о роли целой системы мифов, родившихся на почве психоанализа.)

Мы видим, что перечислять все «основные течения» этой поэзии — довольно трудное дело, особенно если говорить о XX в. Однако фактически вплоть до наших дней в ней сохранился известный традиционализм, который в середине века по-своему, несколько в духе Ламартина, проиллюстрировал Лонгфелло в своих поэмах «Эванджелина» и «Песнь о Гайавате» (если не возвращаться к Уильяму Куллену Брайанту— зачинателю американской поэзии, порой напоминающему Вордсворта). Хотя Роберт Фрост, родившийся в 1874 г., является во многих отношениях большим новатором, чем принято думать, как с успехом показал Р. Асселино, кое в чем он примыкает к этой старой ориентации: Фрост — поэт-крестьянин, ищущий вдохновения и в природе и в моральных устоях человека, верный уже испытанным приемам (его поэмы «Воля юноши», 1913 г.; «К северу от Бостона», 1914 г.; «Горный перевал», 1916 г. привлекли к нему внимание страны). Конечно, его с достаточным основанием противопоставляют Элиоту, но этот последний глубоко связан с французским символизмом, который, как известно, имеет определенное отношение к эстетике По. Поэт-католик Роберт Лоуэлл (родившийся в 1917 г.) вначале проявляет в своих поэмах «Неправдоподобная страна» и «Замок лорда Уэри» склонность к чистому классицизму; но затем он решительно вступает на путь модернизма и в свою очередь обращается к сатире и гротеску («Этюды из жизни», 1959 г.)

Уитманизм со всей очевидностью нашел своего продолжателя в лице Сэндберга, а с ним и эпический лиризм, порожденный потребностью горячего участия в новой действительности американского континента, его городов и его ритмов (в частности, «Чикагские стихи», 1916 г. и поэма «Народ, да», 1935 г. прочно обеспечили Сэндбергу славу). Но элементы его творчества все чаще встречаются у многочисленных поэтов того времени, по мере того как все настойчивее становятся картины настоящего, все сильнее ощущается влияние новых образов и форм языка.

Фактически нельзя сказать, что в эту эпоху то или иное течение достигает полного своего расцвета: богатство современной поэзии Соединенных Штатов проистекает скорее из

сочетания различных наследий, различных направлений; таких поэтов, как Мастерс или Робинсон, так же трудно отнести к какой-либо определенной категории, как Харта Крейна или У. Уильямса!

ПОЭТ И ЕГО ВРЕМЯ

Тысячеустая Кассандра

В произведениях, вышедших в свет со времени окончания второй мировой войны, неизбежно дает о себе знать влияние обильных поэтических источников и образцов прошлого. Именно в этот период обрели истинное значение, свое истинное место великие зачинатели самого модернизма, достигшие того возраста, когда издают «избранные произведения» и «полные собрания сочинений». И это обстоятельство также говорит против того, чтобы произвольно разделять эпохи. Даже движение битников во многих отношениях продолжает дерзания поэтов типа Каммингса, темы «Пруфрока» или «Пустыря», размышления на мифологические темы Паунда, не говоря уж об известном уитманизме, культивируемом, в числе других авторов, Керуаком и Гинсбергом.

«Проникновение современных проблем в область поэзии», настоящая «навязчивость современных событий» — это вторжение исторической действительности в мир поэзии, справедливо отмечаемое Ле Бретоном в его «Антологии», бесспорно накладывает свой отпечаток на большую часть значительных произведений современной поэзии. Вместе с тем продолжается традиция сложной поэзии, поэзии-познания, характерной поисками воображаемого и метаниями духа. Такие высокие устремления наблюдаются в творчестве Уоллеса Стивенса (родившегося в 1879 г.), почему его иногда сравнивали с Валери. Однако то значение, которое придают поэзии университетские круги, роль поэтов-студентов, курсов «литературного творчества» (см. гл. 22) и преподавателей-поэтов — все это лежит в основе замечательного расцвета традиционного вдохновения и строгости форм. Аллен Тейт, Р. П. Уорен, Айвор Уинтерс, Рэндалл Джаррел, Питер Виерек, Теодор Ретке, каждый из которых по-своему является ученым, сохраняют, или до очень недавнего времени сохраняли, верность принципам строгости, сдержанности и меры, резко контрастирующим с дисгармоничностью и небрежностью стиля новаторов. Но все они — скорее свидетели культуры, чем открыватели нового. «„Университетские мудрецы", — довольно метко сказал Джон Браун, — являются великими стилистами современности!»

В конечном итоге, как это в общем верно указывала сама американская критика (см. «Преемственность американской поэзии» Роя Гарвея Пирса), национальное творчество

явно берет перевес над традиционализмом. Наиболее видные произведения фактически говорят об упадке «традиционных» ценностей культуры и гуманизма (в основном европейского происхождения): воздействие «непосредственного», конкретно существующей действительности достаточно для того, чтобы сделать частично устарелыми методы использования интеллектуалистских, даже мифических толкований. Необходимость активного участия в глубокой озабоченности, в настойчивых выступлениях широкой американской общественности и в вытекающих отсюда исканиях, а также настоятельная потребность в общении с массами в конце концов определили позиции как поэтов, слывущих в большей или меньшей степени битниками, так и самих интеллигентов. Обращение к поэзии, принимающей в основном форму устных посланий, поэзии, нередко так или иначе связанной с джазом, одинаково характерно и для последних произведений негритянского поэта Ленгстона Хьюза («Спроси свою маму»), и для поэтов типа Кеннета Пэтчена или Керуака (при доминирующем влиянии «блюзов»). Само собой разумеется, что антиакадемическая реакция в большинстве случаев сочетается здесь с реакцией против всех видов так называемой «литературной» поэзии.

Таким образом, весьма относительному традиционализму старших представителей нэшвильской группы (в частности, Аллена Тейта), утонченности Лауры Райдинг, строгости форм Ричарда Уилбера противостоит эта поэзия бурных страстей, находящая питательную среду как в беспокойной жизни крупных городов, так и в расовых конфликтах, как в завываниях джаза, так и в жаргоне Гарлема.

Напрашивается вывод: поэзия, выражающая господство духа над материей, осуществляющая своего рода перестройку мира во имя одного лишь собственного «я», отступает перед поэзией общения и взаимного обмена, поэзией связи с грубой действительностью; миф и абстрактность стушевываются в пользу мира конкретного, которым как раз и может быть мир исторического прошлого и настоящего.

Вместе с тем американская поэзия вплоть до ее самых дерзновенных выступлений остается верной определенному мистическому ви́дению человека и искусства: она отказывается появиться на свет, если только не помогает жить в американском мире, даже в тех случаях, когда она его критикует и обвиняет. Таким образом, вновь выходит на сцену старая идея поэта-мага, поэта-пророка, столь милая сердцу многих романтиков и Эмерсона: ведь речь как раз идет о том, чтобы обеспечить необходимый диалог с обществом, которое пытаются создать, с действительностью, которой надо овладеть и которую одновременно следует изменить.

Бесспорно, вторая мировая война частично обновила тема-

тику поэзии, и нетрудно обнаружить даже у Рэндалла Джаррела или у Питера Виерека довольно апокалиптическое видение мира, возросшую одержимость боязнью всемирного проклятия (в конечном счете представление более метафизическое, чем «социальное»), позицию «жертвы», встречающуюся еще чаще, чем раньше (но также и позицию бунта), и, наконец, чувство страха, которому существование у ряда стран атомной бомбы придает грозную актуальность. Это еще одна причина того, что стихотворцы постепенно отступают перед всеми этими прорицателями и мечтателями: американская поэзия сегодняшнего дня в значительной своей части напоминает тысячеустую Кассандру, посылающую миру зловещие предсказания. Поэзия эта поражает своей бессвязностью и дисгармоничностью, своими многочисленными инвективами библейского размаха; самый яркий, самый грубый образ в основе своей сочетается с древними реминисценциями Священного писания, с примитивными воспоминаниями о временах наших далеких прародителей как бы для того, чтобы с еще большей силой, в еще более «ранящих» выражениях передать внутреннюю тревогу, которая, невзирая ни на что, сохраняет нравственный и религиозный характер. В этом смысле показательно творчество Томаса Мертона, ставшего в 1941 г. монахом-траппистом («Формы для апокалипсиса», 1947 г.).

Эти лирики, эти эпические поэты, эти мятущиеся души, которые беспрестанно противопоставляют образ идеальной Америки образу Америки действительной, поистине и именно по этой причине являются типично американскими поэтами. Даже некоторую небрежность в отношении строгости форм фразировки стиха (иногда расцениваемую как пренебрежительность к ней) следует объяснить этим страстным стремлением создать язык жизни, неотделимый за океаном от всякого оригинального литературного творчества.

Традиция и новаторство? Трудно провести такую связь: проникновенная песнь современной американской поэзии — это в такой же степени песнь Роберта Фроста, как и У. Уильямса, космического Айкена и Робинсона Джефферса, как и вулканического Гинсберга. Иррациональная, исследующая и темную область бессознательного (более или менее полно раскрываемую психоанализом), и сказочные — можно сказать космические — богатства человеческого будущего, поэзия Соединенных Штатов представляет собой один из самых правдивых и захватывающих видов поэзии, какие только существуют в наш век ожидания, смелых порывов и растерянности.

Произведения мастеров недавнего прошлого столь же многочисленны, и невозможно упомянуть о какой-либо знаменитой поэме Крейна, например, такой, как его «Мост», не упомянув вместе с тем и о «Патерсоне» У. Уильямса, «Озирисе Джонсе» Айкена или «Завоевателе» Мак-Лиша.

ПОЭЗИЯ БИТНИКОВ И МИР «КУЛА»

От пишущей машинки до магнитофона

За последние десять лет много говорилось о битниках, об их чудачествах и крайностях, об их антиобщественном поведении, цинизме и мистическом отречении от удобств. В действительности это лишь крайние проявления кризиса современного мира и, следовательно, поразительной склонности доводить до крайности те самые поэтические эксперименты, которыми занимался тот же Каммингс после первой мировой войны («Тюльпаны и камины»), а позднее — Кеннет Пэтчен. Впрочем, битники уже отошли в прошлое: великая эпоха «священных варваров» охватывает период всего в 6 или 7 лет (с 1953 до 1960 г. самое большее). Неправильно было бы говорить в данном случае о какой-то школе: движение битников по-своему продолжало старый бунт против всех форм конформизма и смиренного подчинения социальным требованиям, в защиту свободного выражения озабоченности современными проблемами даже тогда, когда движение это, казалось, создавало собственную доктрину и связывало свою судьбу с судьбой определенной группировки западного побережья.

В стране, в которой сюрреализм, как таковой, имел лишь незначительное влияние и вызвал лишь слабую реакцию (хотя в 1940—1950 гг. журнал «Вью» и пытался широко распространить его), писателям-битникам было суждено восстать против всех видов мещанства и возглавить борьбу против всех форм «бэббитизма»* или его производных. Нужно ли подчеркивать это? Свершения не всегда были на высоте устремлений. По крайней мере настоящие поэтические произведения, порожденные этим движением, еще и по сей день выходят из-под пера тех, кто были подлинными его вожаками и кто отныне больше заботится о своем личном творчестве, чем об увековечении какой-либо школы (таковы, в частности, Гинсберг, Ферлингетти, Керуак, Рексрот и некоторые другие поэты).

В действительности движение битников тем более связано с поэзией, что оно прежде всего является бунтом чувствительности против нажима социальных сил, грохота рекламы мещанского духа мелкой буржуазии. В основе настроений и устремлений столь обостренного романтизма лежит эта очевидная неприспособленность, плохо скрываемый страх, уход во внутренний мир, в самое сокровенное «я». Афишируется агрессивная воля к свободе от всяких обязательств, бурный мятеж против чрезмерного увлечения мифологией. Но вместе с

---

* «Бэббитизм», или «бэббитовский образ жизни» — понятия, производные от имени героя известного романа Синклера Льюиса «Бэббит», бездушного дельца и мещанина. — *Прим. ред.*

тем явно вырабатывается и известного рода контрмифология, хотя все еще продолжает жить настойчивая потребность подлинного общения с другими людьми, стремление к примитивному и страстному лиризму, способному наиболее полно выразить это положение «жертвы», эту позицию отказа, об отходе от которой не идет и речи.

Зародившись главным образом на западном побережье Соединенных Штатов, и в первую очередь в Сан-Франциско, Венис-Уэст, Биг-Суре и еще в ряде мест Калифорнии, движение битников проникло и в другие интеллектуальные и художественные центры, например в Гринвич-Виллидж, где оно все еще в большом почете. Со своей стороны Ферлингетти и Рексрот недавно уточнили, что все началось в 1953 г. в Сан-Франциско, когда неоформившийся авангард, прибывший в основном с востока, объединился вокруг самого Ферлингетти и его книжной лавки, а на вечере, организованном в одной из городских галерей, была зачитана поэма Гинсберга «Вой», которая в некотором роде задала тон поэзии этого «нового течения».

Быть битником ко многому обязывает: это значит признать себя в положении угнетенного . и в определенном отношении пойти на роль жертвы, занять место в эпицентре катастрофы космических масштабов, с тем чтобы преодолеть какой бы то ни было комплекс неполноценности. Поскольку слово «бит» означает также «такт», ритм джаза (речь идет, конечно, о новом джазовом стиле, о «куле», введенном почти в то же самое время), быть битником предполагает, что ты выступаешь в большей или меньшей степени за «джазовое решение» и за использование могущества ритма, чтобы иметь право на определенное привилегированное положение, на участие в чем-то магическом; в действительности, эти два толкования движения выдвигались на передний план поочередно, а зачастую и оба вместе, ибо они взаимно дополняют друг друга.

Отсюда вытекает целый ряд умонастроений, служащих источниками для создания стихов, этой особенно полной формы выражения множества необычных позиций: яростного или циничного хладнокровного бунта, мистики отказа, расплывчатого мировоззрения, питающегося как элементами дзен-буддизма, так и идеями христианства и мечтами о первозданной непорочности; слепого поиска последних прибежищ земного рая и в особенности стремления к остроте переживаний, к тем формам экстаза, которые обретаются с помощью наркотиков, джаза или эротики (всего, что «уносит» вас от повседневности). Вдохновение приходит здесь даже от захватывающего видения атомного, апокалиптического по своим масштабам разрушения мира.

Следовательно, при таком способе существования (ибо движение это проповедует и экзистенциализм) само поэтиче-

ское творчество является лишь одним из рекомендуемых видов опыта и самовыражения, но отнюдь не единственным. К тому же очевидно, что поэзия находит свое проявление и в ряде прозаических произведений, в частности в романах Керуака «На дороге» и «Подземные люди».

Можно было бы долго спорить о чисто литературной ценности этого творчества. «Все это вышло из моды, пришло к концу, устарело», — утверждает Кеннет Рексрот, который, однако, принимал участие в большинстве выступлений битников в период с 1953 по 1958 г. И добавляет еще более резко, что «битники — явление, относящееся к области социологии, а не литературы». Это — слишком суровое мнение: в конечном итоге вклад, внесенный движением битников, представляется положительным.

Ведь стихи, написанные в состоянии морального смятения и с полным пренебрежением к строгости форм, замечательно сочетаются с возрождением поэзии устных посланий, характеристику которой можно найти как в весьма интересных теориях Чарльза Олсона, выдвинутых им в 1950 г., так и в исполненном неистовой силы творчестве Пэтчена, Гинсберга или Ферлингетти. Традиция публичных чтений, шумный успех выступлений Дайлана Томаса во время его поездок по стране, постоянное обращение к полуимпровизации столь же типичны для этого направления, как и поэзия-джаз, которую пытался ввести именно Пэтчен (или Ленгстон Хьюз).

Поэзия социального назначения

В своей книге о битниках Липтон писал, что в период с 1950 по 1960 г. Рексрот и его друзья стремились к «восстановлению поэзии в ее старой и традиционной роли искусства, имеющего социальное назначение, связанного с музыкой и образующего в сочетании с ней единую и однородную форму искусства». К тому же представители этого направления вновь громогласно заявили в то время о своей приверженности как Уолту Уитмену, так и в равной степени Шёнбергу и Стравинскому; «джаз-канто» представляет собой, вероятно, венец всех этих устремлений, безусловно, соответствующий тому месту, которое отныне занимает в американской жизни сам джаз.

Следует подчеркнуть и тот факт, что тем самым в США были возобновлены и продолжены многочисленные дерзания в области техники стихосложения, столь ценимые в модернистских течениях Европы: расположение и разбивка строк, соответствующие ритмам и пульсу стихотворения, ударные образы, включение в развитие лирической темы (на манер Сендрарса) элементов прозаической действительности, беспрестанное взаимопроникновение стиха и разговорной речи.

В конечном итоге была создана некая поэзия магнитофона (заменившая собой поэзию пишущей машинки), говорящая об отказе от определенной цивилизации письменности и книги в пользу цивилизации образа и слова, — изобретение соблазнительного и вместе с тем опасного способа общения, плод хаотического мира, в котором мы сегодня живем!

После агрессивного периода в этом движении, после распада группы битников остались некоторые индивидуальности, дающие в настоящее время вполне приемлемую творческую продукцию. Так, например, Ферлингетти до сих пор возглавляет в Сан-Франциско свою книжную лавку «Сити лайтс букс» и продолжает создавать не менее блестящие произведения, чем «Кони-Айленд духовного мира»; по-прежнему пишет и Гинсберг, и если бы не было толчка со стороны битников, то вряд ли авангардистский театр сегодняшнего дня оказался бы таким жизнеспособным. Помимо прочих заслуг, организаторы этих беспорядочных бунтов ценны, на наш взгляд, тем, что они вызвали к жизни широкую неконформистски настроенную аудиторию, способную на критическое осмысление самых разнородных явлений современной действительности.

25. ТЕАТР

ТЕНДЕНЦИИ

Действительное, актуальное и абсурдное

Практически еще каких-нибудь полсотни лет назад неизвестная миру — с полным на то основанием — американская драматургия сегодня пробила себе дорогу на сцены всех стран земного шара, и ни один театральный сезон в Париже не проходит без постановки нескольких американских пьес. После констатации этого факта нам остается рассказать о глубоких причинах, вызвавших такой расцвет американского драматургического творчества, и о различных его этапах.

Прежде всего надо напомнить, что американские поселения испытывали на себе сильное влияние пуританского духа их основателей, считавших театр аморальным явлением. Кроме того, примитивные условия существования и тяготы жизни первых поселенцев отнюдь не благоприятствовали той форме искусства, в которой наличие свободного времени играет первоочередную роль. И даже когда американская цивилизация стала достигать высокого уровня развития, в начале XX в., авторы и публика еще должны были узнать, что же в действительности представляет собой драматическое искусство. В то время, когда драматурги учились технике драматургии у таких мастеров реализма, как Стриндберг, Шоу, Ибсен и Чехов, зрители требовали от театра только увеселения, и произведения того периода имели целью лишь удовлетворение стремления масс к развлечению. Именно это своего рода «филистерство» долгое время удерживало талантливых писателей в стороне от сцены.

Потрясение, вызванное первой мировой войной, конец американского изоляционизма и возникновение определенного числа мировых проблем имели благодетельные последствия. В то же время кино привлекло к себе основную массу зрителей, оставив театру лишь ограниченное число посетителей, которые, как правило, проявляли серьезный интерес к литературе. Путь для великого дерзания был открыт.

1919 г. знаменует начало новой эры. Труппа Гилд-театра на Бродвее ставит пьесы самых лучших европейских авторов, а в небольших театрах вне Бродвея группа молодых энтузиастов (в частности, «Провинстаун плейерс») предлагает публике классические или современные пьесы первостепенной значимости. Повсюду актеры и постановщики страстно борют-

ся за создание подлинно американского театра. Авторы живо откликаются на это движение.

В частности, Юджин О'Нейл уже в 1919 г. пишет произведение, которое американская критика сразу же квалифицирует как весьма значительное, «За горизонтом». С тех пор и с каждым годом все больше О'Нейл проявляет себя как истинный основатель американского театра. Именно он последовательно испробовал большинство наиболее передовых методов драматического искусства и открыл путь психологическому театру и своеобразному, типично американскому, сублимированному реализму. В 1920 г. он использует в звуковом оформлении примитивные ритмы, вызывая у публики настоящее состояние транса («Император Джонс»); в 1922 г. он применяет экспрессионистские, мистическо-символические приемы («Косматая обезьяна»); в 1926 г. О'Нейл возрождает маски греческой трагедии («Великий бог Браун»); в 1928 г. он облагораживает прием «реплики в сторону», который считался тогда несерьезным («Странная интермедия»); в 1931 г. он переносит действие «Орестии» в Новую Англию («Траур к лицу Электре») и т. д. Но если Нобелевская премия, присужденная О'Нейлу, ознаменовала в ту пору рождение театра Нового Света, то десятки писателей давали американскому театру все более насыщенные содержанием и оригинальные произведения, ознаменовавшие его дальнейшее развитие. В своем широко документированном труде Леони Вийяр отмечает, что американское драматургическое творчество по-прежнему сосредоточено на показе «реального» и «актуального». Можно было бы добавить, что актеры сумели придать реальному известную поэтическую масштабность, однако совершенно несомненно, что можно нарисовать картину американского театра на основе событий, современных каждой пьесе и служащих для нее поводом. Так, ужасы войны дают повод после возвращения солдат из Европы к созданию таких произведений, как «Герой» Джильберта Эмери (1921 г.), рассказ о герое, не приспособленном к мирной жизни, а позже «Цена славы» Столлинга и Максуэлла Андерсона, пьесы, являющейся своего рода театральным ответом на книгу Ремарка «На Западном фронте без перемен».

Но вскоре драматургов начинает тревожить развитие механизации, в результате которой общество, как они считают, утрачивает свой гуманный характер. Элмер Райс ставит в 1923 г. пьесу «Арифмометр», где человек превращается в счетную машину; в то же время материальные ценности ставятся под сомнение в таких психологических пьесах с сильным налетом фрейдизма, как «Серебряный шнур» Сиднея Ховарда, или широких полотнах, выходящих за рамки Соединенных Штатов и достигающих всемирных масштабов в пьесе Филиппа Бэрри «Отель „Вселенная"» (1930 г.). Экономическая депрессия

1930—1938 гг. в свою очередь стимулирует создание целой серии пьес, в которых ставятся широкие социальные проблемы, принимающие актуальный характер благодаря постоянным ссылкам на кризис в стране. Наиболее известная из них— это, несомненно, «В ожидании Лефти» Клиффорда Одетса, повествующая о забастовке нью-йоркских шоферов такси; среди драматургов этого направления можно найти крупные фигуры предшествующей эпохи, например Элмера Райса с его пьесой «Страшный суд», а «федеральный театр», созданный для того, чтобы помогать нуждающимся авторам, ставит спектакль «Треть нации» об обездоленных того времени. Здесь есть и представители комедийного жанра, например Берман, который в пьесе «Конец лета» выводит на сцену милую и богатую наследницу, нещадно эксплуатируемую передовыми молодыми интеллигентами, заверяющими ее в том, что, «когда революционеры придут к власти, она будет иметь могущественных друзей».

Но вот возникает угроза новой войны, экономический же кризис уходит в прошлое. «Похороните мертвых» Ирвинга Шоу говорит о пережитых ужасах. Не одна только эта пьеса воскрешает в памяти военный конфликт: к сожалению, после Пирл-Харбора вдохновение возвращается в результате контакта с событиями. Причем, по правде говоря, в творчестве всего периода военных действий наблюдается качественный спад.

Теперь пора сказать об авторах, отдававших начиная с периода между двумя мировыми войнами предпочтение реальному перед актуальным и примешивавших к нему лиризм, который вылился в то, что именуется «американской комедией», но элементы чего имеются и в самых серьезных произведениях драматургии. Уже в пьесе «Зеленые пастбища» Марка Коннелли, исполняемой неграми в соответствии с приемами кинематографии, Ветхий завет перенесен в условия повседневной действительности. Тот же лирико-реалистический жанр разрабатывается и в «Порги», переложенной Гершвином на музыку под названием «Порги и Бесс». Сароян создал иронически-нежную пьесу «Лучшее время вашей жизни», где воображение преобразовывало существующую реальность. Трагический символизм пьесы мемуариста Рузвельта, Роберта Шервуда, «Окаменевший лес» делает творчество последнего близким по духу этому лирическому жанру. Самого совершенного синтеза достиг в нем Торнтон Уилдер своей пьесой «Наш город»; канву повествования составляла здесь повседневная жизнь, но актеры играли в этом спектакле без декораций и бутафории, ограничиваясь воссозданием их посредством речи и жеста. С этого времени можно уже констатировать, что американский театр внес в мировое театральное искусство оригинальный вклад, влияние которого будет быстро расти.

После войны именно в этом направлении шли драматурги, до сих пор пользующиеся мировой известностью. Теннеси Уильямс привлекает внимание своей пьесой «Трамвай по имени „Желание"», Артур Миллер — драмами «Смерть коммивояжера» и «Салемские колдуньи», а также многими другими пьесами, чьи качества, возможно, не столь велики, как тот успех, каким они пользуются.

За последние годы эстафету перехватила целая плеяда молодых писателей, принесших на сцену то, что иногда для удобства называют «театром абсурда», хотя одного ярлыка еще недостаточно для того, чтобы вскрыть настоящий смысл этого течения. Джек Гелбер, Артур Копит и в особенности Джек Ричардсон и Меррей Шисгал являются достойными последователями Эдварда Олби («Кто боится Вирджинии Вулф?»), которого некоторые критики обоих полушарий считают преемником О'Нейла.

БРОДВЕЙ И ВНЕ БРОДВЕЯ

Тридцать крупных театров вокруг Таймс-сквера

Мировая популярность современного американского театра часто приписывается таинственному понятию, именуемому Бродвеем.

Эта крупная нью-йоркская артерия, которую, кстати, напрасно называют «великим белым путем», возможно, тем и ценна, что она проходит через узкое пространство вокруг Таймс-сквера, где сосредоточено 25—30 крупных театров города, между 42-й и 52-й авеню; однако значение драматургической деятельности театров этого района явно отстает от деятельности окружающих его театров, которые называют театрами «вне Бродвея».

Бродвей — это одновременно и удивительнейшее средоточение театральных залов и скопление актеров; но ставящиеся там спектакли зачастую носят коммерческий характер, что не всегда исключает их высокое качество, но также и не всегда ему способствует. Себестоимость спектакля на Бродвее столь возросла, что продюсеры не могут идти на риск оказаться вовлеченными в подобную авантюру, если не будут уверены в том, что на протяжении довольно длительного периода они смогут привлекать к своим постановкам достаточно большое число зрителей. Это жесткое финансовое требование способствует появлению на сцене произведений легкого содержания, пустых водевилей и музыкальных комедий (хотя некоторые из последних, например «Вестсайдская история», стоят на высоком художественном уровне) в ущерб серьезной драматургии.

Правда, Бродвей испытал на себе успех произведений О'Нейла и Олби наряду с интересными пьесами самых раз-

личных жанров, американскими и иностранными (такими, как «Викарий», «Дневник Анны Франк» или произведения Ануя, а также многие другие). Но сердце американского театра бьется не здесь, его место в стороне от Бродвея.

Выражение «вне Бродвея», которое логически должно было бы подразумевать все американские театры за исключением трех десятков залов, относится фактически лишь к периферийным театрам Нью-Йорка, конечно, во главе с профессиональными коллективами, чьей основной целью не является, однако, доход. Себестоимость постановок этих театров не столь высока, как на Бродвее, так как зрителей, как правило, привлекает сюда больше содержание пьес, чем роскошь их оформления, а профсоюзы обеспечивают постановщикам определенные льготы, учитывая те культурные цели, которые те перед собой ставят. Цена билетов, достигающая на Бродвее в среднем 10 долл., обычно не превышает за его пределами, в частности в Гринвич-Виллидж, одного-двух долларов.

Движение внебродвейских театров не ново. В ходе первой мировой войны оно способствовало созданию таких трупп, как «Провинстаун плейерс», ставивших первые пьесы О'Нейла, или «Вашингтон-сквер плейерс», на базе которых возник впоследствии театр «Гилд». В то время успех этих трупп и других им подобных оказал серьезное влияние на Бродвей, вскоре переманивший к себе их основных актеров и драматургов. Таким образом, в период первого обновления американского театра между двумя мировыми войнами внебродвейские театры постепенно утратили свое значение, уступив пальму первенства крупным залам: к 1949 г. сохранилось лишь 5 трупп этой группы, и ни одна из них не заслуживала действительного внимания. И тогда интеллектуальная бедность театральной продукции, быть может, являвшаяся следствием войны, вызвала к жизни новые начинания, и Гринвич-Виллидж быстро восстановил свои силы.

Одним из первых проявлений этого возрождения была памятная трактовка в театре «Серкл-ин-зе-сквер» пьесы «Лето и дым» Теннеси Уильямса, снискавшей восхищение всемогущего критика из «Нью-Йорк таймс» Брукса Аткинсона. Благодаря этой постановке выдвинулся и режиссер-постановщик Хосе Кинтеро. Это было в 1952 г. В 1953 г. вновь открылся театр «Феникс», и с тех пор внебродвейские театры стали расти и количественно и в смысле масштабов своей деятельности; этот рост оказался столь значительным, что ставящиеся в них спектакли часто превосходят по числу бродвейские: ежегодно около 40 театров этой группы ставят в среднем сто пьес.

Эти театры дают возможность испытать свои силы многим молодым талантливым актерам и режиссерам; они показали в Соединенных Штатах основные произведения современного

10 Зак. 36

иностранного репертуара (в частности, пьесы Ионеско, Беккета, Жене, Брехта и т. д.), возобновили показ классических произведений, а также хороших пьес, отвергнутых Бродвеем. Театр «Ливинг», руководимый Джулианом Беком и Джудит Малина, известен своими смелыми экспериментальными постановками.

Из крупных драматургов нашего времени Эдвард Олби, Джек Ричардсон, Джек Гелбер и другие дебютировали вне Бродвея. Как и следовало ожидать, Бродвей их переманил. Но во второй половине нашего века, как впервые в 20-х гг., внебродвейскому театру было суждено влить новую кровь в театральную жизнь Бродвея и послужить лабораторией для современного театра. К тому же, эстафету принимает сейчас новый внебродвейский театр.

В настоящее время насчитывается до 100 тыс. театров, помещения которых либо эпизодически используются авторами пьес, либо снимаются полупрофессиональными или профессиональными коллективами на время организуемых ими «сезонов», либо, наконец, действуют постоянно. Такая потенциальная оценка их численности как будто грешит в сторону преувеличения. Более сдержанная оценка сокращает приведенную цифру свыше чем наполовину. Среди наиболее интересных явлений театральной действительности следует отметить спектакли «барн театров», или «представления в амбарах», организуемые летом на стационарных сценах или в ходе гастролей на случайных подмостках, под навесом, на открытом воздухе или в настоящих амбарах; кроме того, проводятся крупные. местные фестивали, как, например, фестиваль в Джеймстауне, носящие исторический характер.

Типичным в этом отношении является расцвет университетских театров, перед которыми открываются широкие перспективы. В программу многих высших учебных заведений введен в качестве факультативных предметов цикл лекций по актерскому мастерству, режиссерскому искусству и т. п. Таких вузов на всей территории США насчитывается более 2 тыс.; в их театральных мастерских студенты занимаются под руководством профессионалов, в число которых входят иногда крупные фигуры. Качество спектаклей университетских театров весьма высоко; немалая их заслуга и в том, что местное население имеет возможность несколько раз в год посмотреть спектакли по пьесам классических и современных драматургов.

Аналогичную деятельность, хотя и менее интересную в художественном отношении, проводят труппы, организуемые при средних учебных заведениях, и театральные коллективы при частных организациях; они ставят спектакли, призванные развлекать местное население и приобщать его к культуре.

Таким образом, в стране развилась интенсивная теат-

ральная деятельность, давшая американской сцене некоторые из самых видных ее имен. Так, Хосе Феррер, Джошуа Логан и Джеймс Стюарт начали свою карьеру в клубе «Трайэнгль» при Принстонском университете; Артур Миллер работал в Мичиганском университете, когда ему была присуждена премия театра «Гилд». Постановщик Дональд Энслейгер и режиссер Элиа Казан были выпускниками театрального факультета Йельского университета. Еще раньше из Гарварда пришел Артур Копит, автор пьесы «Шкаф» («Папа, бедный папа...»), которая впервые увидела свет на сцене этого университета.

Децентрализация — дело рук не только этих студентов и любителей. Такие театры, как «Экторс Уоркшоп» в Сан-Франциско, «Элли-тиэтр» в Хьюстоне, «Вашингтон-арена-стейдж» в Вашингтоне, «Плейхаус» в Кливленде, и многие другие соперничают в качественном отношении с лучшими театрами Нью-Йорка.

ШКОЛЫ РЕЖИССЕРСКОГО ИСКУССТВА

От «Студии актера» к музыкальной комедии

Примерно до 1920 г. многие американские драматурги создавали произведения, для которых была нужна лишь одна «звезда», окруженная несколькими персонажами с очень маленькими ролями. Пьесы ставились с помпезностью, имевшей целью прежде всего обеспечить шаблонным пьесам коммерческий успех. Так было с «Кики» Беласко и с «Чудом» Рейнхардта.

Однако молодые актеры решительно протестовали против такого подхода, и — что весьма любопытно — может быть, скорее именно им, чем критике или публике, принадлежит заслуга высвобождения американского театра из болота, в котором его тогда держал Бродвей.

Действительно, эти молодые люди считали, что талант актера не следует смешивать с его индивидуальностью, сколь бы выдающейся она ни была. Они настойчиво повторяли, что искусство исполнения должно освободиться от условностей и традиций, сводивших роль актера к функции увеселителя, а роль театра — лишь к развлекательству, призванному отвлечь зрителя от повседневной действительности. Они с негодованием отвергали все, что было лишено смысла, поверхностно или слишком заумно, иными словами, все, что было тогда в моде. Они стремились утвердить театральную «игру», основанную на правде.

Но для достижения этой цели надо было сперва уйти из-под влияния Бродвея. С 1914 г. труппа «Вашингтон-сквер плейерс», принадлежавшая к внебродвейскому движению, пе-

решла к творчески вдумчивой постановке серьезных пьес — в частности, иностранного происхождения, — и американский актер стал подавать первые признаки творческой зрелости. В 1916 г. появляется труппа «Провинстаун плейерс», дебютировавшая в небольшом театральном помещении в Кейп-Код, штат Массачусетс, перед тем как сделать блестящую карьеру в Нью-Йорке. Именно эта труппа выдвинула молодого Юджина О'Нейла и талантливого режиссера-постановщика Роберта Эдмунда Джонса. Основанный любителями в 1915 г. коллектив «Нейборхуд плейхаус» под покровительством Элис и Ирен Льюисон вырос в 1920 г. в профессиональную труппу, которая в течение долгого времени осуществляла безупречные постановки самых различных пьес, как экспериментальные, так и в традиционном стиле. Из этих трех трупп сохранилась только одна, «Вашингтон-сквер плейерс», получившая название театра «Гилд». Не следует недооценивать влияния театра «Гилд» на коммерческий театр: отказавшись от легких решений, он тем самым дал мощный толчок Бродвею к улучшению качества его постановок.

Но все благие намерения театра «Гилд» не опирались еще на собственную твердую доктрину. Между тем, в 1923 г. на гастроли в США приехал Московский Художественный театр под руководством Константина Сергеевича Станиславского; эти гастроли сыграли для молодых американских интеллигентов роль катализатора и оказали на них глубокое воздействие. Действительно, никогда еще Новому Свету не доводилось видеть столь продуманных, столь цельных постановок, отличавшихся таким строгим вкусом; одновременно стала очевидной и вся важность предварительной работы над спектаклем и весьма тщательных его репетиций.

В октябре 1923 г. поляк Ричард Болеславский, бывший с 1906 по 1915 г. учеником Станиславского и обосновавшийся с 1920 г. в Соединенных Штатах, опубликовал в ежемесячном журнале «Тиэтр артс» первый урок драматического искусства под названием «Концентрация». Выраженные им мысли сразу же были подхвачены. Вскоре после этого, с помощью Марии Успенской, которая в то время ушла из Московского Художественного театра и осталась в Америке, где обстановка более соответствовала ее художественным устремлениям, Болеславский начал преподавать методику Станиславского в нью-йоркском Институте театрального искусства; в следующем году этот институт стал называться «Американским театром-лабораторией». Ему было суждено оказать на театральную жизнь США решающее влияние.

Действительно, в 1931 г. три члена коллектива театра «Гилд» — Гарольд Клермен, Ли Страсберг и Черил Кроуфорд — создали театр «Групп» с целью воплотить в жизнь принципы Станиславского в отношении сплоченности труппы

(«искусства актерского ансамбля»). Театр «Групп» сыграл роль питомника для самых выдающихся американских актеров и режиссеров наших дней, вместе с тем это была прекрасная репертуарная труппа. За 10 лет своего существования он создал для Нью-Йорка коллектив сильных, творчески зрелых мастеров. Из рядов «Групп» вышли в числе многих других такие видные театральные деятели, как Фрэнчот Тоун, Джон Гарфилд, Моррис Карновский, Лютер Адлер, Ли Дж. Кобб и даже Элиа Казан, который также входил в его состав. Деятельность театра продолжалась до 1941 г., а после войны на его основе был создан коллектив «Студия актера», и поныне остающийся самой крупной школой драматического искусства в Соединенных Штатах.

Действительно, в 1947 г. Элиа Казан, Черил Крауфорд и Роберт Льюис вновь начали применять в «Студии» метод Станиславского в его измененном, американизированном виде, преобразованном основными его последователями, которых подготовил в первую очередь Ли Страсберг. «Метод», как его фамильярно называют его сторонники, намеренно противопоставляется стилю актерского мастерства, применяемому в Великобритании. Он позволяет выразить особый ритм американской жизни и передать спектаклю его напряженность. «Метод» сформировал новый тип актера; он особенно хорошо отвечает реалистическому характеру пьес Артура Миллера и Теннеси Уильямса в постановке Элии Казана. По сравнению с последователями «метода» американские актеры, придерживающиеся иных актерских приемов, часто кажутся чопорными, медлительными и напыщенными. Но в последнее время некоторые американские актеры, воспитанные в духе уважения к «методу», начинают сомневаться в нем. Они знают, что французские, и особенно английские, актеры часто относятся к нему с настороженностью. По мнению многих европейцев, американский актер придает слишком большое значение естественности, если не натурализму. Его игра отличается чрезмерной замкнутостью; он не любит открыто выражать переживаемые героем чувства. Если он может блеснуть в пьесах Миллера и Уильямса, то оказывается в затруднении, когда надо играть Шекспира, даже Шоу или Уайльда. Он неспособен выйти за рамки натурализма. Правда, игра диктуется стилем пьесы, а американский театр специализируется на показе именно «реального» и «актуального». Но в силу возросшего в Соединенных Штатах интереса к классикам, в частности к Шекспиру, и с появлением ряда молодых драматургов, тяготеющих больше к театральной «искусственности», чем к реализму, у американских актеров наблюдается растущее стремление к гибкости, которому может способствовать, в частности, традиционная «музыкальная комедия» и даже «американская комедия».

Действительно, музыкальная комедия всегда предполагает пение и часто танец. Все искусство актера состоит в том, чтобы «передать» песню путем ее исполнения или мимики. Он всегда должен быть готов петь. Отсюда вытекает полное отсутствие в спектакле какого-либо реализма. Аналогичным образом «американскую комедию» всегда играют с чрезвычайно серьезным видом: динамизм спектакля зависит от степени контраста между кажущейся реальностью и скрытым безумием. Максимальный эффект смешного достигается тогда, когда во внешне разумном контексте возникают запутанные, веселые и задорные ситуации.

Вполне возможно, что существование этого, типично американского жанра благоприятствует синтезу, к которому стремятся сегодня молодые актеры, — сочетанию принципов «метода» с определенными требованиями, например театра абсурда, каким он сейчас развивается почти повсюду.

«МУЗЫКАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ»

Психологический или политический балет

Хотя «музыкальную комедию» можно считать типично американским жанром, она, несомненно, берет свое начало от европейских музыкальных дивертисментов — оперетты, оперы-буфф, даже пантомимы или феерии, — от которых она, правда, отличается. Ее не совсем правильно определяли как «типично американскую обработку оперетты с использованием легкой сюжетной канвы в качестве повода для введения в нее арий, танцев и комедийных номеров». Она отличается от комической оперы в том смысле, что редко носит серьезный характер и тем самым отвергает сколько-нибудь жесткую структуру. С другой стороны, она кое-что позаимствовала у некоторых родившихся в Америке же жанров, например у «американского бурлеска» с его девицами в костюмах в обтяжку и красноносыми комиками в широких панталонах, а также у мюзик-холла. Наконец, не надо забывать и о вкладе в развитие подобных жанров знаменитого Флоренца Зигфельда, который уже в 1907 г. покорил всю Америку своими «Зигфельдс фоллиз», этим калейдоскопом роскошных костюмов, красивых девушек и вычурных декораций.

Музыкальная комедия начала обретать свою нынешнюю форму в 20-х гг., в то самое время, когда стало намечаться обновление в области театра, и по тем же причинам. В частности, любители оперетт потеряли после войны интерес к веселым вдовам и выдуманным балканским княжествам, где развертывались идиллии между принцами и золушками. К тому же, это был век джаза, век «рэгтайма», когда такие танцоры, как Вернон и Ирен Кэстл, произвели революцию в балете,

введя в него элементы того, что составляет сегодня салонные танцы. Композиторы и хореографы воспользовались этим обстоятельством.

Большую роль в расцвете музыкальной комедии в начале ее существования сыграли также увлеченность и талант Джорджа Гершвина, композитора высокого класса, который в 1924 г. в сотрудничестве со своим братом либреттистом Айрой Гершвином создал музыкальный спектакль «Будьте же хорошей леди». В той же манере Гершвин трактует сцены современной жизни в музыкальной комедии «Смешная мордашка». Но официальной датой рождения музыкальной комедии принято считать 1927 г., когда был поставлен спектакль «Плавучий театр», созданный Джеромом Керном по роману Эдны Фербер на музыку Оскара Хаммерстайна II. Казалось, впервые песенные номера настолько хорошо вписались в текст, что составили неотъемлемую часть действия. В том же 1927 г. Ричард Роджерс и Лоренц Харт произвели сенсацию своим произведением «Коннектикут янки», сюжет которого был заимствован из романа Марка Твена. Толчок развитию этого жанра был дан.

В то время как авторы «Плавучего театра» писали менее значительные произведения («Милая Аделайн», 1929 г.; «Музыка в воздухе», 1932 г. и «Очень жаркая погода для мая», 1939 г.), Гершвин выступил в сотрудничестве с Джорджем Кауфманом и Морри Рискиндом со спектаклем «О тебе пою», сразу же расцененным как значительный вклад в американское театральное искусство. И сегодня еще не умолкают споры о том, является ли пьеса «Порги и Бесс» шедевром музыкальной комедии или же это настоящая опера, хотя и построенная на фольклорном материале. Прочной известности добились и другие композиторы — авторы музыкальных комедий, хотя их и нельзя сравнить с Гершвином, в частности Коул Портер и Ирвинг Берлин.

В 1932 г. Ирвинг Берлин написал в сотрудничестве с Моссом Хартом музыкальную комедию «Любишь кататься, люби и саночки возить», а Коул Портер пользовался неизменным успехом благодаря своей «Веселой разведенной». В 1938 г. в развитии музыкальной комедии обозначилось новое направление, начало которому положила премьера спектакля, чье название осталось синонимом для определения совершенно особого жанра — «Хеллзапопин».

Но одна из характерных черт музыкальной комедии состоит в том, что она никогда не допускает топтания на месте. Если усматривать в этом символ Соединенных Штатов, то следует сказать, что такой символ, по-видимому, обязан своим возникновением прежде всего существующей здесь тенденции к постоянным переменам, эволюции, вечному движению. Едва только создавалось впечатление, что основные принципы дан-

ного жанра завоевали себе прочное признание, как театральные постановки сразу же обогащались новыми, несколько неожиданными эстетическими элементами.

Действительно, после выступления в жанре музыкальной комедии Гершвина к нему обратились и самые выдающиеся хореографы Нового Света. В 1937 г. постановка балета «Убийство на улице Х» ознаменовалась появлением на сцене таких артистов, как Джордж Баланчин, а вскоре после него Агнес де Милль, Джером Робинс и другие, благодаря искусству которых танец приобретал в этом спектакле все большее и большее значение. Сами писатели принимали активное участие в подобном виде творчества. В 1940 г. романист Джон О'Хара, автор «Свидания в Самарре», написал в сотрудничестве с Роджерсом и Хартом музыкальную комедию «Дружище Джоу», знаменующую собой достижение этим жанром своей зрелости. Герой комедии — откровенный негодяй, принадлежащий к самому сомнительному «обществу». Сюжет трактовался в реалистическом духе, что не исключало вдумчивого использования в спектакле специфически комедийных приемов. Эпоха пошлых оперетт осталась далеко позади, и авторы доказали, что музыкальная комедия может смело браться за любые сюжеты.

Венцом этого движения явилось замечательное сотрудничество между выдающимся композитором Леонардом Бернстайном и выдающимся хореографом Джеромом Робинсом в «Вестсайдской истории», написанной на тему трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта».

Под воздействием всех этих факторов музыкальная комедия стала, таким образом, своего рода всеобъемлющим спектаклем, монолитной формой музыкального спектакля, охватывающей собой одновременно все элементы танца, драмы, лирики, действия, костюмов, декораций и освещения.

Пройденный ею путь был отмечен блестящими достижениями.

Одним из значительных среди таких достижений была «Оклахома», написанная в 1943 г. Роджерсом и Хаммерстайном; это произведение и поныне остается образцом данного жанра и в течение пяти лет подряд не сходило со сцены в Нью-Йорке (выдержав 2202 представления), после чего в течение 10 лет шло в провинции. Небезынтересно упомянуть, что пьесу эту поставил театр «Гилд», и история ее постановки повествует о том, как предельно трудно было найти меценатов, готовых финансировать столь смелый, хоть и веселый спектакль (для иллюстрации его своеобразия можно привести, например, тот факт, что психологический конфликт, занимающий мысли героини, раскрывается в нем средствами специально введенного с этой целью балетного номера). Хореографом спектакля была Агнес де Милль.

Хотя публика благожелательно восприняла и другие произведения того же жанра, в частности такие, как «Карусель» (1945), «Саут-Пэсифик» (1949), «Король и я» (1951), пришлось ждать появления музыкальной комедии «Моя прекрасная леди», чтобы поставить под вопрос превосходство «Оклахомы». Эта пьеса, написанная на сюжет «Пигмалиона» Бернарда Шоу Лернером и Лёве, пользуется вот уже около 10 лет неизменным успехом, продлению которого способствует ее экранизация.

В числе заслуживающих внимания постановок надо вспомнить вызвавший большие споры спектакль «Фанни», созданный на сюжет трилогии Марселя Паньоля; но авторы музыкальных комедий доказали, что могут использовать для своих произведений любой материал. Они преобразовали в музыкальную комедию документальную книгу Джона Гюнтера «Паспорт для въезда в США», а также комедию Шекспира «Укрощение строптивой», назвав ее «Поцелуй меня, Кейт»; отметим, что автором этой фантазии был Коул Портер. Сам Роберт Шервуд, мемуарист Рузвельта и автор столь серьезных произведений, как «Эйб Линкольн в Иллинойсе», скооперировался с Ирвингом Берлином и создал вместе с ним пьесу, чье название «Мисс Либерти» * действительно достойно политики, которой ее автор служил в эру «нового курса».

ОПЕРА

Реабилитация современного вкуса

Кое-кто утверждает, что опера — это такой музыкальный жанр, который пользуется в Соединенных Штатах самым большим успехом, хотя музыка вообще находит здесь горячий прием у огромного множества страстных ее знатоков. Верно, однако, что был определенный момент, когда оперное искусство ценилось в Америке очень невысоко и когда одна только нью-йоркская «Метрополитен-опера», казалось, спасала его честь — несмотря на весь консерватизм этого театра и его приверженность к традициям; но после этого авторитет музыкального театра поднялся до небывалых высот, что иногда трудно даже объяснить.

В 1941—1942 гг. существовало 77 организаций, занимавшихся оперными постановками. Сегодня таких организаций насчитывается 795. Во время сезона 1941—1942 гг. состоялось около 900 представлений 85 различных произведений. В 1962—1963 гг. можно было прослушать 259 опер — из них половину составляли современные произведения, — исполнявшихся 3600 раз.

---

* «Либерти» — «Liberty» (*англ.*) в переводе на русский язык «свобода». — *Прим. ред.*

Наиболее значительный прогресс оперы, как и театра, был достигнут на сценах университетов: сейчас существует 200 оперных факультетов, в то время как 25 лет назад их было всего 12. При этих факультетах имеются «лаборатории» («мастерские»). Даже в средних школах работает 180 таких мастерских, тогда как в 1950 г. их вообще там не было.

И вместе с тем в начале века охлаждение к оперному искусству было столь велико, что лишь очень немногие американские композиторы проявляли к нему интерес (имелось, правда, и несколько исключений из этого правила, среди которых отметим, в частности, Говарда Хансона, Вирджила Томсона, Димса Тэйлора и Уильяма Гранта Стила). Но после второй мировой войны обстановка изменилась. Пример Джан Карло Менотти (его лирическая музыка и причудливое воображение покорили даже тех, кто не интересуется музыкой) доказал, что опера доступна всем. Его лирические драмы («Медиум», «Консул», «Святая с улицы Бликер») завоевали успех на Бродвее, а его телевизионная опера «Амал и ночные гости» была написана специально для телевидения (1951). Это последнее произведение регулярно ставится каждый сезон и исполняется даже в церквах.

Время от времени частные организации и в особенности Фонд Форда, поощряли создание и показ новых произведений, предоставляя композиторам стипендии и субсидируя оперные труппы. В результате этого репертуар американских опер значительно расширился. Само собой разумеется, что большинство этих произведений отнюдь не заслуживает упоминания, но возможность увидеть свою оперу на сцене необходима для автора, стремящегося повысить качество своих произведений и исправить их недостатки. С другой стороны, университетские «лаборатории» ежегодно ставят самые разнообразные оперы, начиная от «Парсифаля» Вагнера и кончая «Телефоном» Менотти, а также многочисленные новинки мирового искусства. Эти коллективы часто славятся высоким художественным уровнем своих постановок.

В качестве показательного примера деятельности в области американского оперного театра можно сослаться на «Нью-Йорк сити опера компани», которая играет первоочередную роль в области, где царит жестокая конкуренция из-за того, что в каждом большом городе есть своя опера. Меньше чем за 20 лет эта компания поставила 100 опер, из них более 30 — американские. В числе этих последних — «Сюзанна» и «Гремящие высоты» Карлейла Флойда; «Укрощение строптивой» Витторио Джанини; «Тот, кто получает пощечины» Роберта Уорда; «Регина» Марка Блицстайна; «Торжество св. Жанны» Нормана Делло Джойо; «Шесть персонажей в поисках автора» Хьюго Вейсгалла; «Баллада о Бейби Ду» Дугласа Мура.

Искусство

26. Музыка
27. Танец
28. Кино
29. Живопись и скульптура
30. Архитектура и градостроительство

26. МУЗЫКА

ТЕЧЕНИЯ

Композиция на магнитофонной ленте

Возможно, самой большой бедой американского композитора до 1930 г. было чувство неполноценности в сравнении с европейскими музыкантами. В то время как американские музыканты XIX в. находились под доминирующим влиянием немецкого романтизма, многие композиторы XX в., и притом самые известные, испытывали влияние выдающегося французского профессора Нади Буланже (правда, кое-кто из наиболее выдающихся композиторов мира решили остаться в Соединенных Штатах или жили там продолжительное время — Хиндемит, Варез, Барток, Стравинский, Шёнберг, Дариус Мийо).

Благодаря тому, что Чарлз Айвз, блестящий и изобретательный музыкант, сохранил самобытность, он является одной из наиболее видных фигур в американской музыке, хотя и перестал создавать музыку еще задолго до смерти (1954). Некоторые особенности его сочинений — смелость, сложность ритмов, огромный музыкальный материал, самостоятельность мелодического развития и нарочито наивная простота — еще и поныне являются источником силы и объектом соперничества для американских композиторов. Его «Гармоничная соната» (1903 — 1914) и «Симфония вселенной», начатая в 1911 г., по-видимому, наилучшим образом выражают концепцию Айвза. Эту свою последнюю симфонию он оставил неоконченной, в надежде, что другие композиторы смогут добавить к ней что-нибудь свое.

Джордж Гершвин (1898 — 1937) и Леонард Бернстайн (род. в 1918 г.) — характерные представители двух противоположных течений, которые составляют довольно яркую картину музыкальной жизни в Соединенных Штатах. Большой успех Гершвина в популярной музыке — «Порги и Бесс» (см. гл. 25) — побудил Поля Уайтмена заказать ему произведение из области «серьезного» джаза — это была «Рапсодия в стиле блюз» («Голубая рапсодия», 1924). Прием, оказанный этому эксперименту, воодушевил композитора следовать по тому же пути («Фортепьянный концерт фа мажор» (1925), оркестровая пьеса «Американец в Париже» (1928) и т. д.). Его «серьезная» музыка полна жизни и обаяния.

Что касается Бернстайна, то, получив строго академическое образование, он впервые привлек к себе внимание своей

симфонией «Иеремия» (1944), затем симфонией «Тревожная эпоха» (1949). С тех пор он написал такие произведения, как музыкальная комедия «Удивительный город», музыка к вольтеровскому «Кандиду» и особенно известная «Вестсайдская история».

Оба эти композитора нашли в синтезе классической музыки с популярной легкое и действенное средство выражения. Но лишь несколько композиторов-классиков зарабатывают себе на жизнь музыкой — Аарон Копленд, Самюэл Барбер, Уильям Шумен, Норман Делло Джойо и Вирджил Томсон. Все они с точки зрения нынешнего молодого поколения — консерваторы, но известны сравнительно широким кругам публики. Копленд (1900), наиболее значительный из этой группы, учился вместе с Надей Буланже. Сначала его музыкальный стиль носил следы влияния джаза; этот стиль достиг своей кульминации в резких «Вариациях для рояля» (1926). В 30-е гг. он сознательно стремится занять солидное социальное положение и делает свою музыку более доступной. Его балеты на американские темы, в которых много мелодического материала («Паренек Билли», 1938), относятся к этому периоду, как и его симфоническое произведение «Весна в Аппалачских горах» (1944). К 1957 г. Копленд вернулся еще раз к менее мягкому стилю своей юности, в особенности в оркестровке своих «Вариаций для рояля». За «Вариациями для оркестра» (1957) и «Фантазией для рояля» (додекафонической) того же года последовали другие произведения, в которых композитор использует свой личный метод применения серийной техники.

Самюэл Барбер (род. в 1910 г.) играет важную роль с 1948 г. Его сочинения лиричны и тонко отработаны — это «Соната для рояля» (1949), «Ноксвилл, лето 1915 г.» (1948), «Ванесса» — опера, законченная в 1958 г.

Хотя музыка Вирджила Томсона (род. в 1896 г.) проста, однако этот композитор часто вызывал у публики удивление резкой тональностью своих произведений.

Лукас Фосс (род. в 1922 г.), самый младший из композиторов значительного таланта, показал себя за последние годы прогрессистом, в особенности создав группу музыкантов, сторонников классической импровизации. Музыкальный язык его первой оперы «Прыгающая лягушка графства Калаверас» (1949) претерпел эволюцию и стал уже совсем другим в «Цикле времени» для сопрано с оркестром.

Во главе музыкантов-неконформистов стоит Джон Кэйдж (род. в 1912 г.), музыка и философские концепции которого произвели значительное воздействие на молодых музыкантов, как американцев, так и европейцев. Из-за оказанного им влияния он иногда считается самым замечательным композитором, которого когда-либо имели Соединенные Штаты. Сочетая различные аспекты восточной философии с некоторыми

дедукциями, взятыми из физического индетерминизма, Кэйдж достиг беспрецедентного в музыке положения — способности, как он определяет, скорее «воспринимать», чем «управлять».

Его сочинения — это схемы или описания возможных опытов. В самых последних из них не уточняется почти ничего из того, что произойдет в действительности, и тем не менее успешно рисуется целый музыкальный мир особого типа. Кэйдж оказал также влияние тем, что предложил новые способы использования существующих инструментов, например, в своих пьесах для «подготовленного рояля» *.

Самый старый из американцев-неконформистов, Карл Рэглс (род. в 1876 г.), - это молчаливый перфекционист, применяющий многие музыкальные приемы XVI в., вроде инверсии, увеличения громкости и т. д.

Генри Коуэлл первым начал изыскивать новые способы использования ресурсов клавиатуры, в частности применяя «звуковые пучки» ** и трение по струнам рояля («Башни», 1925). Его 15 симфоний, как и некоторые произведения для оркестра, хотя и окрашены экзотикой («Персидские мотивы», 1957), однако во многих отношениях являются почти обычными.

Гарри Парч (род. в 1901 г.) — абсолютный «революционер». Он пишет свою музыку в гамме на 43 звука для инструментов, которые сам сконструировал и на которых играет сам.

Мортон Фельдман (род. в 1926 г.) вначале находился под влиянием Кэйджа, но в своих последних сочинениях создал весьма основательный, почти гипнотизирующий метод (очень медленные, нежные и совершенно самостоятельные мотивы). В Соединенных Штатах имеется и другая группа композиторов с крайне индивидуальным стилем, хотя и менее далеких от установившихся традиций. Среди них на первом месте стоят Роджер Сешенс (род. в 1896 г.) и Эллиот Кэртер (род. в 1908 г.). Музыка Кэртера также сложна и диссонансна. Ей присущи свободный хроматизм, особенное пристрастие к постоянным изменениям темпа (благодаря технике, которую он называет «метрической модуляцией») и тенденция резко выделять основные мотивы. Благодаря этому он создал значительные произведения. Милтон Бэббит (род. в 1916 г.) был в 1947 г. первым композитором, который распространил додекафонический метод Шёнберга на другие элементы музыки (такт и динамику). «Композиция для четырех инструментов»

---

* Между струнами рояля кладутся маленькие кусочки кожи или металла, что позволяет маневрировать 12 звуками хроматической гаммы.

** Совокупность звуков, получаемых путем одновременного удара по многим клавишам рояля, что вызывает совместную вибрацию соответствующих струн.

(1948) и «Мечта и молитва» для магнитофонной ленты, показывают его интерес к «рассудочной музыке».

Музыка Гюнтера Шуллера (род. в 1925 г.) испытала влияние одновременно экспериментального джаза и серийной техники. Его «Семь набросков по Полу Кли» для оркестра и «Вариации» (джазовый балет), как и «Квартет для струнных инструментов» (1958), — типичные примеры широты и жизненной силы его произведений.

ДЖАЗ

Новоорлеанцы, би-боп и «третье течение»

Первый джаз-оркестр был создан около 1900 г. в Новом Орлеане под управлением трубача Чарлза («Бадди») Боулдена как результат эволюции музыки негров, вывезенных на плантации Юга из Западной Африки, в ее тесном контакте с музыкой белых (симфоническая музыка, псалмы, религиозные гимны и народная музыка). И действительно, африканскую традицию ритма и «барабанирования», частые модуляции диапазона, особенно яркие в распеваемых неграми блюзах, призывы и отклики, принятые на молитвенных собраниях, — все эти элементы можно найти в джазе.

Веселый и неисчерпаемый регтайм, игравший значительную роль в течение двадцатилетия (1896 — 1917), по большей части был музыкой для рояля. Будучи европейским по своей форме (рондо) и ритму (постоянно отбиваемый регулярный такт), он содержал в себе также полиметрические элементы африканского происхождения. В течение первых десятилетий XX в. регтайм-оркестр выступал под названием «диксиленд». Он ведет свое начало от своеобразной формы, предназначавшейся для рояля, но его ритмическая и мелодическая сложность оркестровки сильно возросла благодаря индивидуальной импровизации инструментов. Кроме того, исполнители начали добавлять к своим соло модуляции блюза и подражания крикам в поле, обогащая таким образом мелодическое содержание и увеличивая гибкость исполняемого произведения.

Оркестры «Кинг Оливер креол бэнд», «Ред хот пеперс» Джелли Мортона и «Хот файвз» Луи Армстронга — наиболее яркие примеры новоорлеанского стиля. В течение 20 лет в джазе царил Луи Армстронг; его оркестры подчиняли коллективную импровизацию дикому и драматическому соло его трубы. Его стиль очень отличается от лирической и точной игры Бикса Байдербека, другого известного трубача эпохи начала джаза.

«Бэнд» (оркестр) Флетчера Хендерсона, с Армстронгом в качестве солиста, стал музыкально зрелым к середине 20-х гг.

и позже благодаря аранжировке Дона Редмана. Его разделенный на периоды стиль (медные и деревянные духовые инструменты и ритмы) состоит в противопоставлении одной группы инструментов другой или в игре одной группы, под сурдинку, в качестве фона для солистов другой группы. Стиль Дюка Эллингтона, сторонника равномерного смешения групп, более спокойный и более импрессионистский.

В 1935 г. оркестр Бенни Гудмена (большой оркестр, с мощными и увлекательными ритмами, с применением импровизации) сделал очень популярным свинг. Однако Гудмен ничуть не новатор, ибо он использовал аранжировку, созданную Хендерсоном. Требуя абсолютной точности исполнения, он нашел в лице Джина Крупа сильного игрока на барабане. Оркестр «Каунт Бейзи бэнд» также отличается своим более свободным стилем (по сравнению со стилем Гудмена), а также весьма тонкой игрой своего тенора-саксофониста Лестера Янга, но он очень близок к Хендерсону с точки зрения общей техники оркестра.

Примерно в 1940 г. два других неистовых течения, состоящих из более мелких групп, начали то, что было названо войной «бопстер-моулди фиг». Энергичная попытка, предпринятая молодыми белыми музыкантами, оживить новоорлеанский стиль потерпела провал вследствие того, что возросла мода на би-боп среди некоторых негритянских музыкантов. По сравнению с темпераментным, но тяжеловесным и шумным свингом би-боп отличается свежестью, легкостью и нежностью. В первых рядах «бойпстеров» были трубач Диззи Джилспай и саксофонист Чарли («Бёрд») Паркер. Их известность в 40-е гг. выросла настолько, что в 1950 г. Паркер считался неоспоримой «звездой» джаза, какой был Армстронг в течение 20 лет до него. Стиль Паркера основывается на блестящей технике игры, на редком чувстве гармонии и утонченной ритмической интуиции. Его стиль — хот — терзающий и шумный, тогда как его игра — кул — рафинированная и плавная.

Боп по форме совершенно линейный, но не мелодичный в обычном смысле слова. Звучание большого барабана, которое до сих пор было основным звучанием, создающим ритм, уступило свое место звучанию цимбал, тогда как контрабас создавал непрерывный ряд неакцентированных кварт и квинт, чтобы смягчить тональность. Внезапное применение таких аккордов требовало согласованности, необходимой для выбора наиболее подходящих для каждого конкретного случая. Эта трудность побудила оркестрантов играть преимущественно в качестве солистов. Рояль, как средство пунктуации, выполняет наиболее важную роль и требует от исполнителя быстрой и блестящей техники игры правой рукой. Как и Армстронг, Паркер отводит большое место импровизации.

Эра «свежей» и легкой музыки — «Школы Западного по-

11 Зак. 36

бережья», музыки совершенно свободной от неистовых порой завываний, характерных для стиля боп, началась между 1940 и 1950 гг. Этот содержательный, контрапунктный и более интеллектуальный стиль ведет свое начало от игры Байдербека и Лестера Янга. Он достиг своей кульминации в сделанных в 1949 — 1950 гг. записях игры джаз-оркестра под управлением Джила Эванса (который аранжировал для оркестра «Клод Торнхил бэнд») и трубача Майлза Девиса (работавшего с Паркером). Оркестр Шорти Роджерса и квартет саксофониста Джерри Мьюллигэна (этот последний без рояля) заняли на Западном побережье также значительное место. Игра этих музыкальных коллективов и совсем недавний успех квартета «Модерн джаз квартет» вызвали со стороны музыкальных критиков и образованной публики более серьезное отношение к джазу.

За последние годы развитие джаза идет по нескольким основным направлениям. Одно из них — «третье течение» — стремится сочетать джаз с современной классической музыкой. Один из самых активных деятелей этого течения — Гюнтер Шуллер. Вместе с другими американскими музыкантами он пишет произведения как для крупных ансамблей в стиле, который представляет собой смесь серийной музыки и джазовых ритмов, так и для небольших оркестров, особенностью которых является импровизация на базе более традиционной музыки, написанной для симфонических оркестров. Хотя эти поиски вызвали интерес и привлекли большое число талантливых музыкантов, они еще не дали вполне удовлетворительных результатов. По-видимому, оба элемента этого течения при таком комбинировании теряют некоторые из самых лучших своих черт. Наиболее удачное сочетание было, возможно, осуществлено пианистом Сесилем Тейлором. «Новшество» было представлено наиболее интересно саксофонистом Орнетом Колеманом и кларнетистом Джимми Джуфром. У первого исключительно индивидуальный и неистово экспрессивный стиль исполнения — более вокальный, чем инструментальный, с многочисленными глиссандо и высокими и пронзительными длительными звуками. Джуфр также использует атональность, отбрасывая традиционные мелодические формы, а также гармонические и ритмические отправные точки. Его игра требует спонтанного творчества; она почти всегда мелодична и требует исключительной остроты слуха и большой самостоятельности мышления.

Джон Бенсон Брукс, который аранжировал для крупных танцевальных оркестров, работает как в области традиционной музыки, так и в области додекафонической техники, отличаясь широким интеллектуальным кругозором. В его произведениях импровизация основывается больше на интервалах, чем на аккордах. Совсем недавно Брукс выступил с экспери-

ментальными записями электронной музыки на магнитофонную ленту.

Сочинения композитора Телониуса Монка, которого считают «самым выдающимся джазовым композитором после Эллингтона», написаны в первую очередь для более обычного джаза. Его постоянные изменения такта, сложные и необычные гармонические структуры, равно как и новый способ использовать голоса затрудняют другим музыкантам возможность подражать ему или даже просто играть вместе с ним. Как прежде Армстронг и Паркер, Монк в окружении своих музыкантов, которые помогают ему, подхватывая его мелодии и комментируя их, все свое мастерство выражает в свободной импровизации.

ПЕСНЯ

Ежегодно продается 400 тыс. гитар

Мы будем здесь различать популярные песни, отличительная черта которых — коммерческая распространенность, и народную музыку, которая своими корнями уходит в фольклор и находится сейчас в полосе возрождения популярности.

Если под популярной песней понимать только надоевшую всем песню, которая распевается на всех углах и которая 30 лет тому назад сходила со сцены через каких-нибудь 16 месяцев, а теперь исчезает обычно через несколько недель после своего появления из-за интенсивного ее использования в грамзаписи (22 млн. проигрывателей, 500 тыс. музыкальных автоматов), в передачах по радио (2 тыс. «диск-джокис») и т. д., то очевидно, что американская популярная песня стала международной и с исключительной быстротой распространяется за пределами Соединенных Штатов со всем тем хорошим и плохим, что в ней имеется. Некоторые песни часто берутся из музыкальной комедии, фильма и т. д.

К популярным песням могут быть отнесены и «Лебеденок» Гершвина (1919), и сочинения Ирвинга Берлина, и различные формы фольклорной песни. Популярная песня принесла богатство и славу таким кумирам публики, как Эдди Кантор, Эл Джолсон, Бинг Кросби, Фрэнк Синатра, Джонни Рей и Элвис Пресли.

Более интересны народные песни, берущие начало в устном творчестве; 40 тыс. экземпляров этих песен хранятся в дискотеке конгресса в Вашингтоне. Они включают в себя несколько жанров: баллады (песни-рассказы), песни моряков, религиозные песни, блюзы, профессиональные песни (в частности, песни железнодорожников или песня «Джон Генри» о мифическом негре-гиганте, который умер, состязаясь с паровым молотом).

Народные песни вдохновили ряд крупных композиторов, например Аарона Копленда и Роя Харриса, не говоря уже о Гершвине. Раньше, в начале века, казалось, что условиями новой жизни и урбанизацией эти песни обречены на исчезновение, теперь фольклорные песни вызвали большой интерес, о чем свидетельствует, в частности, ежегодная продажа 400 тыс. гитар — традиционного инструмента для аккомпанемента песен (всего в Соединенных Штатах насчитывается около 5500 тыс. гитар). Кроме организации фестивалей, на которых эти песни пользуются большой популярностью (например, «Нэйшнл фолк фестивал»), или организации во всех штатах фольклористических обществ, в стране возникает все больше студенческих кружков, занимающихся исполнением этих песен.

Из самых знаменитых певцов прошлого следует отметить Хедди («Ледбелли») Ледбетера (1888 — 1949), исполнителей блюзов «Биг Джо» Вильямса и «Блайнд» Лимона Джеферсона, хорошо известных всем историкам джазовой музыки, как и потрясающий Ма Рейни, а также несметное число других видных певцов-негров, среди которых отметим Эллу Фитцджеральд; из певцов наших дней особенно известны Джоан Баэс, Боб Дайлан, Пит Сигер и Гарри Белафонте.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

До десяти ежедневных концертов в Нью-Йорке

Ничто так хорошо не иллюстрирует распространенности изучения музыки, как существование большой серии музыкальных записей, названных «Музыка минус один». Речь идет об отрывках, исполняемых без одного инструмента, и покупатель может исполнить партию сам. С тех пор как в 1838 г. малоизвестный компилятор религиозных гимнов сумел убедить дирекцию одной начальной школы в Бостоне включить пение в ее программу на равных началах с грамматикой, мода на изучение музыки сделала американцев нацией меломанов. В Америке не так много школ, в которых нет своего хора и оркестра, в каждой школе в среднем 1 или 2 часа в неделю отводится музыке. Для самых маленьких школьников создают несколько торжественно именуемые «ритмические оркестры», то есть ребят приглашают под руководством учителя производить любым предметом, находящимся у них в руках, ритмический шум. Но на последующей стадии ученикам начинают прививать с помощью грампластинок и радиопередач настоящие музыкальные знания. Их цель — отнюдь не создать нацию музыкантов-виртуозов, а дать каждому возможность музыкального самовыражения, что поможет ему свободнее определить свою личность или получать большее удовольствие

от культуры. 9 школ из 10 имеют дискотеку, 80% — рояль, 30% — самые разнообразные инструменты.

В 1963 г. музыкальное образование получили 40 млн. школьников. Насчитывается 10 500 тыс. участников школьных оркестров (в 1947 г. было лишь 2500 тыс.). Хотя в старших классах музыка — факультативный предмет, но ее преподавание ведется с особой тщательностью.

Фонд Форда через посредство педагогической организации Национальной конференции работников музыкального образования направляет в учебные заведения талантливых учителей музыки в лице молодых композиторов и других профессиональных музыкантов, с тем чтобы преподавание музыки давало им возможность продолжать свое творчество.

На уровне высших школ имеются консерватории и музыкальные училища, входящие в состав университетов. Три основные консерватории — Джульярда в Нью-Йорке, Кёртиса в Филадельфии и Истмена в Рочестере, около Нью-Йорка — выпускают музыкантов-профессионалов и пользуются заслуженной известностью. В целом музыкальные училища, созданные при университетах, также готовят студентов к музыкальной карьере, хотя получаемые ими знания выходят за рамки чисто музыкальных. Кроме того, музыка преподается в колледжах — высших учебных заведениях — с целью повышения общей культуры студентов.

Существует не менее 250 видов различных дипломов, выдаваемых высшими учебными заведениями только в области музыки, хотя музыкальное образование включено в программу лишь с 1922 г., когда была проявлена в этом отношении инициатива Оберлинским университетом. Преподаются такие предметы, как музыковедение, теория музыки, игра на каком-либо инструменте и т. д.

Как и в других областях высшего образования (см. гл. 6 и 7), в качестве профессоров приглашаются не только наиболее выдающиеся теоретики или преподаватели-профессионалы, имеющие докторский диплом, но зачастую и отдельные крупные артисты (см. гл. 22 и 23), американские или иностранные, которые не пренебрегают тем, чтобы год или несколько лет провести среди студентов, как это было с Дариусом Мийо в «Миллс колледже» в Калифорнии. Их привлекает, в частности, наличие там больших музыкальных библиотек и архивов. Выдающийся французский критик Самюэль Барбье в своей статье «Симфония в Новом Свете» (в «Энформасьон и докюман», ноябрь 1964 г.) авторитетно заявляет, что во Франции, возможно, есть лишь одно учреждение, имеющее такой же материал (партитура, записи), который обычно можно найти во многих американских университетах.

Американскую музыкальную жизнь прежде всего характеризуют, разумеется, концерты. В той же статье Самюэль

Барбье сообщает, что в Нью-Йорке ежедневно можно присутствовать на десяти концертах при условии, если имеешь абонемент, ибо большинство концертов идут при аншлаге, так как билеты раскупаются заранее.

То же самое происходит и в других крупных американских городах. В них имеются свои собственные симфонические оркестры — иногда пользующиеся известностью (Бостонский, Филадельфийский и т. д.), и музыкальная жизнь здесь ничуть не зависит от гастролей оркестров, приезжающих из других городов.

Кроме профессиональных музыкантов, следует отдать должное и 34 млн. любителей, многие из которых объединены в так называемые гражданские оркестры, хотя это прилагательное и не очень-то здесь подходит. Речь идет об оркестрах, созданных в любом из маленьких городов или поселков; обычно в нем участвует один профессионал, например, из ближайшего университета. Эти оркестры настолько распространены, что не поддаются подсчету. Недавно только в одном районе Лос-Анджелеса их насчитали до 50 и каждый из них давал 1 или 2 концерта в год.

Некоторые из них объединяются в очень крупные организации, из которых «Общество защиты и поощрения квартетов при парикмахерских» — не самая причудливая (очевидно, это юмористическое название не надо понимать буквально). Меломания американцев такова, что большинство ассоциаций, клубов и даже крупных предприятий шефствуют над каким-нибудь любительским оркестром.

Увеличение числа фестивалей — это одно из наиболее значительных явлений в этой области. Не все из них, правда, имеют репутацию фестиваля в Тэнглвуде («Беркшир мьюзик центр»), в штате Массачусетс, на котором вокруг Бостонского симфонического оркестра группируются лучшие оркестры, в частности университетские. Но среди этих фестивалей есть и знаменитые, вроде «Мальборо» в Вермонте или «Аспен» в Колорадо, где в течение 9 недель происходят музыкальные состязания, а также до 40 знаменитых артистов читают там курс музыки. На несколько иной основе действуют летние музыкальные лагеря, вроде лагеря в Интерлокене (Мичиган), где собираются молодежь и люди старшего возраста, желающие заняться своим любимым искусством.

Помимо этих фестивалей имеются другие типичные проявления музыкальной жизни, вроде организуемых Робертом Будро катаний на лодках по Огайо и Миссисипи в сопровождении оркестра, играющего на палубе; вечеров «Голливуд Баул», с участием филармонического оркестра Лос-Анджелеса, вечеров в «Равиния парк», с участием Чикагского оркестра, или вечеров на стадионе Льюисон в Нью-Йорке, где исполняются произведения Стравинского и Дюка Эллингтона.

Если добавить сюда беспрерывные радиопередачи по специальным программам, передаваемые через громкоговорители в общественных местах, ресторанах, аэропортах и т. д., то создается впечатление, что американец затравлен музыкой. Но американец не устает от нее, если судить по успехам передач, называемых «Диск джокис» (музыкальные пластинки с комментариями), по передачам классической музыки, на которые было отведено в 1963 г. до 16 тыс. часов и осуществленных 1438 станциями с разной частотой и амплитудой, по ежегодно продаваемым 17 млн. долгоиграющих пластинок с записями классической музыки, — а ведь считается, что джазовая и популярная музыка пользуется успехом в 3 раза большим (см. гл. 22).

ВИДНЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ

Техасец — лауреат конкурса в Москве

Воздействие, оказываемое Соединенными Штатами на самых крупных и одаренных музыкантов, таково, что подчас трудно отличить того, кто добровольно избрал эту страну полем своей музыкальной деятельности, и того, кто здесь родился. Из тех, кто покинул Восточную Европу и стал настоящим американцем, можно упомянуть Артура Рубинштейна, родившегося в Польше; Владимира Горовица или Яшу Хейфеца, родившихся в России; дирижера Тосканини и Пьера Монтё, француза по происхождению, — два типичных примера того, какое влияние американская цивилизация оказывает на самых известных артистов. Из молодых американских исполнителей своей славой многие обязаны международным конкурсам. Так, Леон Флейшер победил на конкурсе имени королевы Елизаветы в 1952 г., а техасец Ван Клайберн добился первенства на конкурсе им. Чайковского в Москве. Но есть много и других очень талантливых американских пианистов, слава которых вышла за пределы Соединенных Штатов, — Байрон Джанис, Юджин Истомин или Джэкоб Латейнер.

Среди исполнителей, получивших мировую известность, насчитывается столь много американцев — по рождению или принявших американское подданство, — что трудно перечислить все их имена. Поэтому довольствуемся упоминанием в качестве примера скрипачей Иегуди Менухина, Исаака Стерна, Натана Мильштейна, виолончелиста Пятигорского. Не отстают и певцы.

Эйлин Фаррелл, ставшая знаменитой после своего исполнения «Уоццек», ни в чем не уступает Леонтин Прайс, которой рукоплещет весь мир за ее исполнение в «Порги и Бесс».

Кто не знает таких артистов, как Мариан Андерсон, Элеанор Стебер, Леонард Уоррен или Уильям Уорфильд?

Из камерных оркестров Джульярдский квартет, «Файн артс» (Бостон), «Ла Салль» (Цинциннати) — 3 оркестра высшего класса среди многих подобных.

Среди 1500 симфонических оркестров Америки выделяется Нью-йоркский симфонический оркестр с дирижером Леонардом Бернстайном, талантливым, смелым руководителем оркестра, которому предшествовали Тосканини и Митропулос. Бостонским симфоническим оркестром ранее дирижировал Кусевицкий и француз Мюнш, а теперь им руководит Лейнсдорф. Чикагский симфонический оркестр до Рейнера знавал Фредерика Стока, а сегодня им руководит Мартинон. Филадельфийский симфонический оркестр прославился под руководством Стоковского и Орманди. Джордж Шелл в Кливленде, Уильям Стейнберг в Питтсбурге приобрели завидную репутацию. Одновременно они показывают, что американская музыка весьма децентрализована, что констатировал и прибывший из Франции и дирижировавший Детройтским оркестром Пол Парей, тогда как Джозеф Крипс прославился в Сан-Франциско, а Милтон Катаймс в Сиэтле.

Один из наиболее одаренных дирижеров, родившихся в Соединенных Штатах, — несомненно, молодой Томас Шетперс (род. в 1930 г.). Чуть старше его Роберт Крафт (род. в 1923 г.) широко использовал свое сотрудничество со Стравинским. Он в свою очередь принял американское гражданство.

27. ТАНЕЦ

КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТАНЦЫ

Кумиры — «босые танцоры»

Американское хореографическое искусство балансирует между старинными галопами бруклинской «улочки-тупичка», которые танцуются в «Тревожной эпохе» или создаются в «Вестсайдской истории», и утонченным византизмом, боги которого именуются Бахом, Моцартом и Стравинским.

Правда, представитель первого направления, Джером Робинс, является учеником представителя второго направления, Баланчина, которым он продолжает безгранично восхищаться.

Действительно, традиционный балет развивается в 2-х различных направлениях: в одном, которому следует «Нью-Йорк сентр сити балет» под руководством Линкольна Кирстейна и Джорджа Баланчина, отличаясь своими неоклассическими тенденциями, и в другом, которое известно под названием «Американская школа»; образцами его являются экспрессивные творения таких хореографов, как Лью Крайстенсен, Юджин Лоуринг, Агнес де Милль и Джером Робинс.

Третье направление, которое не идет от традиционного классического танца, представляет собой то, что называют «современным танцем». Оно предполагает свободное и подчеркнуто индивидуальное хореографическое выражение. Оно прославлено такими труппами, как труппы Марты Грэхем и Хосе Лимон, которые сегодня стали кумирами «босых танцоров».

В течение нескольких десятилетий первоклассные постановки придали балету то значение, которое он должен занимать.

Балет, такой, какой он есть сейчас на сцене или на экране, отражает влияние новейших тенденций в хореографии и значительное искажение традиционной формы. В частности, благодаря силе и атлетическим качествам американских танцоров ритм стал более быстрым, увеличились и возможности индивидуального выражения каждого исполнителя. Помимо того, чистотой стиля пожертвовали в пользу некоторой широты концепции путем добавления элементов танцевального фольклора (например, своего рода ковбойская кадриль) и в особенности путем придания некоторым хореографическим фигурам большей гибкости. Но при этом нельзя не упомянуть о существовании стиля рокетт, метрономические построения

которого были при своем возникновении столь революционными.

Конечно, классический танец всегда лежит в основе обучения в любой школе, будь то школа Баланчина в Нью-Йорке или школа Юджина Лоуринга в Голливуде. Но танцор, желающий занять в столь обширной сфере американского балета первостепенное место, должен иметь такую подвижность, какую один только классический танец дать ему не может.

Среди театральных коллективов, в которых могут работать танцоры, в первую очередь следует назвать такие коллективы, как «Нью-Йорк сити сентр компани» (который берет к себе большую часть артистов из школы Баланчина) и ему подобные коллективы, созданные по всей стране, будь то в пуританском Бостоне, в федеральной столице или же в Лос-Анджелесе, вотчине кино.

Но как раз само кино является также широким полем для интересных экспериментов. Именно такие крупные танцоры, актеры-хореографы, как Фред Астер, Рей Боулдер или Джин Келли, создали себе мировую славу на экране.

Интерес кинематографистов к танцу позволил таким непримиримым новаторам, как Джером Робинс или Агнес де Милль, руководить развитием таланта «звезд» Лесли Карон и Сид Чарисс.

После некоторого колебания телевидение также стало содействовать успеху балета благодаря сотрудничеству хореографов Джеймса Старбака и Роуда Александера, которые осуществили многочисленные передачи больших спектаклей с участием «звезд»-солистов и крупных балетных коллективов.

Однако, учитывая размеры небольшого экрана, телевидение породило новую пластическую концепцию, сочетающую интимность спектакля с поисками необычных ракурсов съемок.

В меньшем масштабе, но с равным интересом телевизионные спектакли регулярно ставят более или менее постоянные труппы; так, Тони Чермоли использовал их для хореографического сопровождения народных песен в еженедельных передачах «Йор хит пэрейд».

Артисты большого таланта Рут Сент-Денис, Тед Шоун, Мария Толчиф и Агнес де Милль тоже не отказывались лично выступать перед телекамерой по специальной программе, принимая участие в больших балетных спектаклях.

Что касается музыкальной комедии, то ее главный центр находится на Бродвее (см. гл. 22 и 25).

Опера развивалась более медленно и немного отстает. В 1935—1936 гг. хореографическая постановка Баланчиным «Орфея и Эвридики» вызвала революцию и привела к разрыву контракта между ним и нью-йоркским театром «Метрополитен». Пришлось ждать целых 20 лет, чтобы Солов в «Метрополитене» и Крайстенсен в Сан-Франциско смогли по-

править дело. Ныне успех Баланчина доказывает, что в Соединенных Штатах есть место и для продолжателей великой традиции русского балета. Но творчество Баланчина является абстрактным. Подчас его обвиняют в некоторой холодности. Начиная с великой Айседоры Дункан, танцовщицы большой одухотворенности, до Джерома Робинса, включая сюда зачинателей Рут Сент-Денис и Теда Шоуна, которые в своей школе (1914—1931) заложили основы американской хореографии, а также таких замечательных танцовщиц, как Марта Грэхем и Дорис Хэмфри, танцоры ставили себе задачу — путем физического действия выражать (с большей или меньшей свободой) внутренние эмоции, используя при этом наибольшее разнообразие технических приемов: наследие различных этнических групп (включая сюда, разумеется, негров), фольклор, драматическое действие, гимнастику, мимику и т. д.

В то время как в самих Соединенных Штатах число балетных трупп за 10 лет (1955—1965) выросло с 75 до 225, во всем мире возросло влияние американских танцоров. Это подтверждается революционными преобразованиями в балете, произведенными Кранко в Штутгарте, экспериментами Бежара в Париже и Брюсселе, триумфом таких танцовщиков, как Мерс Каннингхем, Пол Тейлор, Элвин Эйли. Во всех странах многие молодые танцоры продолжают испытывать громадное влияние «Вестсайдской истории».

НАРОДНЫЕ ТАНЦЫ

«Птичка в клетке»

В Соединенных Штатах в понятие «народные танцы» входит широкий круг элементов, местных или заимствованных, но американская нация еще слишком молода и слишком разношерстна, чтобы иметь свой собственный танцевальный фольклор. Хотя национальные или региональные танцы различных этнических групп, эмигрировавших в Новый Свет, и укоренились здесь, но их нельзя еще назвать «американскими». Конечно, индейские танцы имеют за собой древнюю традицию, и индейские племена частично сделали их излюбленным спектаклем для туристов, но они не имеют большого значения для всего населения. Фактически изучение народных танцев в Соединенных Штатах должно, по логике, сводиться к изучению их европейских источников.

Тем не менее, как и во многих других областях, новаторы придали чужеземному вкладу новые черты. Так родилось то, что ныне называется «американским фольклором», в котором можно найти, в нынешней форме и с многочисленными искажениями, танцы Шотландии, Ирландии, Франции, Италии, Германии, Греции и в особенности Англии.

Знаменитые ковбойские кадрили, которые распространились сначала на Западе, а потом и по всей стране, самые замечательные из этих фольклорных американских танцев, но по своему происхождению они являются английскими.

Имеется руководитель, так называемый коллер; танцоры образуют группы из 4-х пар. Коллер поет или выкрикивает под ритм музыки свои указания всем танцующим, пользуясь образными и традиционными выражениями. «Птичка в клетке!» — означает, например, что одна пара должна стать посредине 3-х других, которые водят вокруг нее своего рода хоровод. Только основные па неизменны — каждая фигура танца позволяет танцорам показать свою живость и задор, тем более что каждая пара застигается врасплох указаниями коллера, гораздого на выдумки.

В настоящее время в школе или в одной из молодежных организаций почти все дети в какой-то мере обучаются ковбойской кадрили; многие взрослые также более или менее регулярно посещают фольклорные танцевальные балы, даваемые по какому-либо случаю в городе или в поселке.

Существуют ассоциации, которые организуют балы систематически или для любителей танцев, или с целью воспользоваться оживлением, возникшим во время танца, и дать возможность членам ассоциации познакомиться и развлечься.

Другой старинный танец, привезенный из Англии, — «Вирджиния рил», — особенно популярен на Юге страны. Это однолинейный танец типа хоровода. Но несомненно, что только «Вирджиния рил» и ковбойская кадриль пустили глубокие корни по всей стране или по ее большей части.

Ряд фольклорных фестивалей, таких, как Национальный фольклорный фестиваль (1934), содействует популярности ковбойской кадрили. Но нельзя сказать, чтобы эти фестивали, сколь бы интересными они ни были, отвечали бы требованиям современной жизни, как это было во времена пионеров, когда окончание строительства каждого нового дома всегда отмечалось традиционным балом.

Напротив, фольклорные танцы этого типа нашли свое место в хореографических творениях Агнес де Милль, Джерома Робинса, Юджина Лоуринга и др. Замечательный тому пример — «Родео» Агнес де Милль, один из самых знаменитых американских балетов. Сколь бы это ни казалось поразительным, однако надо признать, что в наиболее совершенной форме американские народные или фольклорные танцы ныне представлены в бесчисленных «салонных» танцах, воспринятых во всем мире и возникших в США в начале века в ритме американских мелодий или регтайма.

Не следует забывать, что современный танец, как он практикуется сейчас в салонах и дансингах всех стран, в 1911 г. ввел в моду «Александерс регтайм бэнд» Джорджа Гершвина.

Хотя эти танцы могут исполняться без сложных фигур посредством нескольких простых па, они дают возможность молодым людям использовать самые разнообразные движения. Первые образцы этих танцев, теперь совершенно забытых, — кек-уок, терки-трот, Техас томми или банни хаг — пользовались безумным успехом в 1912—1915 гг. Усовершенствованные крупными артистами Верноном и Иреной Кестль, а также Артуром Мерреем (Фредом Астером того времени), они вскоре уступили место фокстроту (1915), па которого применялись как к медленным, так и к быстрым ритмам; фокстрот долго еще оставался самым популярным танцем.

Кодифицированные Мерреем и сведенные к 6-и основным па, современные танцы с тех пор беспрерывно развивались и преобразовывались. Чарльстон, господствовавший в 20-е гг., биг эйпл — в 30-е, затем джиттербаг, происшедший от свинга таких джазистов, как Бенни Гудмен, последовательно вызывали фурор. Совсем недавно во всем мире стал модным твист, не говоря уже об эпизодических успехах ватуси, фрэга, монки или флопа, забытых тут же после их возникновения.

Каждый из этих танцев, конечно, имеет свои черты, но тем не менее дает полную свободу для истолкования самим исполнителем.

Соединяя самые различные ритмы, в частности ритмы негров с латиноамериканским ритмом — танго (1912), румба (1930), — народный танец продолжает быть весьма живучим или находится даже в периоде полного развития; и еще нельзя сказать, до каких пор будет продолжаться это развитие и во что оно выльется. Народные танцы Соединенных Штатов — это не только заботливо сохраняемое или более или менее искусственно поддерживаемое воскрешение старины; они пускают свои ответвления во все стороны. Более того, они показали такую жизненность, что распространились во всем мире таким же образом — но путем обратного процесса, — каким европейские танцы были перенесены в Америку пионерами эмиграции.

И в наши дни, безусловно, рокк является наиболее совершенным выражением того, что представляет собой фольклорный американский танец на нынешней стадии его беспрерывного развития. Его успех сделал из него всеобщее средство выражения, подхваченное всей молодежью благодаря радио, грампластинкам, телевидению.

28. КИНО

ОБЩАЯ КАРТИНА

Вестерн, эксцентрическая кинокомедия и музыкальная комедия

Большая часть европейской буржуазной публики еще и поныне довольно враждебна к американской кинопродукции; для оправдания своего презрения она ссылается на то, что Голливуд — синоним серийного производства, культа кинозвезд, подчинения разума и чувств деньгам. Однако следует заметить, что за последнее двадцатилетие, как и до второй мировой войны, именно интеллигенция вместе с народными массами была самым большим и самым трезвым ценителем вклада Соединенных Штатов в развитие седьмого искусства: в 1920 г. Канудо, Деллюк, Бразиллак, Кокто в начале своей карьеры высказывали свое восхищение; в 1940 г. к ним присоединились Александр Арну, Александр Астрюк, тогда молодой писатель, а также профессора Жан Митри, Андре Базен, Морис Шерер. И действительно, роль таких высокообразованных журналистов, как журналисты из «Ревю дю синема» и «Кайе дю синема», и профессоров, которые в 1945 г. создали первые киноклубы, была определяющей в том, чтобы лучше познать и почувствовать силу и плодовитость Голливуда.

Подтверждение этой точке зрения можно найти в первом и втором номерах «Кайе», посвященных американскому кино, в которых Эрик Рёмер пишет: «Естественно, что народ завоевателей, распахивателей целины, основателей городов, народ деятельный, любящий приключения, но вопреки, а может быть, и благодаря этому более требовательный в стремлении к сохранению своей религиозной и моральной традиции, захотел обсудить в своих произведениях киноискусства взаимоотношения силы и закона, воли и судьбы, индивидуальной свободы и уз общности».

В этих словах определено то, что было с 1915 г. самым богатым вкладом продукции, отмеченной произведениями Д. У. Гриффита и духом компании «Треугольника», в которую входили постановщики Гриффит, Томас Инс, Мак Сеннет и актеры Уильям С. Харт и Дуглас Фербенкс. Этот кинематограф выступает не только как яркое выражение — одновременно лирическое, эпическое и трагическое — деятельности в определенных рамках времени и пространства, строго очерченных с помощью ввода функциональных средств. Киноповествование, не ограничиваясь своей пластической красотой

и своей человеческой правдой, свидетельствует о стремлении к ясному и щедрому совершенствованию человеческих условий, взятых в своей динамической совокупности.

Постепенно оттачивая мастерство и стиль, которые приобрели свою чудесную силу благодаря выработке киноискусством своего собственного языка, зачинатели 1915 г., как и их последователи 1945 г., проявили такую безошибочную интуицию драматического развития событий, что их моральные размышления о насилии стали особенно весомыми. Именно это и конструктивные размышления о возможности регресса и отчуждения, всегда угрожающих людям, можно отыскать у Хоукса («Лицо со шрамом», «Рио Браво»), Николаса Рея («Джонни Гитар»), Преминджера («Исход»), Фуллера («Мародеры атакуют»).

Способность волноваться и возмущаться

Чтобы всерьез защищать гуманизм или просто человека, атакуемого со всех сторон темными силами — силы фанатизма и ненависти, стремление к господству, наклонность к убийству или садизму, словом, чудовищная тень, которая всегда возникает при росте молодой цивилизации, — артисту нужны способность волноваться и возмущаться, желание занять определенную позицию и высказаться. Короче, если взять слово, часто употребляемое, когда говорят об Америке, ему нужна некоторая «наивность». Само собой разумеется, это слово берется здесь в самом похвальном смысле, какой вкладывается в эпитет genuine, которому нет точного французского эквивалента; это означает одновременно эпитеты: чистый, истинный, подлинный, естественный, искренний.

Если у Гриффита или Миннели драма иногда переходит почти в мелодраму, то это как раз потому, что фильмы «Сквозь грозу» и «Четыре всадника Апокалипсиса» глубоко genuine. И эта подлинность — показатель сильных и здоровых чувств. Лишь в той мере, в какой эти чувства сохраняют нетронутым свой элемент тревоги и милосердия, искусство может стать, по словам Андре Мальро, «антисудьбой».

Каждый фильм Кинга Видора, сочетающего библейскую простоту с американской взрывчатостью (от фильма «Аллилуйя» до «Соломона и царицы Савской»), а также большая часть фильмов Чарли Чаплина (от «Чарли-полисмена» до «Месье Верду»), Орсона Уэллеса (от «Гражданина Кейна» до «Процесса»), Джозефа Лози (от «Безжалостного времени» до «Преступника»), — образцовый пример этого поиска.

Напряженность насилия, которая, несомненно, слишком сильна для некоторых чересчур уязвимых чувств, мы вновь находим в самом стиле благородных авантюристов Голливуда, от Рауля Уолша и Аллена Двейна до Самюэла Фуллера, включая сюда Джона Форда, Уильяма Уелмана, Роберта

Уайза, Жюля Дассена, Ричарда Брукса, Роберта Олдрича и всех американских постановщиков.

Эта резкость не является необоснованной; она не ставит целью травмировать; она не знак (за исключением некоторых случаев) поиска внешней эффектности: «Насилие, — пишет Жак Риветт, — никогда не является самоцелью; это самый действенный подход; удары кулаками, оружие, взрывы динамита не ставят иной задачи, как взорвать завалы накопленных привычек, пробить брешь; короче, найти самые короткие пути».

Это позволяет нам осознать стремление к обновлению, которое является как бы инстинктом самосохранения Голливуда и которое противостоит всеобщей и постоянной опасности академизма, комфорта и склероза, подстерегающей всякое художественное или социальное самовыражение, достигшее некоторого совершенства.

В Соединенных Штатах, как и в Европе, создание хорошо организованной и действующей необыкновенно быстро системы съемок угрожало к концу периода между двумя мировыми войнами значительно снизить качество продукции как с художественной, так и с нравственной точки зрения. Александр Астрюк указал на эту опасность в 1946 г.: «На съемочных площадках Голливуда из рук в руки переходит своего рода эмпирическая грамматика — результат опыта наиболее искусных мастеров. Например, знают, что для возбуждения чувства следует во много раз укрупнить план... что американский способ — самый эффективный и экономичный. В этой технике не было честолюбия, но зато она была верной».

Безусловно, что одновременно заслугой и опасностью системы, руководимой администратором-продюсером, было стремление обеспечить в комедии, вестерне, исторических фильмах функционирование в совершенстве смазанного механизма, предлагающего публике испытать чувство удовольствия и безопасности. Замечательно, что именно в 1940 г., в последующие годы, а затем еще раз около 1952 г. люди, озабоченные сохранением киноискусства, так непосредственно воздействующего на мир и современную действительность, решили отбросить уже принятый язык, утверждая тем самым в отношении продюсеров и зрителей свое стремление к самостоятельности.

Эта позиция, отрицающая всякую лесть и демагогическое попустительство, ныне нашла защитников в лице Роберта Олдрича, Ричарда Брукса, Бада Беттичера, Роджера Кормана, Делмера Дейвиса, Самюэла Фуллера, Дона Сигеля.

Романтическое течение с отпечатком меланхолии

Может показаться, что в этом стремлении американского кино к реализму есть риск материализма, уходящего своими

корнями в прошлое, всегда сохраняющееся в памяти, в почву, все еще пропитанную духом великого завоевания Запада, в городской пейзаж, ощущаемый во всей своей сложности.

Но здесь обнаруживается вторая черта голливудского восприятия, очень живучая со времени немого кино, которая вопреки успехам «кинематографа-истины» не переставала преобладать в современной кинопродукции: романтическое течение, с отпечатком европейской меланхолии, которое достигло своей вершины вместе с немецким романтизмом в фильмах Гриффита, Чаплина, Борзеджа и вехами которого в период между двумя мировыми войнами были фильмы «Одиночество», «Анна Каренина», «Фонтан», «Мечты молодости», «Путешествие без возврата», «Питер Иббетсон», «Пленник прошлого», «Мятеж на „Баунти"», «Она и он», «Королева Христина», «Тупик», «Непокорная» и т. д.

Это течение, конечно, погрубело во время войны, но нисколько не утратило своего мягкого и переливающегося блеска. Оно отмечено творчеством таких постановщиков, как Стивенс («Место под солнцем»), Кьюкор («Родилась звезда»), Левин («Пандора»), Флейшер («Девушка на качелях»), Серк — один из самых привлекательных («Написано на ветре», «Хоровод на заре», «Время любить и время умирать»). Некоторые из нынешних наиболее крупных кинематографистов сумели направить и углубить это романтическое течение, придав своим драмам лирический оттенок чарующей красоты: это Николас Рей («Искусство жить», «Джонни Гитар», «Запретный лес»), Винсент Миннели («Как вихрь», «Тот, кто затевает скандал»), Элиа Казан («На восток от рая», «Бурная река»), Джозеф Манкевич («Мадам Мюир», «Босоногая графиня»), Альфред Хичкок («Скованные цепью», «Под знаком Козерога», «Головокружение») и, возможно, прежде всего Орсон Уэллс («Великолепие Амберсонов»).

Чувство реальности и романтическое чувство чаще всего сливаются, создавая в течение этого 70-летнего существования кино кинематографическую мифологию исключительного обаяния. Ее наиболее яркими составными частями являются: вестерн, эксцентрическая кинокомедия, гангстерские фильмы и музыкальная комедия. Таковы основные части голливудского мира, которые сочленяются и взаимопроникают на редкость удачно. Общим у этих четырех жанров на уровне психоанализа является, безусловно, стремление к подавлению чувства неудовлетворенности, агрессивности, которые дремлют у всех молодых народов; на эстетическом же уровне это общее состоит в совершенном слиянии пространства и времени.

Вестерн — в основном чисто американское кино. Согласно формуле Андре Базена, от пылких фресок Томаса Инса до динамических размышлений Хоукса и Манна — это развитие

12 Зак. 36

действия, которое должно одновременно расширяться и суживаться в заданном пространстве.

От эксцентрических кинокомедий Мака Сеннета до забавных беспокойных кошмаров Джери Льюнса, включая фильмы братьев Маркс, комедии Старджеса, Уайлдера и Тэшлина,— это также использование движений, ускоряющих время или сознательно его замедляющих. Это усиление или ослабление космической энергии, направляемой верными руками и живыми и острыми умами.

Гангстерские фильмы (от «Ночей в Чикаго» до «Джонни Кула», включая такие фильмы, как «Городской перекресток», «Лицо со шрамом», «Когда город спит») — это драматический пароксизм, где жизнь и смерть смешаны в едином мгновении. Здесь монтаж соединяет быстроту и неподвижность, тень и свет, шум и тишину, чтобы создать сверхнапряженную атмосферу.

Наконец, музыкальная комедия — это легкий жанр, который за последние 30 лет прошел ослепительный путь метаморфоз, наиболее прекрасными моментами которого, несомненно, были фильмы «Цилиндр», «Зигфелд фоллиз», «Все на сцену», «Бригадун».

Не избежав налета сентиментальности и нежной мечтательности, музыкальные фильмы поднялись до удивительных высот и сказки, преобразующей посредством хореографического волшебства самые страшные элементы фильмов «черной серии» (эротика, алкоголизм, убийства). До наивысших высот американского ноктюрна поднимаются шедевры Миннели, достигнув такого же блеска, которым отличались его фильмы «Западня» и «Родилась звезда».

Способность очаровывать, вызывать мечты или уводить от жестокой действительности обрела всю свою силу лишь благодаря углублению кинематографического видения, в которое с 1895 г. каждая нация внесла свой значительный вклад, но которое было в своей основе создано Д. У. Гриффитом. Надо ли напоминать, что, несомненно, лишь после того как в 1924 г. С.М. Эйзенштейн увидел фильмы «Рождение нации» и «Нетерпимость», он почувствовал в себе режиссерское призвание и понял огромные возможности монтажа, который он применил в «Броненосце „Потемкин“».

Жан Митри сказал о Гриффите: «Он изобрел все». Дадим слово этому выдающемуся историку кино: «Он изменил и умножил углы съемок, приблизился к актерам и разбил (или разложил) сцены на ряд последовательных кадров, которые более или менее подчеркивали интенсивность действия, вытекали один из другого и ставили одновременно драму и персонажей в пространство и время... Он не только придал каждому кадру, включая наплыв, его точный смысл. Вводя те или иные из них в некоторые определенные моменты развития

фильма, он придал изображениям специфическое значение, единственно зависящее от их связи со временем».

Уточним, что вклад Гриффита отнюдь не ограничивается аналитическим монтажом; он один из первых в своем фильме «Сломанная лилия» раскрыл поэтическую силу продолжительных кадров и плавного, мало разбитого на части монтажа, предвосхищая этим одно из наиболее важных направлений кино, то, чем можно восхищаться у Росселлини, Мизогучи, Преминджера.

Следует также отметить технические изобретения, обогатившие позже кинематографический язык, которые были осуществлены в Соединенных Штатах (изобретение говорящего кино в 1917 г., рациональное использование цвета с 1935 г., применение кинемаскопа с 1954 г., развитие кинопанорамы и производства 70-мм пленки в последнее время). Они позволили наследникам Гриффита — Штрогейму и Флаэрти, которые пытливо вглядывались в окружающий их мир, — дать еще более полное изображение действительности. В этой главе нельзя также не упомянуть о привлекательном рисованном мире великого Уолта Диснея, верно отражающем сложность явлений и способном выразить самые различные взаимоотношения между человеком и окружающим его миром.

Это изображение мира наилучшим образом отвечает требованиям, которые взрослый и уже зрелый зритель вправе предъявить сейчас кино.

ПОСТАНОВЩИКИ

Пять поколений режиссеров

В противоположность тому, что происходит в других странах, и по причине богатства и качества американской кинематографической продукции нельзя провести строгого разграничения между крупными постановщиками и всеми другими мастерами Голливуда. Прежде всего каждый из них создал с 1920 по 1960 г. по крайней мере один фильм, который может занять место среди самых замечательных американских фильмов. Творчество крупных мастеров и простых постановщиков фильмов-спектаклей пропитано одним и тем же духом, обладающим той силой, какая именно и придает всему американскому кино его окраску. Сегодня, как и 30 лет тому назад, какой-нибудь ковбойский или гангстерский фильм из серии «Б» может быть без большого несоответствия поставлен рядом с классическим фильмом, гениальным творением либо Хоукса, либо Ланга.

Еще более трудно назвать имена самых крупных ныне здравствующих режиссеров. Прежде всего потому, что точка зрения голливудских кругов и американской печати совсем

иная, чем точка зрения европейских критиков. Причина этого в том, что фильмы некоторых из тех режиссеров, кого считали крупными до 1945 г., уже устарели, что говорит об упадке творчества этих режиссеров. Мы будем следовать мнению именно тех писателей и журналистов, специализировавшихся в области кино, которые пользуются авторитетом у публики.

В этом аспекте можно различить две группы постановщиков: группу очень крупных режиссеров и группу просто талантливых кинематографистов, вместе составляющих своего рода штаб Голливуда. Внутри каждой из этих групп следует также произвести разграничение.

Кинематографисты первой группы

Это единственная группа, о которой будет сказано детально; она состоит из пяти поколений постановщиков.

Первое поколение. Здесь прежде всего должны фигурировать два мастера смеха и поэзии, которых надо поставить вне ряда и все фильмы которых надо было бы перечислять, — это Чарльз Спенсер Чаплин и Бастер Китон.

Затем идут следующие режиссеры:

Рауль Уолш — «Багдадский вор» (1924), «Сейди Томпсон» (1928), «Саботаж в Берлине» (1942), «Веревка, чтобы тебя повесить» (1950), «Неумолимые» (1955), «Свободный раб» (1957), «Эсфирь и король» (1960) — это один из великих творцов экрана, мощный и плодовитый формовщик пространства и времени.

Кинг Видор — «Толпа» (1928), «Хлеб наш насущный» (1934), «Дуэль на солнце» (1945), «Фурия желания» (1953), «Человек без звезды» (1955), «Война и мир» (1957) — эпический поэт, одновременно и зачарованный насилием, и стремящийся дать ему строгую оценку.

Джозеф фон Штернберг — «Ночи в Чикаго» (1927), «Заклейменные проклятием океана» (1928), «Шанхайский знак» (1942), «Горячка над Анхетеном» (1956) — это мечтатель, подобный Бодлеру, создавший реалистический и фантастический мир, плод навязчивого воображения.

Второе поколение. Говард Хоукс — «Девушка в каждом порту» (1928), «Лицо со шрамом» (1932), «Крылья только у ангелов» (1939), «Великое сновидение» (1946), «Красная река» (1948), «Ясноглазая пленница» (1952), «Рио Браво» (1959), «Хатари» (1962) — самый классический из всех постановщиков, обладает чувством художественного, драматического и нравственного такта.

Джордж Кьюкор — «Дама с камелиями» (1937), «Родилась звезда» (1954), «Девушка» (1957), «Порывистый ветер» (1957), «Дьяволица в розовом трико» (1960), «Предосудительные связи» (1963) — один из наиболее тонких художников,

глубоко чувствующий «вечно женское», по своему восприятию он очень близок Ренуару.

Фриц Ланг работал в Голливуде с 1926 г. и поставил там, помимо других фильмов, «Ярость» (1936), «Живешь только раз» (1937), «Женщина в окне» (1941), «Ангел проклятых» (1950), «Неимоверная истина» (1956), его экспрессионизм созрел и отфильтровался в Америке настолько, что достиг сурового величия рисунков Пиранези.

Третье поколение. Альфред Хичкок работал до 1939 г. в Англии, затем эмигрировал в Соединенные Штаты и сделал фильмы: «Тень сомнения» (1943), «Скованные цепью» (1946), «Под знаком Козерога» (1949), «Окно во двор» (1954), «Холодный пот» (1958), «Птицы» (1963), он обладает магически волнующим мастерством; в фильмах Хичкока особенно яркое звучание приобрел разрыв действия, благодаря чему выявляется его метафизическое значение.

Орсон Уэллес — «Гражданин Кейн» (1940), «Великолепие Амберсонов» (1942), «Дама из Шанхая» (1947), «Отелло» (1952), «Жажда зла» (1957), «Процесс» (1962) — мастер барокко, предвестник половины тех фильмов, которые вышли после 1940 г.

Четвертое поколение. Некоторые из его представителей начали работать в студиях еще до 1940 г., но начало их деятельности, как постановщиков, относится приблизительно к 1945 г.

Джозеф Манкевич — «Мадам Мюир» (1947), «Все о Еве» (1950), «Босоногая графиня» (1957), «Тихий американец» (1957), «Внезапно, прошлым летом» (1960), «Клеопатра» (1960) — это сам разум, утонченная острота анализа с целью выявить относительность всякой вещи.

Отто Преминджер — «Лаура» (1947), «Река без возврата» (1954), «Здравствуй, грусть» (1957), «Исход» (1961), «Ураган над Вашингтоном» (1962), «Кардинал» (1963); для него также характерно остро чувствовать всякую относительность и двойственность вещей, он с глубоким уважением относится ко всякого рода видимости.

Винсент Миннелли — «Зигфелд фоллиз» (1945), «Отец новобрачной» (1950), «Все на сцену!» (1953), «Бригадун» (1954), «Как вихрь» (1959), «Тот, кто затевает скандал» (1960), «Четыре всадника Апокалипсиса (1961) — один из самых вдохновенных поэтов Голливуда. Сопоставление человека и окружающего — его постоянный творческий прием.

Николас Рей — «Любовники ночи» (1947), «Свирепый человек» (1950), «Джонни Гитар» (1954), «Неистовство жить» (1956), «Запретный лес» (1958), «Западня» (1959), «Зубы дьявола» (1960), «Царь царей» (1962) — тоже поэт, но трагический, потрясающий самую структуру мира; в нем есть что-то от Рембо.

Энтони Манн — «Бригада самоубийц» (1947), «Спекулянты» (1952), «Приманка» (1952), «Кровь в пустыне» (1956), «Человек с Запада» (1950), «Сид» (1961), «Падение Римской империи» (1964) — «созерцатель», сделавший из вестерна удивительно благородное зрелище.

Роберт Олдрич — «Бранко-апаш» (1954), «На четвертой скорости» (1954), «Атака» (1956), «Эль Пердидо» (1961), «Четверо из Техаса» (1964) — идет по стопам Уэллеса; любопытная смесь вспыльчивости, юмора и идеализма.

Ричард Брукс — «Снять маски!» (1952), «Зерно насилия» (1955), «Карнавал богов» (1957), «Элмер Гантри» (1960) — честный и разгневанный человек.

Элиа Казан — «Трамвай, называемый Желание» (1950), «На восток от рая» (1955), «Лицо в толпе» (1957), «Бурная река» (1960) — трагический поэт всех скрытых сторон человеческого существования; во многом родствен Т. Уильямсу.

Пятое поколение. Между 1948 и 1950 гг. дебютировали:

Джозеф Лози — «Бродяга» (1950), «Безжалостное время» (1956), «Следствие инспектора Моргана» (1959), «Преступник» (1960), «Слуга» (1963), «Для примера другим» (1964) — мощный талант, ожесточенный и негодующий.

Самюэл Фуллер — «Порт доставки наркотиков» (1952), «Приговор стрел» (1960), «Нью-йоркское дно» (1961), «Мародеры атакуют» (1961) — певец сил природы, американский Сендрар.

Кинематографисты второй группы

Они обладают меньшим талантом, но играют довольно значительную роль, ибо каждый из них работал во всех излюбленных жанрах американского кино. Объединенные здесь в разношерстный и живописный конгломерат, кинематографисты второй группы распределяются следующим образом.

Прежде всего идут те, кто начинал работать еще до 1930 г. или приблизительно в то время.

Джон Форд. Среди его многочисленных фильмов можно упомянуть такие, как «Железный конь» (1924), «Провокатор» (1935), «Фантастическая кавалькада» (1939), «Гроздья гнева» (1940), «Адское преследование» (1947), «Тихий человек» (1952), «Пленница пустыни» (1956), «Всадники» (1961), «Таверна Ирландца» (1963); его герои — это люди с примитивными чувствами; он их ярко подает путем умелого использования кинематографического языка.

Уильям Уайлер — «Их было трое» (1936), «Тупик» (1937), «Непокорная» (1938), «Лисички» (1941), «Лучшие годы нашей жизни» (1947), «Большие земли» (1958) — это Фейдер Соединенных Штатов, отличается глубоким пониманием профессии кинематографиста.

Лео Мак Кэри — «Суп из утки» (1933), «Эта истина» (1937), «Она и он» (1939), «Жгучая брюнетка» (1959) — умело сочетает ловкость и взрывную силу бурлеска.

Фрэнк Капра — «Нью-Йорк — Майами» (1934), «Мистер Дидс переезжает в город» (1936), «Вам этого с собой не унести» (1938), «Мистер Смит едет в Вашингтон» (1939), «Почему мы воюем» (1941—1944), «Дырка в голове» (1959) — ему присущи оптимизм и добрые чувства к американским традициям, возвышенным благодаря неоспоримому кинематографическому мастерству.

Джордж Стивенс — «В ритме свинга» (1936), «Сквозь прошлое» (1937), «Джунга Дин» (1939), «Место под солнцем» (1951), «Человек из забытых долин» (1953), «Гигант» (1956) — его стиль отличается акварельностью, фантазией, романтикой и мечтательностью.

Билли Уайлдер (с 1934 г. сценарист Любича) — «Страхование смерти» (1945), «Бульвар заходящего солнца» (1950), «Семь лет раздумий» (1955), «Нежная Ирма» (1963) — его творчество тяжеловато, хотя он довольно умело сочетает злодейское с потешным.

Затем идут те, кто дебютировал после 1940 г.

Джон Хастон — «Мальтийский сокол» (1942), «Когда город спит» (1950), «Африканская королева» (1951), «Моби Дик» (1955), «Ветер равнины» (1959), «Неудачники» (1960) —поклонник Конрада и Хемингуэя, сделал фильм по роману Германа Мелвиля.

Роберт Уайз — «Сегодня вечером мы выиграли» (1949), «Тот день, когда Земля перестанет вращаться» (1952), «Вестсайдская история» (1961) — отличается ювелирным монтажом, который он поставил на службу своим раздумьям о насилии.

Дельмир Дейвис—«Пассажиры ночи» (1947), «Поезд в 3. 10 на Юму» (1957), «Холм виселиц» (1959) — это американский гуманист, придавший вестерну все его моральное значение.

Стэнли Доунен — «Однажды в Нью-Йорке» (1949), в сотрудничестве с Джином Келли, «Пение под дождем» (1952), «Шарада» (1963) — отличается жизнелюбием, прекрасно выразил хореографию средствами кино.

Пока еще трудно классифицировать фильмы Джона Кессаветиса, Ричарда Ликока, Джерри Льюиса, Сэма Пекинпаха, Артура Пенна, Лайонеля Рагозина, Дон Уэйса, Джона Франкенхеймера.

АКТЕРЫ

Полное вживание артиста в свою роль

Американские киноактеры обладают естественностью и непринужденностью, так же как и удивительной экспрессив-

ной пластичностью, позволяющей им одинаково хорошо играть во всех жанрах — от трагедии до буффонады. Но это не привилегия «звезд».

Артисты 2-го или 3-го плана, создающие обстановку драмы, вестерна или комедии, обладают той же гибкостью, той же подлинностью. Невозможно перечислить имена всех этих весьма различных артистов, ограничимся лишь именами ныне здравствующих или недавно ушедших артистов. Но нельзя не вспомнить Дугласа Фербенкса, Уильяма Харта, Уоллеса Берри и т. д.

Можно различить два поколения: представители первого утвердились около 1930 г.; представители другого дебютировали примерно в 1945 г.

С 1930 по 1945 г. Необходимо вновь упомянуть двух авторов-актеров: Чарльза Спенсера Чаплина и Бастера Китона.

Затем идут Гари Купер — легендарный герой Запада («Обожженные сердца», «Мистер Дидс переезжает в город», «Поезд даст три гудка»); Джеймс Кэгни — динамичная знаменитость («Прологи», «В тени виселиц»); Эдвард Дж. Робинсон — образ сильного и опустошенного человека («Маленький Цезарь», «Женщина в окне»); Спенсер Трейси — преисполненный горячей и сильной человечности («Те, из зоны», «Ярость», «Великий переход», «Отец новобрачной»); Рэндолф Скотт — вечный шериф («Джесс Джеймс», «Семь человек, которых надо убить»); Кларк Гэйбл — образ романтичного и циничного авантюриста («Нью-Йорк — Майами», «Мятеж на „Баунти"», «Унесенные ветром»); Фредерик Мерч — голливудский Пьер Френе («Доктор Джекилл и мистер Хайд», «Смерть коммивояжера», «Семь дней в мае»); Чарлз Лотон — гениальная смесь Трибуле и Нерона («Если бы у меня был миллион», «Мятеж на „Баунти"», «Ураган над Вашингтоном»); Кэри Грант — воплощение американца мужественного, проникновенного, непринужденного («Джунга Дин», «Скованные цепью», «Смерть в седле»); Роберт Тейлор — романтичный и молодой герой-любовник, вплоть до самого своего заката («Дама с камелиями», «Батаан», «Западня»); Генри Фонда — один из наиболее тонко чувствующих и умных исполнителей в мировом кино («Живешь только раз», «Гроздья гнева», «Лжевиновный»); Джеймс Стюарт — в свои тридцать лет он с великолепной легкостью расширил и углубил диапазон своей игры («Мистер Смит едет в Вашингтон», «Веревка», «Головокружение», «Приманка»).

Особо надо выделить того, кто воплощает в себе 25 лет существования американского кино, полного горечи и тревог, незабвенного Хемфри Богарта («Тупик», «Мальтийский сокол», «Африканская королева», «Босоногая графиня»).

После 1945 г. Роберт Митчум — обладает небывалой драматической силой («Кроссфайр», «Ночь охотника», «Тот, кто затевает скандал»); Берт Ланкастер — один из наиболее ярких, сильных и темпераментных артистов кино («Демоны свободы», «Вера Круз», «Элмер Гантри»); Фрэнк Синатра — в нем как бы воплотилась вся боль и напряжение эпохи («До тех пор, пока будут существовать люди», «Как вихрь»); Ричард Уидмарк — образ авантюриста, находящегося на кромке тени и света («Последний караван», «Порт доставки наркотиков»); Кирк Дуглас - сверкающие глаза, всегда потрясающая напряженность («Ясноокая пленница», «Человек без звезды», «Викинги»); Монтгомери Клифт — несет в себе самую сущность современной трагедии («Место под солнцем», «Закон молчания», «Неудачники»); Марлон Брандо — своего рода неистовый скульптор эпохи Возрождения («Вива Сапата», «Дикая экспедиция», «На набережных»); Энтони Куин — дебютировал в 1936 г., но получил признание только в 1952 г.; очень крупный актер, ему доступны роли как человека-скота, так и патриция («Порывистый ветер», «Зубы дьявола», «Дьяволица в розовом трико»); Энтони Перкинс — вечное отрочество («Кровь в пустыне», «Психо», «Процесс»); Чарлтон Хэстон — сама мужественность («Жажда зла», «Сид»); Рок Хадсон — несколько утрированный миф о мужественном человеке («Гигант», «Хоровод на заре», «Написано на ветре»); Пол Ньюмен — менее мужественный вариант того же типа («Левша», «Исход»); Джерри Льюис — в совершенстве обладает комедийным перевоплощением («Художники и натурщицы», «Покоритель этих дам», «Доктор Джекилл и мистер Лоув»).

Особо следует отметить Джеймса Дина, его блестящую карьеру и его ореол низвергнутого ангела («К востоку от рая», «Бунтовщик без идеала», «Гигант»).

Приступая к перечислению кинозвезд-женщин, совершенно невозможно не вспомнить Лилиан Гиш («Сломанная лилия», «Сквозь грозу») и Грету Гарбо («Анна Каренина», «Женщина с двумя лицами», «Дама с камелиями»), сиянием славы которых озарены два далеких периода развития кино. Из поколения, которое начало сниматься в кино к 1930 г., некоторые крупные актрисы ныне появляются на экране весьма редко или во второстепенных фильмах; к ним относятся Клодетт Колбер, Джинджер Роджерс, Оливия де Хэвиленд и Рита Хейворт. Напротив, продолжает с блеском выступать Джоан Кроуфорд, ставшая символом женщины с разбитой судьбой («Джонни Гитар», «Осенние листья»); Кэтрин Хепберн — волшебно аристократична («Внезапно, прошлым летом»); Бетт Девис — чудище, вылепленное Микеланджело или Пюже («Миллиардерша на один день», «Что случилось с бэби Джейн»); Барбара Стенвик — умная и сильная сирена («Ко-

ролева прерий», «Горячая улица»). Следует особо высоко поставить одну из великих трагических и комедийных актрис экрана — Ингрид Бергман. Ее дебют в Голливуде относится к 1928 г. («Интермеццо»); после того как Бергман стала исполнительницей главных ролей в фильмах Хичкока, а затем Росселини, она продолжает свою карьеру киноактрисы («Анастасия», «Нескромный», «Любите ли Вы Брамса?»); ее игра отличается необыкновенной тонкостью.

Главные роли в многочисленных музыкальных комедиях (1938—1954) исполняла Джуди Гарланд, переходя иногда на протяжении одного фильма от забавного к патетическому («Родилась звезда»).

1940—1955 гг. Широта диапазона, игра актрис, «открытых» в течение этого периода, так же необыкновенна, как и в прошлом. Две из них воплощают в себе один из аспектов американского кино: пластическое достоинство Авы Гарднер («Пандора», «Босоногая графиня», «55 дней в Пекине») и искусное обольщение Мерилин Монро («Семь лет раздумий», «Автобусная остановка», «Неудачники»). Но и все следующие за ними актрисы имеют диапазон, широта которого не перестает удивлять. Лорин Беккол — очаровательная женщина-денди («Пассажиры ночи», «Написано на ветре», «Женщина-модель»); Лесли Карон — балерина — сказочная фея («Американец в Париже», «Лили», «Жижи»); Сид Чарисс — также легендарная танцовщица, но принадлежит, скорее, к женщинам-вампам («Все на сцену!», «Западня»); Дорис Дэй — блеск и свежесть будничной Америки («Человек, который слишком много об этом знал», «Пикник в пижаме»); Одри Хепбёрн отличается мальчишеским обаянием («Сабрина», «Война и мир», «Брильянты на канапе»); Джуди Холидей — напротив, исключительно женственная («Как разум приходит к женщинам», «Номер грома»); Дороти Мейлон — строгая и трагическая красота («Написано на ветре», «Эль Пердидо»); Шелли Уинтерс — великолепная способность обновления («Место под солнцем», «Большой нож», «Предосудительные связи»). И, наконец, три творения мечты или кошмара: Элизабет Тейлор («Клеопатра»), Джейн Тирни («Лаура»), Ким Новак («Головокружение»).

60-е годы. Джин Себерг—удивительный комплекс невинности и зрелости («Святая Иоанна», «Здравствуй, грусть!»); Кэролл Бейкер — удивительная гибкость выражения («Бэби Долл», «Когда говорит земля»); Эва-Мария Сейнт — горестная, загадочная («Исход», «Смерть в седле»), и, наконец, Джейн Фонда, встреча которой с Джорджем Кьюкором («Предосудительные связи») венчает неувядаемость и плодотворность стиля, который прославили в период между двумя мировыми войнами такие столь женственные актрисы, как Норма Ширер, Луиз Рейнер, Мери Астор, Лоретта Янг, Джейн Уи-

мен, Сильвиа Сидни, Кей Френсис, Джин Херлоу, Кэролл Ломбард, Айрин Дьюни, Мирьям Хопкинс.

Студия актера, созданная в 1948 г. Элиа Казаном, Ли Страсбергом и Черилом Кроуфордом, распространила свою деятельность и на кино, продолжая воспитывать в актерах искренность исполнения. Джеймс Дин остается самым замечательным выходцем этой студии.

СТРУКТУРА ПРОИЗВОДСТВА

Увеличение количества независимых продюсеров

Американская кинематографическая промышленность, как отмечается в «Ежегоднике мировой кинематографической промышленности», совершенно самостоятельна и в основном базируется на конкуренции. Она не получает субсидий, не подчинена никакой правительственной регламентации, за исключением общих законов о соблюдении общественной морали, распространяющихся и на другие отрасли промышленности, и федеральных законов, направленных против трестов.

Прокат фильмов не регламентируется ни правительством, ни кем-либо другим. Этот вопрос регулируется исключительно путем прямого соглашения между тем, кто поставляет фильм, и тем, кто его показывает.

Не устанавливается никакого лимита в отношении ввоза иностранных фильмов. Они могут продаваться без всякого ограничения, но должны контролироваться таможней, которая препятствует ввозу непристойных фильмов. Разрешения цензуры не требуется. Самой кинопромышленностью была создана система саморегламентации, устанавливающей некоторые основные принципы, которые должны применяться при производстве фильмов, предназначенных для широкой публики.

Контроль за соблюдением производственного кодекса входит в компетенцию Американской киноассоциации МПАА, функционирующей в Голливуде. Она ставит клеймо на одобренные фильмы. Ее предшественник «Хэйс оффайс» начал функционировать еще в 1928 г. Независимые продюсеры не обязаны подчиняться ассоциации.

Чтобы удовлетворить давно испытываемую потребность в универсальной организации, в 1950 г. был основан Совет киноорганизаций КОМПО. Его задача — защищать общие интересы всех организаций, объединить всех представителей кинопромышленности, улучшить отношения с публикой, бороться со всякой дискриминацией, равно как и против ограничительной таксации и регламентирования. Тем не менее наиболее влиятельной организацией остается МПАА, она имеет свой филиал — Американскую ассоциацию киноэкспорта МПЕАА,

который занимается продажей фильмов за границу и ведает международной деятельностью центральной организации.

Существенным за эти последние годы стало место независимых продюсеров по отношению к крупным фирмам, составлявшим могущественный блок.

К наиболее крупным фирмам относятся «Парамаунт», «Метро—Голдвин—Майер», «XX век — Фокс», «Уорнер брэзерс»; к ним добавляются компании более скромного ранга: «Колумбия», «Юниверсл», «Юнайтед артистс», и фирмы, сгруппированные в Обществе независимых кинокомпаний (Уолт Дисней, Самюэл Голдвин, Дэвид О. Селзник и т. д.). Количество независимых продюсеров меняется в зависимости от экономической конъюнктуры (их насчитывалось до 150). До сих пор крупные компании выпускали приблизительно $^3/_4$ фильмов. Остальную четверть, выпускавшуюся независимыми продюсерами, составляли фильмы класса «Б», то есть фильмы меньшего масштаба (скромный бюджет, менее известные артисты), которым откупить кинотеатр для исключительного показа своего фильма не под силу.

Но, по мнению большого числа самих американских кинорежиссеров, продукция независимых продюсеров за последние годы эффективно растет, и эксперимент, начатый в Нью-Йорке, перекинулся в Лос-Анджелес.

Крупные фирмы по производству фильмов стали фирмами по их прокату, заключающими соглашения с независимыми продюсерами. Этих последних характеризуют четыре существенные особенности: значение, придаваемое сюжету фильма (преимущественно берутся актуальные сюжеты); ограниченность бюджета, отсутствие кинозвезд, тщательность подготовки к съемкам и быстрота съемок. Естественно, это меняет обычное лицо Голливуда. Независимые продюсеры предпочитают преимущественно самокритичные фильмы: «Нюрнбергский процесс», «Вестсайдская история». Тем не менее, чтобы быть независимым продюсером и выпускать свои фильмы, нужен большой талант, тогда как прежнее подчинение более механизированной системе производства гарантировало верный выигрыш.

Важный опрос, произведенный журналом «Кайе дю синема» для своего 150-го номера, посвященного американскому кино, рисует особенно интересные перспективы, потому что опирается на свидетельства наиболее крупных современных кинорежиссеров.

Детальнее всех ответил Роберт Олдрич. Он противопоставляет устаревшим методам продюсеров-администраторов типа Деррила Занука или Холл Уоллиса целенаправленную деятельность за последние 10 лет работников двух категорий. Прежде всего это продюсеры-коллеги типа Сэма Спайджелла, которые работают в тесном сотрудничестве с режиссером и

вносят свой вклад в художественные достоинства фильма (пример тому — фильм «Неумолимая погоня», поставленный Артуром Пенном). Затем идут режиссеры, ставшие продюсерами, чтобы обеспечить себе самостоятельность. Из режиссеров, берущих в руки материальную организацию фильма, чтобы иметь большую независимость и более твердый контроль над прокатом фильмов, он называет Хичкока, Преминджера, Уайза. Он отмечает также значение, которое приобрели актеры-продюсеры, такие, как Берт Ланкастер, Рэндолф Скотт, Джон Уэйн. Так же оптимистически высказались Самюэл Фуллер, Джерри Льюис, Сидней Льюмет, Сэм Пекинпах, Дон Сигел. Многие режиссеры, такие, как Фред Циннеман, единодушно признают, что доминирующая роль крупных компаний слабеет перед творческим вдохновением и индивидуальными усилиями.

Европейские критики имеют дополнительное основание разделять этот оптимизм, когда видят, что продюсеры, заботящиеся о человечности и художественных качествах фильмов, теперь занимают преобладающее место. Рядом с Марком Хеллинджером, умершим в 1947 г., и Стенли Крамером, посвятившим себя ныне режиссуре, следует упомянуть Бенедикта Боджеуса, ответственного за самые последние фильмы Аллена Двена; Самюэла Бронстона («Царь царей», «Сид», «55 дней в Пекине», «Падение Римской империи»); Гарольда Хекта, который в 1947 г. вместе с Бертом Ланкастером основал фирму по производству фильмов; Уолтера Мириша, который призвал к себе Роберта Уайза и Джона Старджеса, Аарона Розенберга, любителя, как и Мириш, вестернов («Винчестер, 73», «Человек без звезды)»; Сэма Спайджелла («Африканская королева», «На набережной», «Внезапно, прошлым летом», «Лоуренс Аравийский», «Неумолимая погоня»).

Акционеры крупных фирм по производству фильмов могут на своем общем собрании требовать ухода плохого руководителя фирмы. Это происходило несколько раз. За последние годы выяснилось, что финансовые итоги фирм явно положительны, руководство фирмами со стороны ответственных лиц было одобрено. Согласно статистическим данным, опубликованным в журнале нью-йоркских театров-варьете «Верайети», в американском кино отмечается весьма сильное обновление. Возможно, что обновление связано не только с постановкой больших фильмов-зрелищ («Падение Римской империи» и др.), но и с обновлением артистического состава и кинотехники. Оставляя основное место зачинателям, ни в чем не потерявшим своей силы, таким, как Уолш, Хоукс или Форд, Голливуд призвал, чтобы поставить большие фильмы, молодых кинематографистов, и вокруг них создает коллективы, также обновленные. Единственный путь избежать склероза и оцепенения — это сделать ставку на будущее, уяснить тре-

бования новых зрителей и, исходя из этого, изменить кадры и структуру, чтобы привести их в соответствие с новыми требованиями. Как представляется, завтрашний стиль — это гибкость экспрессии, чему благоприятствуют контакты Голливуда с европейским кино. В самом деле, художественное обогащение нынешней американской кинопродукции, как нам кажется, будет состоять в разумной ассимиляции стиля, свойственного старому континенту.

Телевидение наполовину снизило число зрителей, количество проданных билетов кино в год на человека равняется 12. Домашний уют также, кажется, удерживает американцев дома больше, чем раньше. В Соединенных Штатах имеется 17 500 кинотеатров.

ТЕХНИКА И КОНКУРЕНЦИЯ

Широкий экран и стереокино против телевидения

Чтобы выжить и приспособиться к экономическому положению, вызванному популярностью телевидения, Голливуд вынужден был преобразоваться. Отсюда и возникли некоторые явления, которые иногда кажутся противоречащими друг другу. Самые важные из них — ныне окончательно закрепленный союз между кино и телепромышленностью, поиски новых источников развлечения в кинотеатрах, открытие американского рынка для иностранных фильмов, американские инвестиции в иностранные кинопредприятия.

В самом деле, появление телевидения поставило под вопрос производство киноспектаклей. По мере того как телевизионная сеть охватывает все более обширные территории, увеличивается и количество телезрителей; публика уходит из темных залов. Это охлаждение к кино приняло катастрофические размеры в таких странах, как Соединенные Штаты и Англия, где количество телевизоров круто поднялось вверх между 1950 и 1960 гг. и приблизилось к порогу полного охвата страны и населения.

Таким образом, уходит из-под ног финансовый фундамент целой отрасли промышленности — кинотеатры закрываются, производство сокращается, студии работают в замедленном темпе, постановщики, актеры, технические специалисты обречены на безработицу. Кризис начал развиваться прежде всего в Соединенных Штатах и Англии. Он был столь острым, что многие считали Голливуд пораженным насмерть. С 1951 по 1958 г. недельное посещение кинотеатров публикой упало с 90 млн. зрителей до 42 млн. (Жан-Клод Батц, О кризисе кинопромышленности, изд-во Института социологии, Брюссель, 1962).

Способность телевидения конкурировать с кино широко

возросла из-за позиции крупных кинофирм, которые очень скоро, несмотря на протесты ассоциаций по кинопрокату, уступили телевизионной сети право на показ значительного количества старых фильмов, которые у них были в резерве. Естественно, результатом этого был еще больший уход публики из кинотеатров. Голливуд был вынужден сократить производство фильмов, и их стало недостаточно, чтобы обеспечить все кинотеатры. С 1944 по 1951 г. ежегодное количество фильмов, выпускавшихся американскими фирмами, колебалось между 350 и 400. Это число упало до 258 в 1958 г., 181 — в 1959, 151 — в 1960 г. Поднявшись в 1961 г. до 200, оно вновь упало в 1962 г. и стабилизировалось на уровне около 150 фильмов в 1963 г.

«Владельцы кинотеатров пошли на очень большие расходы, чтобы увеличить комфорт своих кинотеатров и оборудовать их аппаратурой, позволяющей показ панорамных и стереоскопических фильмов. Инициатива в этой области была направлена главным образом на то, чтобы, учитывая конкуренцию телевидения, придать кинематографическому зрелищу новую привлекательность. В действительности эта инициатива исходила от крупных фирм по производству фильмов, которые путем применения технических новшеств надеялись провести операцию, подобную операции компании «Уорнер бразерс», которая, выпустив звуковые фильмы, позволила кино преодолеть в 1928—1929 гг. один из самых тяжелых кризисов в его истории» (Жан-Клод Батц, там же).

Наличие ряда благоприятных обстоятельств — в частности, открытие новых рынков в Африке и Азии — позволяет Голливуду восстановить свое финансовое равновесие. Но результат будет достигнут прежде всего путем «конверсии деятельности по производству и прокату». Импорт европейских фильмов — фундаментальный элемент обновления. Что касается нынешнего положения с иностранными фильмами в Соединенных Штатах, то здесь следует подчеркнуть три момента.

Проникновение иностранных фильмов, которое вначале шло медленно, за последние годы ускорилось: общий сбор от них увеличился в 1959 г. по сравнению с 1958 г. на 41%, в 1960 г. по сравнению с 1959 г. на 27 и в 1961 г. по сравнению с 1960 г. на 38%.

Индивидуальная выручка от иностранных фильмов крайне различна. Фильм «Сладкая жизнь» и подобные ему фильмы в США приносят выручку от проката около 2—4 млн. долл., тогда как сотни других фильмов идут в пустых залах. Выручка от показа фильма «Никогда в воскресенье» превысила в 1961 г. 3 млн. долл., но 5 других греческих фильмов, показанных в том же году, принесли в сумме лишь 113 тыс. долл.

Крупные кинокомпании играют определенную роль в прокате иностранных фильмов, теперь в кассы их филиалов по

прокату поступают $^2/_3$ выручки от этого проката. Более того, индивидуальный доход от иностранных фильмов, прокатываемых по их инициативе, в 30 раз превышает доход от фильмов, прокатываемых независимыми кинокомпаниями (в среднем 750 тыс. долл. против 25 тыс. долл. в 1961 г.).

«Различны формы американских кинематографических инвестиций за границей. Например, фильм остается американским, с американскими кинозвездами и постановщиками (часто это фильмы, требующие больших расходов, такие, как «Бен Гур», «Война и мир» и т. д.). Этой форме инвестиций в Голливуде присвоили даже название «производство-дезертир». Или же выпускаются европейские фильмы, поставленные в Европе европейскими актерами и техническими специалистами, но они финансируются или софинансируются американским капиталом» (Ж.-К. Батц, там же).

Самая распространенная форма — совместное производство (Европа — Америка) — несомненно, особенно действенна и наиболее отвечает многочисленным требованиям современной кинопромышленности.

Она требует более рационального распределения партнеров и более точно рассчитанного участия их в каждой области кинопроизводства. Согласно докладу, представленному американскими профсоюзами работников зрелищных предприятий (Совет АФТ — КПП по кино) подкомиссии по труду Палаты представителей, с 1 января 1949 г. по 3 ноября 1961 г. за границей, главным образом в Англии, Италии, Франции, Германии и Испании, было прокатано 509 фильмов, финансировавшихся Соединенными Штатами. 8 больших американских кинокомпаний—«Колумбия», «XX век — Фокс», «Метро — Голдвин — Майер», «Юнайтед артистс», «Уорнер бразерс», «Парамаунт», «Юниверсл» и «Эллайд артистс» — финансировали 363 фильма, то есть 72% из 509 фильмов. Эта тенденция, возникшая в 1949—1953 гг. главным образом в Англии, по-настоящему обрела полный размах в последние годы. Инвестиции американских кинокомпаний в европейскую кинопромышленность сочетаются с продолжающимся экспортом американских фильмов в Европу. Тем не менее финансовые проблемы еще не нашли своего полного разрешения. За последние 10 лет, при сокращающемся внутреннем рынке, стоимость производства непрерывно возрастала. При этом параллельный рост цен на билеты в кино не смог устранить финансовых последствий этой двойной тенденции. На первом этапе создавшееся противоречие было частично решено путем заметного сокращения числа выпущенных фильмов, а в последующем — путем проката иностранных фильмов, что позволило одновременно возместить недостаток голливудской продукции и сделать производство более экономным.

29. ЖИВОПИСЬ И СКУЛЬПТУРА

ЖИВОПИСЬ

Большой рывок абстрактного экспрессионизма

Возникновение того, что называют «Нью-йоркской школой живописи», которой мы обязаны появлением большинства крупных течений, определивших недавнюю эволюцию живописи, — одно из значительных явлений послевоенного времени. Впервые появившееся в Европе абстрактное искусство, как бумеранг, снова возвратилось туда. Действительно, некоторые художники, в том числе русский художник Кандинский и группа немецких художников из «Баухауза», еще до второй мировой войны или во время нее собрались в Соединенных Штатах, где они нашли наилучшее место для создания произведений, требующих полной творческой свободы.

Несколько лет спустя после того, как абстрактное искусство обрело право гражданства и заполнило стены помещений, именно в Соединенных Штатах возникла и реакция на него, которая под названием «поп-арт» представляет собой в начале 60-х гг. наиболее дискутируемое течение в живописи этой эпохи; параллельно с ним развиваются геометрические формы крайне абстрактного искусства, каковым является оп-арт, оспаривающий главенствующую роль течения поп-арт.

Но каким же образом Соединенные Штаты, которые в начале века, по остроумному замечанию, были «пустыней Боцарта» *, стали ареной столь интенсивной деятельности в области живописи?

В начале века оба крупных американских художника того времени, Уистлер и Мэри Кэссет, работали в Европе. Первый — в Лондоне, вторая — в Париже. Тем не менее Дюран-Рюэль, торговец картинами, наблюдал более благожелательное отношение к импрессионистам скорее в Соединенных Штатах, чем у европейских коллекционеров. Сотни знатоков и ценителей живописи Нового Света покупали картины Сезанна и Ренуара, которые никто не хотел покупать на родине художников. Тем не менее американские художники находились под обаянием Парижа. Они мечтали лишь о том, чтобы там побывать. Но уже с этого времени начало существо-

* Игра слов: Bozarts звучит и как beauxarts, то есть «изящные искусства» — живопись и скульптура, и как искаженная форма имени Моцарт.— *Прим. ред.*

вать несколько местных течений. Одно из них злобно назвали «Школой мусорного ящика»; она пыталась своим реализмом свергнуть гнет условной академической живописи. Во главе ее стоял Дж. Беллоуз. Первый ряд атакующих — группа «Восьмерка», руководимая Робертом Генри, подготовила для нее почву, в то время как ее ветеран Прендергаст, руководствуясь уроками Синьяка, вводил в Соединенных Штатах что-то от волнующего парижского климата.

Но решающее столкновение произошло лишь в 1913 г., когда была организована первая крупная выставка современного искусства — «Арсенальная выставка» в помещении закрытого склада оружия, откуда и пошло название этой выставки.

Впервые кубисты, «дикие» и все авангардисты высадились в Нью-Йорке; операция была организованной. Сенсация, вызванная, например, картиной Марселя Дюшана «Обнаженная фигура, спускающаяся по лестнице», была огромной, и этого уже было достаточно, чтобы разбудить таланты.

Творческий порыв был таков, что с этого момента можно датировать начало современной американской живописи. Хотя прошли еще многие годы, прежде чем американские художники уверенно выступили на международной арене — правда, такие художники, как Мен Рей и Пассин, уже активно участвовали в деятельности художников на Монпарнасе, — но произведенный этим событием переполох лежит в основе всей последующей эволюции.

Впрочем, в 20-е гг. стремление к независимости американской живописи одновременно проявилось и в течении, которое решительно хочет быть национальным и название которого составляет целую программу — «Американ син» («Американская сцена»).

Именно в рамках этого течения окреп талант такого художника, как Хоппер. И уже в каталогах больших выставок можно было встретить имена, которые говорят о наличии самостоятельной американской живописи: художник Джон Марин — ветеран американской живописи, с его картиной «Нижний Манхэттен» — вид сверху на небоскребы, расположенные концентрически вокруг золотой звезды на башне «Вулворт тауэр»; Лайонел Файнинджер с его великолепно уравновешенными построениями («Виадук»); Макс Вебер, который испытал влияние наиболее крупных художников Парижской школы и пытался найти свою собственную форму экспрессионизма; Чарльз Демас, у которого акварели порой ценнее картин, написанных маслом, и другие — Стелл, Хартли, Доув и т. д.

Одновременно получает быстрое развитие типично американская наивная живопись; становятся известными под названием «американских примитивистов» художники Пиккет, Кейн и др. Самым ярким выразителем этой живописи значи-

тельно позднее станет Гранма Моузис. Решающий поворот был сделан, наконец, Стюартом Дейвисом, стоящим, как и Мен Рей в Париже, первым в том длинном ряду художников, которые — после периода скрытого развития в эпоху триумфа абстрактного искусства — предвещали возникновение, около 1960 г., поп-арта.

Стюарт Дейвис, выставку работ которого должен был организовать — запоздалая дань справедливости — парижский Музей современного искусства в 1966 г., вставляет в свои произведения части каких-нибудь обиходных вещей и механизмов (знаменитые «гаджетс», из которых иногда хотят сделать символ американского комфорта). Его картины «Взбитые яйца» и «Пачки сигарет „Лакки страйк"» уже предвещают манеру таких художников поп-арта, как Раушенберг и др., вставлять предметы в свои произведения. Впрочем, Мен Рей, автор «Рисованных хлебцев» и других «бесполезных предметов», также претендует на то, чтобы быть родоначальником.

Но реализм не умер. Американские художники обычно отличаются своим открыто критическим взглядом на мир, и в особенности на окружающее их общество. Уже члены «Школы мусорного ящика» освещали наименее лестные аспекты американской жизни начала века.

Художники школы «Американская сцена» рисовали преимущественно самые гнетущие городские или индустриальные пейзажи.

В период великого экономического кризиса 1929 г. художники пишут социально-сатирические произведения.

Один из них, например Питер Блюм, свое мастерство ставит на службу антифашизму, содействует разоблачению культа Муссолини; другой, Джек Левин, пишет карикатурные (или почти карикатурные) портреты самодовольных буржуа.

Но главой школы социально-сатирической живописи, бесспорно, является Бен Шан, который использует приемы плакатного рисунка и образно излагает требования трудящихся. Его фрески, картины и рисунки дают, несомненно, упрощенное представление об американском обществе; но их художественная форма во много раз превосходит порой анекдотическое содержание. Идет ли речь о «Паяльщиках», внушительных, квадратных, грубых, или о «Шествии дам из Лиги борьбы за терпимость», содержание уступает место композиции и чувству цвета. В некоторых картинах, навеянных ужасами второй мировой войны, уже появляются элементы абстрактной живописи, повальное увлечение которой начинается с 40-х гг.

Когда Бен Шан на «абстрактном пляже» рисует убитого во время высадки солдата, то поражает не столь само содержание, сколь абстрактная огромность пляжа, на котором те-

ряется его маленький и патетический персонаж. Теперь открыт путь большому натиску абстрактного экспрессионизма.

Впрочем, не случайно, что именно это последнее выражение употребляется классификаторами живописи, ибо экспрессионизм находится в полном расцвете в Соединенных Штатах еще до второй мировой войны. Его представители — Авраам Реттнер, пишущий на иудейские религиозные темы; Пиккинс, бурлески которого напоминают бурлески Энсора; даже Де Кунинг, творчество которого, наиболее непосредственно возвещая абстрактную живопись, через годы связывается с ранними попытками Вебера.

Впрочем, все это не мешает существованию живописи в самых традиционных аспектах. Ее продолжает один художник, имя которого стало символом тех, кто в США сопротивлялся новой живописи, Эндрью Уайес, самая известная картина которого «Мир Кристины» доказывает, что тщательное выписывание не обязательно исключает эмоциональное содержание.

Если пляжи или кирпичные стены Бен Шана — это уже отработанные поверхности, настоящие абстрактные части картин, в американской живописи существуют и другие приемы достижения абстрактности: среди них свободный мазок у Марина; Гроч, например, добавляет к экспликативному содержанию импликативную цветовую и ценностную композицию, которая одерживает верх над содержанием.

Более сознательно писали абстрактные картины (хотя тогда еще не было такого названия) Джорджия О'Киф и Лоурен Мак-Ивер, когда рисовали, не указывая масштаба, пятна от бензина или куски асфальта. Морис Грейвс, когда писал свой «Внутренний глаз» или «Слепую птицу», также был недалек от открытия нам оборотной стороны явлений, где цельность реальности разрывается и разжижается в абстрактном мире сущностей.

К 1940 г., к моменту, когда крупные художники-абстракционисты бегут из Европы, которая до того времени их не признавала, а теперь стала им угрожать, американское искусство по своему призванию было готово к тому, чтобы следовать по их пути. Кроме того, рождению типично американской школы благоприятствовало то, что эмигрировавшие в США художники впервые лично принесли сюда свой метод, так что американским художникам не надо было теперь изучать его в Париже. Раздел Европы на два враждующих лагеря, изолировавший художников Нового Света, отрезанных от объятого пламенем Старого Света, сделал остальное и благоприятствовал возникновению местного американского искусства.

Впрочем, не в Европе, а уже в Азии заимствовал способ «письма белым» Тоби. Он покрывал свои полотна вибриона-

ми и живчиками, схожими с китайскими иероглифами. Вскоре пришли художники, эстетическая вольность которых вышла за пределы, достигнутые Кандинским и его соперниками.

Создается другая школа—«Тихоокеанская», главным представителем которой является Поллок. Он удивляет прежде всего своим методом «дриппинга» (введенным для других целей Максом Эрнстом) и другими способами, в частности набрасыванием краски на лежащее горизонтально полотно. К этой же школе относится и Де Кунинг. К ней же присоединились такие художники, как Ганс Гофман и Роберт Мозеруэлл.

Третье течение, берущее начало от русского художника Малевича и голландца Мондриана, но вырвавшееся на простор и требующее своей независимости,— это течение художников, придерживающихся геометрического стиля; к нему относятся Фриц Глернер, Бернет Ньюмен и др. Трудно классифицировать ввиду его очень своеобразной манеры письма Арчила Горки, трагическое самоубийство которого в 1948 г. прервало карьеру художника. Его классическая «Агония» достигает пределов сюрреализма и абстрактности.

Хотя Поллок, глава американской школы абстрактной живописи, и оказывает на нее свое влияние, тем не менее разнообразие манер письма в ней велико; разделение ее на три течения является довольно относительным и произвольным. Может быть, более важным является не расцвет абстрактно-экспрессионистского течения в Соединенных Штатах, а международный масштаб, который к концу войны приобрело это течение. Некоторые разновидности этого течения приняли образное и знаменательное наименование «Экшен Пэйнтинг» по причине требуемого ими переноса внутреннего побуждения в живописный процесс. Его успех объясняется двумя причинами: с одной стороны, динамизмом молодой американской живописи, которая, в частности в Нью-Йорке, навязала свою манеру письма художественным музеям, галереям и коллекционерам; с другой стороны, развитием в то же самое время в самих Соединенных Штатах художественного вкуса; это выразилось в создании многочисленных художественных музеев и в массовой покупке современной живописи.

Стимулированное присутствием горстки художников-эмигрантов и нескольких сюрреалистов, влияние которых далеко не заменило интенсивного довоенного культурного обмена, изобразительное искусство Соединенных Штатов благодаря американскому абстракционизму приобрело почти полную самостоятельность и достигло уровня европейского искусства. Направление связей и обмена, когда они после войны возобновились, изменилось в обратную сторону. Одним из наиболее положительных результатов этого было включение в историю живописи таких несправедливо забытых американских

предшественников абстрактного экспрессионизма из старшего поколения художников, как Марин, Димас, Вебер. Абстрактное искусство выдвинуло таким образом американское классическое искусство вперед; оно вставило в нужное место — между Поллоком и Уистлером — недостающие звенья цепи.

Но в Нью-Йорке уже идет на смену новое поколение. Нельзя более сжато и точно изложить его историю, чем это сделал французский критик Отто Хан в своем предисловии, которое он написал к каталогу выставки новой живописи США в 1966 г.:

«Драма войны ушла в прошлое, и молодежи постепенно стало чуждым изображение жестокостей абстрактными экспрессионистами. Си Туомбли предложил полную юмора пастелизованную версию абстрактного экспрессионизма. Отыскивая новых учителей, молодежь нашла их в лице музыканта Джона Кейджа и экс-дадаиста Марселя Дюшана, проживающего в США с 1915 г.

Джон Кейдж, отбрасывая всякую теорию, рассматривает мир как нечто склеенное, нечто вроде автобуса, наполненного незнакомыми друг другу пассажирами и проезжающего мимо готического собора, в то время как световая реклама восхваляет какой-либо сорт сигарет. Здесь нет ничего логического, но все это существует и в конечном счете согласуется.

В этом духе творит и Роберт Раушенберг, который в свои картины вставляет все: обрывки афиш, билеты метро, вырезанные из газет фотографии, даже проволоку... Сюда он добавляет все приемы абстрактной живописи — брызги, пятна, накладку жирной краски. Поскольку каждый предмет сам по себе совершенен, нельзя один из них предпочесть другому. Речь идет лишь о том, чтобы создать ситуацию, которая смогла бы включить в себя неисчерпаемое многообразие мира.

Но Раушенберг прошел школу Альберса, апостола геометричности, все творчество которого посвящено нескольким очень простым мотивам, которые до бесконечности варьируются; в его серии картин «Слава квадрату» композиция всегда одинакова, но квадраты увеличиваются или уменьшаются согласно интенсивности цвета. Альберс работал над этой серией ряд лет.

Строгое построение картин Раушенберга идет отсюда. В его картине «Эхо» объединены игроки в бейсбол, строящийся дом, ключ, но каждое изображение находится внутри прямоугольника и скрепляется согласно правилам Альберса. Картина не имеет объяснения, как нельзя объяснить присутствие автобуса рядом с готическим собором. Так Раушенберг снова ввел фигуративное изображение в искусство, которое, как казалось, было окончательно обречено на абстрактность. Оставалось проанализировать это изображение. За это принялся Джеспер Джонс. Чтобы упростить проблему, он взял легко

узнаваемый цветной плоский предмет, американский флаг... Нарисовав серию флагов, он пришел к выводу, что точная копия флага — это фальшивый флаг, точно так же как точное воспроизведение банковского билета — это фальшивая монета. Напротив, неточная копия дает «истинную» картину. Джонс играет на этом двусмысленном противоречии.

Поп-арт, возникший около 1961—1962 гг., систематически развивал вклад Раушенберга и Джонса. Художники, которые группируются под этим названием, заимствуют у Раушенберга понятие обыденного и идею, что мир состоит из окружающих нас бытовых предметов и изображений. Они включают в свои картины предметы и изображения в том виде, как они есть, и затем комбинируют их в форме «монтажа».

В некоторых случаях предмет является серийным и непосредственно входит в произведение — это прием Швитерса и Марселя Дюшана. Что же касается изображения, то оно может быть в буквальном смысле взято из рекламы или комиксов.

Можно было ожидать, что новая школа вызовет своего рода непримиримое отношение абстракционистов. Это течение, названное оп-артом, вызывает раздражение своим нагромождением геометрических мотивов (порой оптический эффект вызывает даже головокружение). Если требуется доказательство влияния Нью-йоркской школы живописи, то стоит лишь напомнить о парижской моде 1966 г.

СКУЛЬПТУРА

Конструктивисты и «смерть искусству»

Скульптура ли это? И однако, это—искусство, в этом нельзя усомниться. Но чтобы охарактеризовать современную американскую скульптуру, может быть, лучше привести слова директора нью-йоркского Музея современного искусства. В 1965 г. в своем предисловии к каталогу произведений американской скульптуры, выставленной в парижском Музее Родена, он писал:

«Ныне в Соединенных Штатах, как и везде, наблюдается постоянный поиск новых материалов для использования их в многочисленных комбинациях в кинетической скульптуре и полихромии. Термин «скульптура», однако, с трудом применим к этой продукции, которая обычно обозначается терминами «конструкция» и «монтаж». Абстракция и экспрессионизм по-прежнему имеют место, но иногда сюжет-материал навязывается путем сюрреалистического воображения или выбора неусловных тем».

Это обилие собранных из отдельных предметов скульптур, авторы которых зачастую больше работают с паяльником,

чем с резцом, порождает проблему: для многих скульптура, несмотря на ее эволюцию в сторону техники и почти что промышленности, продолжает ассоциироваться с созидательным ручным трудом, который может показаться несовместимым с машинной цивилизацией, витрину которой составляет фордовская Америка. Как эти строители небоскребов, эти творцы автоматики и машин-роботов будут моделировать или собирать, подчиняясь лишь своему настроению и руке, не имеющую строгости форму, индивидуальную по преимуществу?

Следует знать, что Америка — не только страна машин, как это часто думают. Здесь процветает также наиболее индивидуальное искусство. И действительно, индивидуальная форма и серийная форма вовсе не обязательно противостоят друг другу. Напротив, они могут сочетаться: первая дает отдых от второй, которая все более испытывает влияние первой, вплоть до полного слияния с ее смелыми находками.

Впрочем, совсем не случайно, что русский Архипенко проживает в США или что литовец Липшиц, живший долго в Париже, нашел здесь убежище в 1941 г. Разрыв с традиционными канонами скульптуры, который вскоре произойдет в США, начался уже в период между двумя мировыми войнами, когда американские скульпторы были еще неизвестны в мире. Исключением, может быть, является Александр Колдер, который в значительной мере стоит у истоков современного обновления.

До Колдера почти не было самостоятельных американских скульпторов. Америка уже имела своих живописцев, а своих скульпторов еще искала. Хронологически первый из них носит совсем французскую фамилию — Огастес де Сент-Годенс. Крупные скульпторы, творившие между двумя мировыми войнами, — также иностранцы по своему происхождению: Лашез родился во Франции, Гроч — в Австралии, Зорах, как и Архипенко, — в России. Наоборот, Эпстейну удалось в Англии найти признание, в котором ему отказывал Нью-Йорк. Именно это классическое или экспрессионистское поколение, к которому относятся безыскусственный Нейдельман или сторонник условности Джо Дэвидсон, породило Александра Колдера. Выходя за рамки всего и вся, Колдер создает из проволоки свой знаменитый «Цирк» и вскоре приходит к своим «стабилям» — чудовищным насекомым, сделанным из спаянных металлических пластинок, которые приняли форму как бы из одного лишь удовольствия существовать, и в особенности к «мобилям», которые можно рассматривать как один из наиболее оригинальных вкладов нашего времени в пластическое искусство.

«Мобили», предки целого потомства буйных творений, за которыми гоняются музеи и которые так охотно многие ко-

пируют, являются столь же плодом труда инженера, сколь вдохновения художника. Эти находящиеся по краям точно уравновешенных стержней вырезанные из металла пятна, хроматура которых напоминает палитру Миро, являют собой гармонию линий, цвета и движения.

Второе поколение скульпторов, когда спала лихорадочная мода на кубизм, обрело в этих совместных экспериментах чувство свободы, которое так удивительно проявил Ногучи. Использование новых материалов, применение новой техники при одновременном отказе от воспроизведения фигуры имели следствием коренное преобразование скульптуры.

В то время как Теодор Рожак выставляет в честь братьев Райт навязчивые и вымученные формы, вроде «Призрака Китти Гоука», этот монтаж из кованой стали, покрытой бронзой и медью, Дэвид Смит, более четкий, менее исковерканный, создает серию иероглифов из спаянной стали, а Ричард Липполд ткёт свою субтильную с тонко рассчитанной геометрией паутину. «Мой любимый материал — пространство», — сказал Липполд о своих произведениях, среди которых, вероятно, наиболее известны «Вариация № 7» и «Полнолуние» — своего рода сети из очень тонко соединенной стальной проволоки. Возможно, менее тревожные скульптуры Лассоу, как и скульптуры Липполда, сделаны из проволоки и порождают своеобразные объемы.

В 50-е и в начале 60-х гг. деятельность американских скульпторов значительно оживляется. «Эта компенсирующая связь, — пишет Мишель Конниль-Лакост, — между живописью и скульптурой чрезвычайно важна. Именно этим, по общему мнению, объясняется столь возросший интерес к скульптуре во многих крупных художественных столицах мира. Живописцы в последние годы считали, что им все позволено, иногда вплоть до почти полной пустоты на картине: несколько пятен, один штрих, одна цветовая гамма. В конечном счете живопись, так сказать, попалась в капкан полной свободы.

Напротив, скульптура, как бы она ни была отныне смелой и свободной, не может быть совершенно свободной от всего. Ей присуще чувство некоторой предметности... Это соединение гофрированной жести (как у Джона Чемберлена, назвавшего какие-то куски железного лома «Белый бархат»), мягких пластических материалов (наподобие «Телефона с гибким шнуром» Клеза Олденбурга — сооружения из винила, капока и тряпья), манекенов из гипса или полихромного дерева (сплющенных и опрокинутых, которые Эскобер Меризол приладил распространенным ныне способом к такой же основе).

Трудно отметить всех многочисленных американских скульпторов, произведения которых выставлены в музеях крупных столиц и которые приняли участие в нынешней ре-

волюции в области пластического искусства, потому что трудно сказать, каков собственный вклад того или другого из них. Идет ли речь о Луизе Невелсон, которая прославилась своим волшебным использованием самых простых вещей и столярных поделок, которые она скрепляет вместе и покрывает по настроению то белой или черной краской, то позолотой, или же о Леонарде Баскине, поразительно использующем условные формы в импрессионистской или беспокойной манере, все это будет перечень имен, но не характеристика основных линий скульптурного творчества.

В самом деле, как описать две большие шестиметровые стальные иглы, вмонтированные в балансир, которые стоят на открытом месте и представляют собой как бы ножницы для разрезания неба? Как описать своего рода корпию из бронзы Рубена Накяна, которая прямо противоположна первой скульптуре? Насколько противоположна усложненная скульптура Хаджи строгим вертикалям Барнета Ньюмена?

Луиза Бурджуа свою «Заснувшую фигуру», напоминающую о произведениях кубизма и негритянского искусства, трактует как тотем. Мари Келлери является автором монументальной решетки павильона США на Брюссельской выставке (1958—1959), а Герберт Фербер начертил в безмятежном пространстве каллиграфический знак четырехметровой высоты, конвульсивный и сложный. Это лишь несколько примеров разнообразия и оригинальности творчества, в котором свое место занимает «спаянное железо» Кэролайн Ли, родившейся в Чикаго, а жившей в Париже.

Неоспоримо то, что в целом эти скульптурные произведения конвергируют к той трактовке, которая идет от поп-арта. Джордж Сегал сажает гипсовую женщину за кофейный столик; Джеспер Джонс вплавляет в бронзу, как сгоревшие свечки, электрические лампочки и лампочки для фонарей; Клез Олденбург выставляет искусственно сделанные куски хлеба или рожки с мороженым, чем-то напоминающие таких художников, как Мен Рей и Швайтерс.

Современный период в развитии американской скульптуры характеризуется прежде всего свободой творческих поисков, принимается любое начинание, любая смелая находка.

Кто-то предложил у входа на выставку, на которой собраны эти произведения, прикрепить вывеску: «Склад строительных материалов. Публике вход воспрещен». Может, это и верно. Несмотря на скандальный характер успеха, который иногда вызывают эти скульптуры, сделанные из всякого хлама, они имеют заслугу хотя бы в том, что снова возродили искусство, которое совсем недавно находилось еще в упадке или чуть было совсем не исчезло. Это буйное возрождение — возрождение наивного детства.

30. АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

НАСЛЕДИЕ И НОВАТОРСТВО

Небоскребы — под конторы, а одноэтажные дома — под жилье

Несмотря на некоторую униформизацию архитектуры во всем мире, большинство архитектурных стилей в Соединенных Штатах является результатом синтеза между чужеземным вкладом и местными традициями в зависимости от наличия тех или иных местных материалов. Поскольку Соединенные Штаты образовались путем иммиграции около 41 млн. человек, американская архитектура отличается крайним разнообразием стилей. А вот небоскреб, идея которого принадлежит главным образом американцу Салливену, был заимствован многими странами мира.

Небоскребы — это «здания под конторы». Хотя жилые дома могут отныне иметь 15, 20 или 30 этажей, в США их не считают небоскребами, а обычными, хотя и очень высокими, сооружениями. Особенность небоскреба состояла в том, что он удовлетворял потребности целой нации в быстрой экспансии, а также нужды деловых людей, искавших помещения под свои конторы в перенаселенных промышленных центрах, где горизонтальная застройка была ограничена, тогда как условия экономического рынка требовали прямых контактов между бизнесменами. Старые способы строительства, при которых тяжесть зданий ложилась на стены, ограничивали высоту зданий. Значит, надо было их обновлять. Отсюда создание новой структуры здания, требующей особенно прочного остова из стали и бетона; теперь фасады более не держали на себе всю тяжесть сооружения; высота его теоретически могла быть неограниченной.

В первых небоскребах, построенных около 1880 г., использовалась традиционная орнаментировка; она стремилась выразить архитектурные особенности, принятые в то время. Фасады украшались карнизами и колоннами (хотя иногда и из литого железа), ионическими или коринфскими капителями и другими архитектурными украшениями. В течение длительного времени, несмотря на прогресс в сборке стальных каркасов, в технике производства лифтов и других областях основная линия осталась традиционной.

Преобладающий в эту эпоху стиль — с этажами, отступающими друг от друга по мере возвышения здания, — придавал первым небоскребам вид смонтированных вместе комнат; но он был навязан местной регламентацией в области света и пространства. В своем усилии удовлетворить требованиям

этой регламентации, не связывая себе руки, архитекторы скоро пришли к новым решениям проблемы как формы, так и объема самых высоких сооружений. Постепенно они отказались от башен и карнизов в пользу вертикальных линий. Хотя последние этажи часто еще украшались архитектурными деталями готического стиля или стиля эпохи Возрождения, форма здания вскоре последовала за своим назначением и стала выражать его.

Эта тенденция полностью развилась за последние годы — при одновременном дополнении, исправлении и приспособлении к требованиям регламентации, — порождая новые формы. Многие небоскребы строят теперь, отступая от уличной линии (например, здание, которое занимает ООН в Нью-Йорке); между зданием и улицей остается пространство, пригодное для удовлетворения общественных потребностей (парки, скверы, лужайки, террасы и т. д.). Результатом этого явилось улучшение внешнего вида наиболее перенаселенных кварталов и одновременно появление нового стиля.

Объемы, состоящие из вертикальных линий, полностью выражают одновременно использованную технику и функцию этих «городов в городах», предоставляющих сотни тысяч квадратных метров площади тысячам служащих и посетителей. Разрыв со старым стилем теперь полный; форма новых небоскребов квадратная, прямоугольная или эллипсоидная. Стены заменены заслонами из стекла и металлических рам — из алюминия, стали, бронзы и других металлов. Изменения температуры и освещения вне здания компенсируются — иногда автоматически — окраской стекол, кондиционированием и соответствующим освещением каждой комнаты, делая ненужными классические форточки в каждом окне. В сердцевине здания, поддерживающей весь ансамбль, обычно находятся лифты (автоматические экспрессы), лестницы и бассейны или различные службы. Пространство между этим центральным ядром и стенами, предназначенное под конторы, может быть использовано по усмотрению и в случае необходимости, временно разделено легкими и подвижными перегородками, причем здесь нет никаких стен или поддерживающих колонн.

Как архитектурные сооружения небоскребы—наиболее совершенное выражение американского индустриального общества, где искусство и техника совместно вносят свой вклад в постоянное совершенствование стиля и материалов.

Что касается зданий под жилье, то здесь архитектурные стили становятся разнообразными, в зависимости от районов, влияния определенных групп иммигрантов или требований местного материала. Все они, однако, каковы бы ни были заимствования, являются специфически американскими.

Прибывшие из Европы иммигранты-пионеры нашли здесь в избытке лес, чего не было у них на родине.

В этом причина того, что европейские архитектурные концепции сразу же были приспособлены к этому материалу. Первые строители, которыми часто бывали корабельные плотники, переделывали, исходя из необходимости, классическую планировку кирпичных или каменных домов, которые были у них в Европе. Отсюда постоянное, сохранившееся и до наших дней стремление использовать лес при постройке домов под жилье. Вскоре были оставлены две другие европейские привычки. С одной стороны, несмотря на первые стычки с индейцами, городам не угрожало разрушение от их обычных врагов, и поэтому крепостные стены были бесполезны. С другой стороны, поскольку земельные площади были практически неограниченными, то не было необходимости строить дома вдоль улицы или обносить сады оградой. Раз каждый человек мог получить столько земли, сколько он мог обработать, фермы не группировались в деревни, а были разбросаны по всей округе. Каждая семья жила на своем участке земли. За исключением центров городов, каждый дом стоял изолированно, окруженный лужайкой или садом.

Эта коренная трансформация европейских архитектурных идей и присущий иммигрантам-пионерам (см. гл. 1) дух гостеприимства вскоре придали типичному архитектурному стилю свои характерные черты.

И еще поныне, поскольку американец привык держать свой дом открытым и принимать своих друзей у себя, а не приглашать их в кафе или ресторан, считается, что каждое жилище должно иметь достаточно обширную площадь, внутри или вне дома, чтобы можно было принять многочисленных гостей. Со временем и благодаря последовательному сокращению рабочего дня потребность в площади для проведения досуга стала все более острой. Многие дома в наши дни имеют бассейн и, естественно, гараж, широкие двери которого составляют один из элементов фасада, что должно быть учтено архитектором.

Каковы бы ни были региональные особенности, доминирующая модель домов, в которых фактически живут 30% американских семей, — это сооружение из дерева (часто окрашенное в белый цвет), обычно состоящее из двух этажей. Это довольно открытое здание, с широкими окнами, незастекленной верандой с колоннами и неогороженной лужайкой, которая окружает его со всех сторон.

СТИЛИ, ШКОЛЫ

Готовые детали и панели

Франк Ллойд Райт, вероятно, является тем американским архитектором, чьи идеи оказались наиболее оригинальными

после нововведений Салливена в конце XIX в. Стиль Райта — простота и строгость. Здания, которые он создал, свободны от всего лишнего. Он использовал все разнообразие материалов: кирпич и камень, искусственный мрамор, дерево, бетон. Он стремился всегда вписать здание в окружающую его природу. В соответствии со своей новой концепцией о внутренних пространствах он включал их одно в другое. Все традиционные идеи о роли дверей, окон и стен были сознательно отброшены Райтом. Элементы опоры здания группируются и изолируются. Следовательно, окна в свою очередь также могут быть сгруппированы в определенных местах и даже заменять целые стены, которые в данном случае уже не служат опорой. По Райту, украшение — одновременно логическое следствие и часть ансамбля. Эти принципы ныне восприняты в Соединенных Штатах многими архитекторами. Их влияние чувствуется на многих частных домах. С 1910 г. ими часто вдохновлялись и европейские архитекторы. Применение этих принципов содействовало тому, что американская архитектура благодаря многочисленным профессорам, сформировавшимся в школе Райта, имеет многочисленных приверженцев во всем мире.

Уолтер Гропиус, который был, несомненно, самым значительным из этих профессоров, в своих лекциях, которые он с 1937 по 1953 г. читал в Гарварде, вступал в полное противоречие с традициями академического формализма, пытавшегося путем эклектических заимствований разрешить структурные и функциональные проблемы, поставленные современной техникой.

Гропиус учил, что новые функции требуют новых форм и некоторого доверия к средствам выражения, а также к новым материалам и новой технике. По Гропиусу, форма должна следовать за функцией. Ее «полезность» должна быть изучена, понята, рационализирована; она-то и должна определять рисунок. Когда форма, требуемая функцией, выявлена, то к ней не должно прибавляться ничего постороннего.

Эта «функциональная школа» имеет теперь в Соединенных Штатах, вероятно, наибольшее число сторонников среди архитекторов, как работающих в маленьких архитектурных мастерских, так и в крупных архитектурных фирмах, специализирующихся на постройке торговых сооружений. Идеи Райта развиваются дальше Технологическим институтом в Иллинойсе под руководством Мис ван дер Роэ, когда-то работавшего в знаменитом немецком «Баухаузе». Он, не довольствуясь разрывом с традиционной планировкой, выдвинул свои собственные идеи относительно строительства жилых или торговых сооружений нормального или большего размера.

Согласно ван дер Роэ, благодаря разумному использованию различных материалов при сооружении перегородок, пространства частично сообщаются, а частично обосабливаются;

пространство внешнее как бы продолжает пространство внутреннее, не нарушая связи. Так, стеклянные стены разделяют пространства, но четко не выделяют и полностью не обособляют их друг от друга. Структура его высоких башен и даже рядов его низких домов подчеркивает строгую точность сооружения.

Пространство как бы обтекает стальные каркасы и через большие стеклянные поверхности выходит за окна. Фасады просты и открыты; они продолжают интерьер здания; они не столь богато орнаментированы, как, например, строения Ле Корбюзье.

Но этот простой внешний вид сочетается с большой изысканностью внутри здания, ибо ван дер Роэ — не имеющий себе равных декоратор в области меблировки. Впрочем, качество материалов и элегантность внутренней обстановки сочетается с большой простотой форм. У него очень хорошие ученики — Сааринен, Пей, Джонсон, Баншафт.

Недавно в Соединенных Штатах приобрела много сторонников другая школа, которая примыкает к Ле Корбюзье. Здесь материалы выражают лишь самих себя. Формы, функция и пространство — конечно, важные факторы, но они по своему значению следуют за богатством внешней отделки и приложенного здесь творческого воображения. Плиты из грубого бетона, готовые структурные элементы и панели для фасадов составляют своего рода абстрактную скульптуру, в которой акцент делается на смелость и цвет. Этот стиль лучше, чем всякий другой, выражает свободу, которую современные материалы и инженерная техника предоставляют архитектору. Здесь нет ни одной правильной стальной структуры; поддерживающие здание пилоны и центральное ядро могут быть расположены различным образом; фасад же рассматривается как независимый.

Хозе Луис Сёрт, который ныне руководит Гарвардской архитектурной школой, — глава и основной пропагандист этого течения. За последние годы несколько зданий было построено в этом стиле в Бостоне, хотя гарвардский Центр изобразительных искусств — единственное здание, построенное Ле Корбюзье в Соединенных Штатах. Поль Рудольф строит поразительные сооружения из бетона, открывая широкие пластические возможности этого материала.

На Западе, где климат позволяет постоянно жить на открытом воздухе, Ричард Нейтра, исходя из собственных идей, приспособил принципы Франка Ллойда Райта к конструкции индивидуальных домов. Жилые дома в этих субтропических широтах находятся в тесном «общении» с природой. Среди основных элементов стиля Нейтра фигурируют широкие крыши, нависающие над открытым пространством и затеняющие их, террасы, продолжающие дом и входящие в его состав, а

также раздвижные стеклянные стены. Нейтра, создавший жилые дома из бетона и стали, был первый, кто в 1936 г. употребил готовые литые панели.

Его ученики застроили такими жилыми домами самые живописные места тихоокеанского побережья и прилегающие к нему холмы. Отсюда этот стиль распространился по всем Соединенным Штатам, с изменениями, обусловленными более суровым климатом.

Из других крупных американских архитекторов — родились ли они в стране или потом стали гражданами Соединенных Штатов — надо упомянуть, в частности, Эдварда Стоуна и Миноро Ямасаки. Их стили различны, но они оба создали здания необыкновенной красоты и с весьма интересной симметрией; Иогансен создает на бетоне скульптуры текучей и неуловимой формы. Бакминстер Фуллер, вероятно, самый американский из всех американских архитекторов благодаря своей манере осмысления, в которой осуществлен синтез математического духа, новшеств в строительной технике, новых материалов и новаторских концепций. Безусловно, он опережает свое время, но его геодезические строения имеют большую будущность. Со своей стороны Кан разрешил некоторое число проблем, поставленных индустриальным строительством, путем группировки «низких» элементов в отдельный блок (отопление, климатизация, всякого рода трубы).

ТИПЫ ЖИЛЫХ ДОМОВ

Миллион индивидуальных домов в год

Строительство индивидуальных жилищ — наиболее активный сектор американской архитектуры. В 1963 г. он поглотил инвестиций порядка 26 600 млн. долл. (правда, часть их правительственные; правительство строило за свой счет индивидуальные жилища для некоторой категории съемщиков, в частности для чиновников). Из них 800 млн. долл. были вложены в строительство жилищ для фермеров. Только в 1963 г. было построено 1 млн. индивидуальных домов, а 560 тыс. начали строиться, то есть объем строительства по сравнению с 1962 г. увеличился на 8%. В 1964 г. рост снова составил 5%.

Дома в сельской местности обычно предназначены для одной семьи — часто это вторая резиденция горожан. В большинстве случаев дома деревянные, в том числе и крыша. Их проекты весьма различны: от «бунгало», построенных по типовой планировке (все здесь находится на нижнем этаже и без изолирующих материалов), до двухэтажного дома, в котором можно жить круглый год, с более отработанной планировкой. На Востоке страны весьма популярен дом в форме буквы «А». Он имеет лишь один этаж и мансарду, с крутой

крышей (откуда и его название — дом типа «А»). Проемы — двери и окна — находятся на переднем и заднем фасадах.

В городах и городских поселках типы жилых домов можно разбить на 3 категории: индивидуальные дома, предназначенные для одной семьи; дома в озелененных зонах и крупные жилые здания: часто своего рода высокие башни, их строят там, где земля дорога, а население многочисленно.

С конца второй мировой войны городские зоны в Соединенных Штатах расширились, так как центры городов последовательно теряли часть своего населения, стремившегося найти новые территории, где семья могла бы иметь свой индивидуальный дом. Этой потребности в большой мере содействовало развитие автомобильной промышленности, расширение сети дорог и предоставление правительством гарантий в отношении некоторых форм кредитования жилищного строительства. Имея свою машину и при наличии хорошей дороги трудящийся более не зависит от общественного транспорта, который содействовал скученности в городах. Он может жить вдали от центра, не теряя слишком много времени на поездку туда. Удивителен факт, что многие новые промышленные и торговые поселки не обслуживаются общественным транспортом.

Равным образом правительственная гарантия позволила некоторому числу кандидатов во владельцы приобрести дом, внеся сравнительно невысокий взнос. Этим воспользовались, в частности, ветераны войны.

Наконец, система налогового обложения недвижимой собственности более благоприятствует владению жилищем, чем его найму.

Все эти факторы содействовали развитию строительства индивидуальных домов. С конца войны их строится в среднем 1 млн. в год, 80%, из них предназначены для одной семьи. Хотя они изолированы со всех четырех сторон лужайками, они группируются в ансамбли и строятся сериями.

Технический прогресс в области строительства, качество материалов, превосходно налаженное распределение потребительских товаров почти постоянного спроса и хорошая информация о недвижимой собственности (специализированные журналы или целые полосы, отводимые рекламе садов и домов в самых различных публикациях) позволили по всей стране внедрить дома самого различного стиля с высоким уровнем комфорта. Многие дома имеют стеклянные стены, террасы-солярии, камины «для уюта».

Весьма распространены двери и ставни из алюминия. Тщательная планировка домов и использование в домашнем хозяйстве машин и приборов позволяют большинство этих домов снабдить образцовыми кухнями с мусоропроводами, подвесной печкой, посудомойкой, тогда как стиральная маши-

14 Зак. 36

на и автоматические сушилки находятся в прачечной. Обычно ванная совмещена с умывальной комнатой, снабженной сидячей ванной.

В техническом плане все более распространяется в последние годы обогрев путем излучения тепла стенами и полом, равно как и кондиционирование путем направляемых потоков воздуха, заменяя старую систему отопления и кондиционирования воздуха, требовавших наличия соответствующего аппарата в каждой комнате (зачастую размещенного в окне). Облицованные пластиком перегородки и пол встречаются, несомненно, чаще, чем сборные стены нового типа из металла (стали или алюминия). В этой категории жилищ самым распространенным является ранчо, берущее начало от дома (одноэтажного), некогда распространенного на Дальнем Западе.

Ранчо имеет многие преимущества. Оно не требует ни глубоких фундаментов, ни внутренних лестниц. Согласно статистике, в среднем ранчо состоит из 3 спален, 1 — 2 ванн с душем, 1 гостиной, кухни и столовой. Часто ранчо имеет форму буквы «L» — сад находится между двумя примыкающими друг к другу частями «L» и составляет как бы часть дома благодаря раздвижным дверям из стекла. Этот дом приспособлен к образу жизни с короткой трудовой неделей и наличием длительного свободного времени.

На Юге страны и вообще в районах с умеренным климатом машина находится просто под навесом, но в других частях страны гараж пристраивается к дому и отапливается. Гаражи более обширны, чем того требуют размеры машины; одновременно они являются сараями, предназначенными для хранения садового инструмента, спортивного оборудования и т. д. Эти дома обычно деревянные, иногда с кирпичной обкладкой лицевого фасада. Крыша может быть террасовидной или наклонной, из дерева, алюминия и т. д. На северо-востоке страны используют деревянную дранку, цвет которой со временем меняется.

Индивидуальный дом так называемого «колониального» стиля, весьма, впрочем, распространенного, состоит из двух этажей, один из которых типа мансарды. Спереди — традиционная открытая веранда с колоннами. Окна большие, почти квадратные, разделенные на мелкие квадратики. Ставни прибавляют еще более симметричности. К той же категории можно отнести и дома так называемого стиля «кеп код» со слуховыми окошками, пробитыми в крутопадающей крыше, простым, но изящным входом; белый или серый цвет стен контрастирует с зеленым или черным цветом ставен.

Более обширны и элегантны дома из жженого кирпича, построенные в строго геометрическом стиле, который называют «федеральным» или «джорджийским». У них две или четыре печных трубы, кирпичный фасад, окрашенные в ярко-

белый цвет окна, двери-окна, или порталы, жалюзи. Большинство новых домов не отвечает требованиям одного определенного стиля. По вкусу покупателя или согласно фантазии предпринимателя-строителя к веранде колониального стиля присоединяются элементы фасада из кирпичей и т. д. Возможны самые различные сочетания. В центре городов высокая цена земельных участков и перенаселенность заставляют строить ввысь. Каждый дом едва занимает 100 *кв. м* земли, тогда как отведенные под жилые дома пригородные участки занимают в 2 раза большую площадь. В этих условиях выгоднее снимать квартиру в многоэтажном доме, где обычно живет также хозяин дома со своей семьей.

Многочисленные квартиры, сдаваемые внаем, построены в пригородах — озелененных зонах. Речь идет о двух- или четырехэтажных домах, обычно кирпичных. Ансамбль зданий расположен среди зеленых насаждений и имеет максимум света. Кроме того, они имеют площадки для игр. Обычно для каждого дома отводится «паркинг» (стоянка для машин).

В городских центрах, где большая скученность населения, квартиры теперь все больше группируются в башни из стали и бетона, которые могут украшаться кирпичными фасадами и балконами. Новые здания этого типа, как правило, имеют более 20 этажей. Их планировка весьма разнообразна: есть в виде буквы «L», в виде буквы «Н», в виде греческого креста и т. д. Многие из них состоят из однокомнатных квартир для одиноких или бездетных пар. Хотя большинство из них предназначены для сдачи внаем, теперь успешно используются формы совладений, а также различные кооперативы, особенно в Нью-Йорке.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Пятиэтажные автострады в Лос-Анджелесе

Американские градостроители должны разрешить целый ряд проблем, которые уже стоят ныне и которые с еще большей остротой будут стоять в будущем. Это заторы на улицах легковых и грузовых автомашин, обветшание промышленных предприятий и жилых домов, из которых горожане стремятся уехать. В самом деле, горожане все больше покидают собственно центр города. Они стремятся жить в пригородах, где имеется место для постройки собственных индивидуальных домов и где они могут наслаждаться чистым воздухом, светом и природой, даже если последняя сводится к лужайке и нескольким деревьям.

Лос-Анджелес попытался разрешить проблему перенаселенности путем создания внутри города гигантской сети автострад, с мостами-переездами, которые имеют до пяти этажей.

Все это дополняется огромными стоянками. Эти пути сообщения и эти свободные пространства занимают теперь $^2/_3$ площади города, и только $^1/_3$ ее занята домами. Опыт показывает, что эта пропорция недостаточна.

Разумеется, в городе, построенном по этой модели, жизнь связана с наличием автомобильного парка. Большинство домов предназначены для одной семьи, имеющей по меньшей мере одну автомашину (и гараж), тогда как торговля сосредоточена в определенных местах, окруженных «паркингами». Не может быть и речи о том, чтобы купить себе продукты на обед в «магазине, что на углу», из-за значительных расстояний. Мобильность здесь — правило. На машине ездят на работу, в магазин, отвозят детей в школу и даже ездят в кино, театр, на стадион или в ресторан.

Согласно этой формуле, нет более ни городов-спален, ни городов-спутников; конторы сгруппированы во многие децентрализованные ансамбли — ядра. Это же относится и к промышленным зданиям.

Больше не ходят в город работать, а перемещаются через город с помощью внутренних автострад.

Эксперимент в Лос-Анджелесе далеко не удовлетворителен, но его можно, улучшив, применить и к другим городам, однако при условии наличия достаточного пространства.

Но транспорт — это лишь одна из проблем. Чтобы городская экономика продолжала развиваться на здоровой основе, надо и дальше строить новые жилища и перестраивать опустевшие промышленные и торговые центры.

В самом деле, новые дороги огибают города или позволяют их пересекать на большой скорости и исчезать из него. Вот почему многие большие или малые города строятся с расчетом на будущее, сочетая усовершенствование уличного движения с перестройкой ныне опустевших старых кварталов. Вот это-то и называют «обновлением городов».

Этим «обновлением» обычно руководит какая-либо государственная организация, но типично американским способом, с передачей большей части реализации перестройки частным предприятиям. Муниципалитет начинает с составления плана перестройки опустевших кварталов. После ряда консультаций с общественностью принимается проект, предусматривающий необходимые экспроприации, возмещение убытков и т. д. Затем здания разрушаются или восстанавливаются, намечаются новые улицы, модернизируется сеть служб общественного пользования. Затем земля делится на новые участки и продается или уступается частным лицам или фирмам, которые берутся эти участки застроить. В 1961 г. насчитывалось 550 организаций такого рода, занятых приведением в надлежащее состояние почти 10 тыс. *га* в сотнях городов.

В проектах может быть предусмотрено, что земля будет

отдана под строительство жилых домов (случается, что правительство субсидирует строительство жилых домов с умеренной квартплатой), под деловые центры (конторы и торговые предприятия) или под промышленные заведения. Может также статься, что муниципалитет резервирует за собой всю или часть земли под общественные здания, в частности под культурно-просветительные сооружения или под зеленые массивы.

Вследствие развития грузового автотранспорта, с расширением сети автострад промышленность строит свои заводы в любом месте, не стремясь расположиться поближе к железной дороге или реке. Так были созданы в некоторых пунктах больших автострад индустриальные центры вдали от городов.

В самом деле, если верно, что здания под торговые центры и жилые дома выгодно строить ввысь, то для заводов верно обратное. Конструкторы-строители должны всегда заботиться о постоянном обновлении промышленного оборудования: поэтому надо, чтобы новые машины легко устанавливались на место. А это требует больших пространств без колонн и перегородок. Следует избегать перевоза готовых изделий или материалов с этажа на этаж с помощью лифтов. Поэтому заводы все больше и больше располагаются на одной площади, если возможно, то в одном нераздельном пространстве. без чего-либо такого, что мешало бы проходу. Кроме того, заводское помещение должно быть окружено свободным пространством (соотношение 1:3). Речь идет обычно о широких вымощенных площадях, необходимых для передвижения грузовиков и под стоянки для машин рабочих, служащих и посетителей.

Вот почему ныне промышленные предприятия избегают строить в городах, которые не могут предоставлять в их распоряжение необходимых им территорий. Конечно, в отдельных случаях после сноса старых кварталов сами государственные организации, которым поручено провести обновление города, отводят необходимые участки под строительство заводов. Часто промышленность использует обширные участки, оставленные железнодорожными компаниями или правительством, когда это позволяют местные экономические преобразования. Эти зоны тогда целиком отводятся под заводы и фабрики, и жилищное строительство на этом месте запрещается.

Но чаще всего заводы строятся вне городов. Промышленные зоны-парки — это обычно обширные ансамбли, возведенные каким-либо строительным предприятием, которое сдает затем помещения промышленным компаниям. Впрочем, здание строится всегда после заключения договора с будущим съемщиком и с учетом его потребностей; в рамках общего проекта всего ансамбля архитекторы предпринимателя отвечают за планировку, стиль, качество материалов и т. д. Этот общий проект предусматривает насаждение зеленых массивов, нали-

чие открытых площадок для погрузки и разгрузки, стоянок для машин рабочих и посетителей, то есть создание в некотором роде пейзажа, что оправдывает название «парк», даваемое этим новым индустриальным центрам.

Другие промышленные ансамбли, на сей раз линейные, простираются вдоль дорог. И здесь также миссия архитекторов — позаботиться о внешнем виде этих зданий, ибо каждый знает, что бесчисленное множество людей, которые будут проезжать по этой дороге, будет судить о фирме частично по виду ее помещений. Среди промышленников и торговцев здесь существует настоящее соревнование, ибо каждый стремится придать своему предприятию наиболее привлекательный вид.

Наряду с промышленными зонами-парками в открытом поле, вдали от традиционных торговых кварталов, были созданы торговые центры. Создание этих центров на основных перекрестках больших автострад вызвано перемещением населения, пробками в городах и отсутствием в них достаточного количества стоянок для автомашин.

Речь идет о сгруппированных вместе торговых точках, окруженных стоянками, своего рода островах среди моря автомашин.

Обычно там можно найти несколько филиалов самых больших магазинов соседнего города и много мелких лавочек, где покупателям предлагают самые различные товары, по любой цене и любого качества. Эти торговые центры включают в себя площадки для погрузки и разгрузки грузовиков, а также закрытые и открытые аллеи, где запрещена езда на автомашине. Часто случается, что такой центр имеет также кинотеатр и залы для собраний и является центром общественной жизни.

Наиболее богатые центры имеют помещения с искусственным климатом. Центр в Норсленде, около Детройта (штат Мичиган), занимает 64 *га*, на его стоянках могут разместиться 7600 автомашин.

Район Бостона являет собой типичный пример этих тенденций к сосредоточению промышленности и торговли в зонах-парках вблизи больших городских скоплений.

17 лет назад было начато строительство окружной дороги, дороги № 28, чтобы обогнуть центр Бостона и соединить между собой его пригороды. По этой 100-километровой автостраде (которая уже снова расширяется) проходит ежедневно 59 000 машин. С обеих сторон от нее построено: 19 промышленных зон-парков, 340 заводов, 6 торговых центров (от 50 до 60 магазинов в каждом таком центре), 12 гостиниц, 1 площадка для игр; все в целом стоимостью 375 млн. долл. Они выплачивают своим работникам более 400 млн. долл.

На что будет походить в Соединенных Штатах город в будущем? Было бы слишком смелым предсказывать это,

но Мортон Хоппренфельд, сотрудник вашингтонской Комиссии по городскому строительству, взял на себя этот риск. Он счел возможным утверждать, что исходя из только что изложенных современных тенденций появятся две совершенно противоположные концепции облика города; при этом будут приняты всякого рода компромиссные решения.

Одна из них — создание обширных зон, в которых низкие дома будут линейно уходить в бесконечную даль, с центром-ядром из небоскребов, возвышающимся над пейзажем. Ансамбль всей зоны будет связан густой дорожно-транспортной сетью.

В противовес этому типу структуры города возникнет концентрическая структура. Здесь деловые кварталы будут располагаться последовательными полосами-зонами, плотность заселенности которых будет уменьшаться по мере увеличения к периферии разнообразия типов, построек.

Но эта гипотеза о создании в будущем городов со структурой двух типов — городов с центрами-ядрами и городов с концентрическими зонами, означает, что поиск новых архитектурных форм продолжается.

Гуманитарные науки

31. Философия
32. История
33. Право

31. ФИЛОСОФИЯ

ВЕДУЩИЕ ШКОЛЫ

После «века веры» «век анализа»

В 1959 г. некоторые из наиболее выдающихся американских философов собрались в Гарварде, чтобы отметить столетие со дня рождения Дьюи. Все они были признательны человеку, который превратил прагматизм в учение, способное оказывать влияние на жизнь нации. Тем не менее, воздавая должное своему великому предшественнику, они говорили о нем главным образом как о честном человеке и великом труженике. Конечно, они подчеркивали, что благодаря Дьюи философия оказала определенное воздействие на американское общество. Но никто не склонен был утверждать, что учитель двинул вперед философскую науку.

Это могло означать, что вопреки все еще господствующему за границей мнению прагматизм, единственная философская доктрина, созданная в Соединенных Штатах, отвергнут американцами.

Когда один из крупных издателей недавно решил опубликовать серию книг в карманном формате, в которых излагалась история философии, он назвал том, посвященный средним векам, «Век веры», а том, где говорилось о XVIII в., — «Век разума». Бывший ученик Дьюи, гарвардский профессор Мортон Уайт, которому поручили изучить XX в., окрестил этот век «Веком анализа». По его мнению, современные философы не пытаются больше создавать крупные синтетические труды, а занимаются главным образом детальным, тщательным изучением отдельных вопросов. Они редко публикуют работы, которые претендовали бы на то, чтобы дать ответы на широкие проблемы общего характера, а предпочитают, по примеру других ученых, писать статьи на узкие темы.

Современные американские философы считают, что вопрос о месте, которое занимает человек во вселенной, отныне является пройденным этапом. Как совершенно справедливо указывает Мортон Уайт, «эти философы отрицают, что философия должна разработать универсальную систему, которая придала бы определенный порядок и осветила бы науку, искусство, этику, религию и политику. Большинство философов придерживаются логико-аналитической традиции и уклоняются от проблем личной или общественной жизни, от вопросов, которые ставят культура и практика».

Конечно, многие иностранные философы и некоторые американцы считают, что профессор Уайт в какой-то степени проповедует для своего «прихода». В Европе по-прежнему объек-

том философии является спекулятивное мышление и публикуются крупные работы. Тем не менее, заглавие, которое автор дал своей работе, несмотря на чрезмерную обобщенность, правильно отражает направление современной американской философии.

Впрочем, это ни в коем случае не означает, что существует какая-то монолитность во взглядах. Более внимательное изучение показывает, что, хотя в среде сторонников «аналитической» школы и наблюдается согласие в отношении проблем общего характера, в области методологии между ними существуют коренные противоречия.

Столкновение двух школ

Более старая школа сама себя называет школой «логического позитивизма».

В отличие от французского позитивизма она занимается «логикой» в широком смысле слова, включая математические науки и научную методологию и исключая фактические результаты эмпирических наук. Ее влияние стало ощущаться в Америке вместе с прибытием в страну группы философов так называемого Венского кружка, которые после изгнания их из Австрии рассчитывали найти в Америке обстановку, благоприятную для своей деятельности. Некоторые, как, например, Карнап и Гемпель, и сейчас еще пользуются значительным влиянием.

Наиболее мощным орудием Венского кружка является «эмпирический критерий значения», который заключается в том, что значение придается только математическим и эмпирическим предложениям. Считается, что первые являются истинными по дефиниции; их истинность может быть доказана с помощью анализа терминов, и поэтому их именуют аналитическими. Вторые (эмпирические), связывающие независимые друг от друга термины (например, «золото» и «ковкое»), основываются на наблюдении и именуются «синтетическими». Всякое предложение, которое не может считаться истинным по дефиниции (к ним относятся, по мнению этой школы, предложения логики и математических наук) и не может быть подтвержденным или опровергнутым на основе чувственных данных (предложения эмпирических наук), отбрасывается как лишенное значения. Этот критерий привел к тому, что Венский кружок отвергает всякое метафизическое, этическое или теологическое предложение, в лучшем случае считая его поэтическим. В соединении со школой «логического анализа», основывающейся на трудах Рассела и Уайтхеда, логический позитивизм обогатил в период с 1935 по 1950 г. американскую мысль большинством ее наиболее важных новых элементов. Развитие логики должно было привести к попытке разрешить метафизические проблемы.

Сторонники этого педантичного и беспощадного мышления набросились на прагматизм (Дьюи и К. И. Льюис), идеализм (Хокинг), натурализм и сюрреализм, которые процветали в Соединенных Штатах после первой мировой войны, словно армия муравьев, пожирающих роскошную листву и оставляющих после себя одни голые стволы. И все же у них была скрытая метафизика, основанная на редукции. Например, они не отрицали реальности материальных предметов, но говорили, что эти предметы являются логическими конструкциями, комплексами чувственных данных. Эта метафизика делала их уязвимыми для прагматической критики и для новой аналитической школы английского происхождения.

Чисто американская критика стала отвергать всякое строгое различие между аналитическими и синтетическими предложениями, что составляло основу логического позитивизма. Уиллард В. Куин из Гарварда попытался доказать, что смысл терминов меняется по мере того, как изменяются наши знания. Так, например, можно на основе новой информации выбрать в качестве «главной» характеристики золота его молекулярную массу, так что предложение, приписывающее золоту эту характеристику, остается аналитическим. Напротив, золотистый цвет был бы приписан золоту только синтетическим предложением, если бы было установлено, что золото всегда имеет этот цвет. Конечно, было бы трудно таким же способом дать новое определение математическим законам, так как их изменение привело бы к радикальным изменениям всей системы; речь идет лишь о степени различия. Если же решено сохранить определенную стабильность математических определений и в то же время изменять эмпирические определения, то это вовсе не означает, что существуют два типа предложений — одни аналитические, другие синтетические, а скорее означает, что такой способ различения просто удобен.

Европейская критика исходила от школы, именуемой оксфордским лингвистическим анализом и импортированной в Соединенные Штаты американскими студентами, которые участвовали в очень узких семинарах Людвига Витгенштейна. Макс Блек, который стал профессором Корнеллского университета, и один из ближайших доверенных лиц Витгенштейна Норман Малкольм превратили этот университет в центр новой школы аналитиков, подорвавшей прежнюю школу.

СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ

«Лучше быть свободным, чем соглашаться»

Витгенштейн направил свои атаки против Рассела и против «Трактата» — одной из своих собственных юношеских работ, которую он сам обычно называл «творением этого идиота

Витгенштейна» и которая была написана под сильным влиянием Рассела. Блек, Малкольм и их последователи также стали подвергать систематической критике своих позитивистских американских предшественников, сторонников «логического анализа».

Школа лингвистического анализа — названная так потому, что ее сторонники анализируют скорее обычную речь, чем идеальный язык математических наук и логики, — занимается всеми аспектами каждодневного опыта в том виде, в каком он проявляется в быстром потоке речи. Сторонников этой школы в отличие от логических позитивистов не интересует идеальный язык. Один из знаменитых афоризмов Витгенштейна — «обычная речь в полном порядке» — приводит к выводу, что стараться улучшить речь так же бесцельно, как пытаться пальцами починить паутину. Отвергая эмпирическую теорию значения, сторонник лингвистического анализа утверждает, что смысл слова идентичен с его использованием: каждое слово, которым мы пользуемся в ходе нашего повседневного общения с другими людьми, имеет для нас определенный смысл.

Необходимо только изучать каждое слово не в деформированном философами виде, а в его естественном состоянии. Следовательно, религиозный язык и «обычные» метафизические термины могут быть предметами философских исследований.

Так, более углубленный позитивизм заменил позитивизм Венского кружка и раскрепостил философию. Для сторонников лингвистического анализа специальные технические термины логического анализа, такие, например, как «чувственные данные», сами лишены смысла, потому что они не употребляются и не применимы в обыденной речи. В итоге, в то время как сторонники логического анализа придерживались метода редукции, отыскивая наиболее глубокие логические элементы предложения и наиболее глубокие чувственные элементы восприятия, сторонники лингвистического анализа придерживаются описательного метода и изучают все многообразие повседневных способов выражения (вопросы, восклицания, обещания и т. д.) и всю сложность нашего восприятия обыденных вещей. Благодаря этому философия стала более серьезной и более терпимой. Она вновь обратилась к некоторым проблемам эпистемологии и этики, которые отвергал логический позитивизм. Есть признаки, свидетельствующие о том, что общественные науки вскоре получат новый стимул в той мере, в какой студенты начнут анализировать язык права, истории и политики.

Нет ничего удивительного в том, что новая школа с такой легкостью победила старую. В Соединенные Штаты нельзя импортировать любую европейскую философию. Для успеха нужны совершенно определенные благоприятные предпосыл-

ки; так, преходящая мода на логический позитивизм стала возможной — во всяком случае, в какой-то мере — благодаря сходству, существующему между «эмпирическим критерием значения» и пресловутым «прагматическим критерием значения» Пирса. Пирс переводил, например, фразу «эта вещь твердая» на прагматический язык словами: «Если бы мы попытались надрезать эту вещь, нам бы это не удалось». Пирс лишь предвосхитил логический позитивизм, когда утверждал, что каждый термин, который невозможно сразу же перевести на прагматический язык, лишен смысла. Венский кружок восхищался нападками Пирса на «онтологическую метафизику», но ему не нравилось чрезмерное значение, которое придавал этот философ способам проверки смысла слов, а также значение, придаваемое им практическим следствиям. Пирс говорит: «Для того чтобы определить значение понятий рассудка, рассмотрим, какие практические следствия выводятся с необходимостью из истинности понятия. Сумма этих следствий и определяет значение понятия».

Второе поколение аналитиков должно было вновь признать чисто практическую концепцию прагматической традиции. И хотя Витгенштейн в период, когда он придерживался логического позитивизма, приобрел в Америке лишь немногочисленных последователей, с 1950 г. американские философы признали его. Возможно, они нашли в трудах его второго периода новую версию инструментализма Дьюи, которая удовлетворяла современным требованиям строгости и вместе с тем не была в излишней степени подчинена, подобно теории Дьюи, ни методам — предполагаемым — современной науки, ни ее открытиям. Действительно, Витгенштейн во время своего второго периода считал, что речь следует рассматривать как орудие и что двусмысленность безыскусственной речи не является злом, потому что эта двусмысленность может быть уменьшена в зависимости от потребностей проводимой работы, и она имеет то преимущество, что обеспечивает приспособляемость речи.

Вывод очевиден: прагматизм вовсе не был полностью забыт. Он стал частью американской мысли и остается если не предметом исследований, то, во всяком случае, почвой, на которой новые философские течения, в особенности импортированные из Европы, могут пустить корни в Соединенных Штатах.

Хотя господствующая в американской философии школа сама разделена на два противоположных направления, тем не менее за рамками этого перманентного спора существует вторая школа — также европейского происхождения, — которая противопоставляет себя любому аналитическому течению. Для ее сторонников XX век является уже не эпохой «анализа», а эпохой «существования». В период, когда позитивистов изгна-

ли из Вены, в Германии имела место массовая эмиграция философов и теологов. В их числе Арон Гурвич и Пауль Тиллих импортировали в Соединенные Штаты феноменологию и экзистенциализм. Менее агрессивные и лишенные англосаксонских баз, эти мыслители не оказали особенно значительного влияния на американскую философию. Все же американский философ Марвин Фарбер, который в Германии был учеником Гуссерля, по возвращении оттуда основал «Журнал философских и феноменологических исследований».

После второй мировой войны их влияние возросло: удельный вес работ на соискание ученой степени, посвященных экзистенциализму, равнялся в 1957 г. $^1/_{65}$ (1,5%), в 1963 г. он возрос до $^{11}/_{139}$ (7,9%). Основанная Джоном Уайлдом Ассоциация феноменологической и экзистенциалистской философии насчитывает более 250 членов.

Конечно, сам Уайлд хорошо понимает, что ни одна философия не может занять в Соединенных Штатах господствующее положение, если она не уходит корнями в прагматизм. Гурвич уже доказал, что в том, что касается значения, которое Гуссерль придает сознанию, он пошел по стопам Уильяма Джемса. Действительно, существует экземпляр книги Джемса, в котором многие места подчеркнуты Гуссерлем. Более того, Уайлд доказал, что Джемс, так же как и Гуссерль, к концу своего жизненного пути стал склоняться к экзистенциализму. Джемс в значительной степени приближается к Кьеркегору, когда утверждает в своем произведении «Желание верить», что если необходимое решение невозможно принять только на основе выводов разума, то вера данного лица определяет, где истина. Он близок к Кьеркегору также в том, что «плюралистски» отвергает системы. С другой стороны, прагматическая теория истины, которая стремится найти источник объективной истины в заинтересованности человека миром, в какой-то степени напоминает теории Хейдеггера, с той разницей, что философы-экзистенциалисты не уделяют столько внимания естественным наукам.

Но так же как и аналитическая школа, американское движение экзистенциалистов имеет своих собственных раскольников, и с молодыми феноменологами, которыми руководят такие ученики Гуссерля, как Гурвич, Кернс и Шуц из нью-йоркской Новой школы, яростно сражаются молодые независимые одиночки-экзистенциалисты. Они ведут страстные споры в рамках Ассоциации и в журнале «Экзистенциализм», точно так же как спорят между собой аналитики в знаменитом «Философском обозрении» Корнеллского университета или в Американской философской ассоциации. Однако в университетской среде все эти течения более или менее мирно сосуществуют. Следует подчеркнуть, что ни в одном крупном университете прагматизм не занимает господствующего поло-

жения национальной философии. Там встречаются остатки агонизирующего идеализма, Оксфордской школы, Венского кружка и т. д. По удачному выражению одного из последних прагматиков Сиднея Хука, «лучше быть свободным, чем соглашаться».

УРОВЕНЬ ИССЛЕДОВАНИЙ

Банк информации для социологических изысканий

В Соединенных Штатах отчетливо различают психологию как отрасль философии и эмпирическую психологию. Эта последняя является объектом независимых исследований, которыми в большинстве университетов занимается особый факультет, в несколько раз более крупный, чем весь философский факультет. Здесь будет идти речь только о первой из этих двух категорий.

После того как в 30-е гг. психологические проблемы ввиду их эмпирического характера, чуждого логическому анализу, были исключены из сферы философии, они вновь обрели там свое место благодаря раскрепощающему влиянию витгенштейновской критики. В наши дни они являются одной из областей, где ведется наиболее активная исследовательская работа. Поле деятельности этих исследований распространяется также на логику таких понятий, как воля, волнение, мышление, восприятие, ощущение, воображение, и на возможность воспроизводить интеллектуальное поведение человека с помощью электронно-вычислительной машины.

Не счесть попыток преодолеть картезианское дуалистическое различие между чистым рассудком, не имеющим протяженности, и физическим телом, обладающим протяженностью в пространстве. Доминирующее направление связано со своего рода наукой о поведении, но не в его первоначальной форме, которая ограничивает его изучением телодвижений, а в форме более утонченной, согласно которой поведение тела является само по себе выразительным, и поэтому именно это выразительное тело, то есть личность, служит темой смыслового предложения. Французские философы констатируют сходство этих взглядов со взглядами Мерло-Понти, хотя это сходство еще не было замечено в Соединенных Штатах.

Экзистенциалистская и феноменологическая школа также внесла свой вклад в психологию. Как и следовало ожидать, она в особенности занимается философскими противоречиями психоанализа. Существует несколько журналов экзистенциалистской или феноменологической психиатрии, в которых сотрудничают философы и профессиональные психиатры. Они стараются внести ясность в такие понятия, как символизм, проекция и перенесение, которые имеют отношение как к психотерапии, так и к феноменологическому описанию человеческого опыта.

15 Зак. 36

Со времени открытия в 1931 г. известной «теоремы о неполноте» Гёделя некоторые из лучших американских философов стали заниматься дедуктивной логикой. Действительно, эта отрасль логики стала в последние годы развиваться с такой быстротой, что практически задушила все остальные. Формальную логику поглотила математическая логика; индуктивная логика, занимающаяся статистической проверкой или «формулировкой» научных систем, имеет сравнительно небольшое значение и считается отраслью эпистемологии. Как это ни парадоксально, но некоторые философы задают себе вопрос, является ли сама математическая логика отраслью философии. В некоторых университетах логики числятся в отделении математических наук.

В области дедуктивной техники в последнее время удалось добиться успехов благодаря применению электронно-вычислительных машин, ускоряющих математические исследования. Хоа Ванг доказал, что можно составлять программы для ЭВМ, которые позволяют получать доказательства новых теорем.

Новейшее развитие теории доказательств касается области, известной в американской терминологии как теория рекурсивных функций. Благодаря работам Черча, Клина и некоторых других логиков эта область постепенно становится основой теории доказательств и одновременно основой общей теории вычислительных машин. Добравшись до самой основы методов механических доказательств, эти исследователи утверждают, что они открыли сущность вычислительных машин.

До последних лет большинство американских философов, специализирующихся в области изучения этических проблем, признавали существование двух областей исследования: мета-этики и нормативной этики. Первая изучает смысл и характер оценочных суждений вообще или этических суждений в частности и возможности обосновать их, придерживаясь того или иного метода. Нормативная этика в свою очередь стремится определить, какие вещи или поступки являются хорошими, дурными, справедливыми, несправедливыми, обязательными, приемлемыми, заслуживающими порицания и т. д.

В течение последних 20 лет большинство исследований велось в области мета-этики. И многие философы считают, что моралисту следует заниматься только анализом этических понятий. Однако прагматики, как, например, Дьюи, отвергли этот дуализм, введенный позитивистами; по-видимому, в настоящее время все больше берет верх тенденция отбросить всякое различие между мета-этикой и нормативной этикой.

До последнего времени утверждали также, что натурализм не соответствует требованиям этой отрасли философии и что оценочные суждения нельзя основывать на суждениях о фак-

тах. Но и тут позитивистская критика прагматизма была поставлена под сомнение новым и более тонким методом исследований, причем отнюдь не в области научных фактов, а в области таких явлений общественной и государственной жизни, которые могут иметь этическое значение. Эту новую область исследователи открыли благодаря трудам Джэна Роулса из Гарварда, который изучает проблемы этики с точки зрения анализа обычного этического «выступления».

Эти философы начали также проявлять интерес к таким понятиям этического характера, как обоснование, выбор, решение, ответственность и т. д. Росту интереса к этическим явлениям способствовали как экзистенциализм, так и влияние Витгенштейна. Джон Уайлд разработал феноменологию моральной ответственности, а Роулс, опираясь на лингвистику, возобновил под этим специфическим углом зрения старый спор о соотношении между свободным выбором и детерминизмом.

Новое исследовательское направление возникло в результате возрождения утилитаризма в неизвестной дотоле форме, которую назвали «утилитаризмом правил». Речь идет о сочетании гедонистской философии ценностей и рационального этического императива.

Согласно этой доктрине, ценность должна быть «максимализирована» для «всех», а не только для «меня». Данная доктрина уже нашла свое отражение в трудах К. И. Льюиса. Но единственная, целиком посвященная ей книга — это «Обобщение в этике» М. Г. Зингера. Автор ее стремится доказать, что если произведенное определенным образом или по определенным правилам действие приводит к последствиям, заслуживающим порицания, то подобное действие всегда достойно порицания, даже если в определенной ситуации оно может иметь положительные последствия. Эту доктрину именуют «утилитаризмом правил», так как она требует, чтобы человек принимал во внимание не особые последствия особой ситуации, а, напротив, те последствия, которые имели бы место, если бы все поступали одинаковым образом в схожей ситуации.

Все эти этические школы критикуют друг друга и все являются предметом классификации и критики со стороны профессоров, которые, как В. Франкена, не причисляют себя ни к одной из них.

Отдельная метафизика для каждой школы

В настоящее время в Соединенных Штатах нет ни одной школы, ни одной группы философов, которая бы активно проводила исследования метафизического характера. Можно даже утверждать, что нет двух философов, которые придерживались бы единого мнения о том, что же такое метафизика.

Пирс — великий метафизик, являющийся основоположником прагматизма, точно так же как Уайтхед, оказал влияние на философию Пола Вейсса, главный труд которого, «Образ жизни», представляет собой спекулятивную систему категорий, основанную на диалектических аргументах. Старая школа логического позитивизма имеет в этой области своего представителя в лице Нельсона Гудмена, который продолжает попытки Карнапа в области «онтологической реконструкции». В своей книге, озаглавленной «Строение представления», Гудмен старается доказать, что привычные для нас сущности, такие, как объекты восприятия, могут быть построены как логические комбинации чувственных элементов, полученных в результате опыта.

Ученики Витгенштейна еще не разработали в Соединенных Штатах метафизику, хотя последние работы их учителя привели к возобновлению метафизических исследований в Англии. Все же Роджерс Олбриттон работает в Гарварде в этом направлении и станет, вероятно, главой новой школы метафизиков, после того как она сформируется.

Наиболее оригинальный и весомый вклад в метафизику сделан феноменологической и экзистенциалистской школой, в частности под влиянием Мерло-Понти. Сэмюель Тодс из Массачусетского технологического института разрабатывает феноменологическую систему, согласно которой тело является данным фактом «в» мире, но в то же время является необходимым для построения «этого» мира. Он стремится, таким образом, внедрить, основываясь на феноменологическом анализе, совершенно новое понятие необходимого факта и распознать его противоречия в эпистемологии, этической философии и философии религии.

СОЦИОЛОГИЯ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ». СОЦИОЛОГИЯ «КОЛИЧЕСТВЕННАЯ»

Основатель первой из этих школ, Талькут Парсонс, ведет ее происхождение от Дюркгейма и Макса Вебера. Для него важнейшая проблема заключается в примирении этического утверждения индивидуальной свободы с эмпирическими условиями функционирования общества, которое узаконивает этот нравственный императив.

Исследованиям в этой области способствовало развитие кибернетики, согласно которой природа и в своих стихийных проявлениях, и в тех, которые «контролирует» человек, может быть приравнена к системе иерархий «контролей» (в американском значении этого термина, приравнивающего контроль к директиве). Основное понятие сводится, применяя физическую терминологию, к «контролю» энергии с помощью ин-

формации. При высокой степени дифференцированности общества энергия, которую создает интерес, уделяемый этим обществом материальной реальности, проявляет тенденцию максимально уменьшаться в области наиболее возвышенной культурной деятельности. Так, в современном обществе религия уже не определяет значительной части общественного поведения. Однако экономические факторы, являющиеся источником энергии, зависят от их культурной интерпретации, от которой как раз и исходят информация и «контроль».

Другая школа, связанная с теоретической социологией, именуется школой социального психоанализа. Представителем ее является Эрик Эриксон. Эта группа использует понятие «положения», чтобы изучить взаимосвязи между общественным строем и личностями.

В отличие от философской абстракции Парсонса эмпирический метод вызывает в Соединенных Штатах большой интерес. Его сторонники под руководством П. Ф. Лазарфилда восстают против «старой методологии» и подчеркивают важность экспериментальной техники. Если, например, эмпирический исследователь начинает изучать такое понятие, как сплоченность социальных групп, у него сперва имеется лишь довольно смутное представление о том, что он хочет открыть: высокая степень сплоченности может объясняться дружбой, существующей между членами группы, их чувством самопожертвования и т. д. Исследование поэтому проводится в три этапа. Сперва нужно составить список всех предлагаемых характеристик («величин»). Затем провести практические тесты (испытания), чтобы определить наличие и интенсивность каждой характеристики. Это позволяет собрать статистическую информацию путем наблюдения над большим числом групп, которые описываются с точки зрения взятых за основу характеристик. Так, каждая группа характеризуется профилем или схемой реакции. В заключение эти схемы подвергаются математическому анализу, который позволяет составить новую классификацию, демонстрирующую относительное значение измеренных факторов.

Этот эмпирический метод не позволяет исследователю использовать внешние критерии для самого исследования. Он не решает априори, какие группы обладают наибольшей степенью сплоченности и какие характеристики являются в данном вопросе решающими. Классификация является следствием математического анализа целого ряда вариаций (установленных эмпирическим путем) характеристик.

Развитие техники отбора образцов и использование ЭВМ, которые очень быстро обрабатывают полученные данные, позволяют наблюдать и сравнивать большое число индивидов и многочисленные группы. Таким путем в настоящее время можно изучать поведение и образ действий чрезвычайно об-

ширных и неопределенных сущностей, характеризуемых специфическими переменными величинами. Результаты этих исследований начинают находить важное практическое применение главным образом потому, что в Соединенных Штатах общественное мнение играет решающую роль во всех областях, и потому, что социология помогает дать картину — непрерывно меняющуюся — основных направлений общественного мнения.

«Количественные» социологи основали частную фирму «Симюльмэтик корпорейшн», которую в значительной степени субсидируют деловые круги. Ее научный директор — Айти Пул из Массачусетского технологического института. Среди участников этой корпорации есть такие видные ученые, как Джеймс Колеман, наиболее известный социологический математик Соединенных Штатов. Первый крупный заказ, выполненный фирмой в 1960 г., была «имитация» («имитация» заключается в применении математического выражения какого-нибудь процесса — научного, социологического и т. д., — чтобы сделать из него вывод о будущем развитии). Таким путем можно, например, «имитировать» космический полет, выборы, рекламную кампанию президентских выборов, которая позволила дать ценные советы демократической партии и ее кандидату Джону Ф. Кеннеди. В числе других важных «имитаций», выполненных этой корпорацией, можно назвать экономику Венесуэлы. Крупные компании прибегают к услугам этой фирмы, чтобы заранее узнать, как наилучшим способом использовать свои ассигнования на рекламу.

Для таких исследований нужны мощные вычислительные машины и большое количество информации. Разработка техники, позволяющей собрать и истолковать информацию, имеет первостепенное значение. В этой области отныне библиотеки и книги уступают место «банкам информации», в которых сотни тысяч анкетных данных непосредственно переносятся на перфокарты ЭВМ.

32. ИСТОРИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДЫ

Молодая наука историография

В Соединенных Штатах к «современной истории» относят события, происшедшие не более чем 20 лет назад, в то время как, например, во Франции, этот термин подразумевает зачастую целое столетие: таков один из результатов молодости нации.

В большинстве своем американские историки изучают то, что они называют новейшей историей: с 1789 г. до наших дней.

Имеются две причины, по которым американцы делают такой упор на последнем периоде, предпочитая его более давним временам: прежде всего они вообще склонны рассматривать историю как отрасль политических наук; затем следует отметить то специфическое обстоятельство, что история Соединенных Штатов (если отличать ее от более сложной истории американского народа) начинается с конца XVIII в.

Эти два обстоятельства имели весьма специфические последствия для исторических исследований в Соединенных Штатах. Дело в том, что США являются единственным крупным современным государством, где правительственные архивы целиком сохранились с самого его основания. То же самое относится и к некоторым важнейшим статистическим данным, так как американская конституция требовала проведения переписей населения начиная с 1790 г. К тому же, согласно поистине демократической традиции, официальные архивы становятся доступными для публики через сравнительно незначительный период времени; в противоположность тому, что принято в некоторых крупных европейских государствах, где секретность сохраняется в течение 50, а то и 100 лет, документы государственного департамента поступают в распоряжение историков через 18 лет.

Как это ни парадоксально, но такой порядок таит в себе известные неудобства для исследователей, занимающихся изучением последних десятилетий: им приходится разбираться в невообразимой массе документов. В национальных архивах Вашингтона материалов за период одной только второй мировой войны (1941—1945) накопилось больше, чем за предшествующие полтора столетия (1789—1940). Историк-одиночка совершенно не в состоянии ознакомиться с этими грудами

материалов. Но в то же время очевидно, что в некоторых случаях групповая работа по методам, которые в наши дни становятся все более неизбежными, не может дать вполне удовлетворительных результатов.

Множественность правительственных и полуправительственных ведомств еще больше усложняет труд исследователя. К тому же познавательная ценность многих документов снижается из-за их безличного характера: зачастую очень трудно, а порой и совсем невозможно установить, кто является автором той или иной идеи или лицом, ответственным за то или иное решение, так как бесчисленные документы политического характера, не говоря уже о речах и сообщениях, составляются авторами, имена которых остаются неизвестными.

На самом деле, демократический обычай, согласно которому архивы становятся доступными для публики, изменяет, но не ликвидирует проблему секретности, которую приходится разрешать каждому историку.

Наконец, инфляция письменных материалов уменьшает их ценность, ибо она прямое следствие явной бюрократизации государства, которую в должной мере не излечивает применение современных средств связи (телефон, селектор и т. д.), превращающих письменное слово в речь... улетучивающуюся, не оставляя следов некоторых, порой весьма важных решений.

Поэтому сравнительно нетрудно опубликовать монографию о современной эпохе, оснащенную обширной библиографией. Но такая документация будет, однако, менее полной и весомой, чем та, которой можно располагать при написании трудов, посвященных более отдаленным временам.

Несмотря на их притязание на большую научную точность, некоторые исторические труды на современные темы имеют поэтому лишь преходящую ценность.

Было бы, однако, неправильным считать, что оба эти свойства демократической историографии лишают американских историков возможности вносить вклад в историческую науку. Напротив, их исследования, в особенности написанные после второй мировой войны, охватывают самые различные проблемы и нередко обладают значительной ценностью.

Американские историки и Европа

До 1914 г. лишь немногие американские историки занимались проблемами европейской истории. Правда, издавалось много популярной литературы с ярким жизнеописанием великих исторических деятелей, таких, как Наполеон или Кромвель. Но эти работы ни в коей мере не удовлетворяли даже самым элементарным требованиям исторической науки.

Все же некоторые эрудиты XIX в., как, например, Пре-

скотт, выходили за рамки истории США в узком смысле слова и углублялись в изучение колониального периода Северной Америки, в особенности времен господства французов и испанцев. Однако первая мировая война придала новое направление работам американских историков и пробудила у них интерес к европейским проблемам. В особенности историков занимали сложные причины возникновения войны, которые требовали объективного научного освещения. Среди таких работ необходимо отметить труды Сиднея Б. Фея, Уильяма Лангера и Бернадотта Шмитта, которые имеют непреходящее значение. Что касается трудов, разбирающих возникновение и дипломатическую историю второй мировой войны, то, пожалуй, их качество не столь высокое.

Тем не менее прибытие после 1938 г. многочисленных европейских ученых, бежавших главным образом из Германии и уверенных, что они найдут в Соединенных Штатах благоприятную обстановку для работы, оказало глубокое воздействие на исторические исследования. За этой массовой эмиграцией вскоре последовал приток культурных ценностей в ходе второй мировой войны. Американские библиотеки и фонды получили таким путем возможность приобрести много ценных материалов и рукописей, которые превратили Соединенные Штаты в важную базу исследований, в частности по истории средних веков.

Конечно, некоторые историки уже давно изучали историю Франции или Англии, но иммиграция европейских историков привела к значительному расширению масштабов исследований. Так, история Германии и Центральной Европы стала темой весьма многих публикаций во время и после второй мировой войны.

А в дальнейшем «холодная война» привела к публикации массы работ о России и Восточной Европе.

Появлению этих работ в большой степени способствовал новый фактор — правительственная помощь. Эта помощь оказывалась и другой обширной области исторических исследований — области, связанной с изучением развивающихся территорий Азии и Африки, которыми стало интересоваться все возрастающее число американских специалистов.

Что касается истории Соединенных Штатов, то два новых веяния отразились на работах, посвященных ей в XX в.

Во-первых, следует отметить возросший интерес к колониальной истории американского народа и его институтам, существовавшим до войны за независимость. За исключением нескольких видных специалистов, историки XIX в. не пытались углубляться в эти проблемы, быть может, из-за известного чувства национализма, когда они были склонны подчеркивать новаторское значение Декларации независимости в ущерб установлениям, созданным до 1776 г. Ныне во все воз-

растающем числе исторических работ отмечается наличие определенной преемственности в области культуры и государственных учреждений.

Во-вторых, в еще большей степени можно констатировать рост интереса к истории американской культуры. Эта тенденция представляет резкий контраст с исследованиями, нередко довольно узкими, характерными для политической историографии и биографических монографий, которые были в моде до 1914 г., а то и позднее. Для этого нового направления типичны работы таких молодых историков, как Уильям Лойхтенберг.

Эти веяния неразрывно связаны с изменениями, происшедшими в философии историографии.

Американскую историографию можно разделить на три больших периода.

До 1885 г. в области историографии, собственно говоря, не существовало солидной научной традиции. На протяжении всего XIX в. истолкователи американской истории занимали в основном сентиментальную, провиденциальную и националистическую позицию: сентиментальную, потому что непомерно преувеличивали значение национальной истории и значение некоторых великих личностей; провиденциальную, потому что многие тогдашние историки, вроде Джорджа Банкрофта, рассматривали существование и процветание Соединенных Штатов как единственный в своем роде пример божественного вмешательства в земные дела; наконец, националистическую в той мере, в какой авторы считали, что то, что хорошо для Соединенных Штатов, так же хорошо для всего мира; по их мнению, распространение американской политической власти и американских установлений на все страны обязательно будет для них благодетельным.

После 1890 г. появилась новая школа историков — более реалистических и объективных. Она развилась главным образом в университетской среде. На протяжении жизни двух поколений профессиональная историография стала более научной, в частности под влиянием нового восхищения некоторыми немецкими моделями. Это оказало влияние, притом зачастую весьма отрицательное, на литературный стиль авторов и нарушило связь между университетскими историками и читателями. Но в целом это влияние оказалось положительным.

С 1945 г. начался новый период. Большинство американских историков признало — правда, иногда с неохотой, — что научная традиция объективной историографии, возникшая в XIX в. в соответствии со знаменитым принципом Ранке, стремившегося описывать события так, «как это было на самом деле», не показывает одни только идеальные личности.

С того времени предпринимаются попытки заново определить принципы и методы демократической историографии;

однако пока еще слишком рано судить о достигнутых результатах.

Бесспорно, однако, одно, что за последние 20 лет американская историография завоевала право на уважение самых видных эрудитов всех стран. Было создано большое число крупных библиотек и собраны коллекции чрезвычайно ценных документов. Некоторые американские специальные периодические издания известны историкам всего мира.

Сами американские читатели проявляют все больше и больше интереса к истории. Рынок исторической литературы растет медленно, но верно. И этот рост распространяется на все жанры.

Есть, однако, и недостатки. Публика в основном интересуется современным периодом. Между тем мы уже упоминали о причинах, по которым университетские историки лишь изредка могут удовлетворить этот интерес: их труды носят очень специальный характер, зачастую их читать труднее, чем другие книги, ежегодно выходящие из печати во все возрастающих количествах.

В этом смысле можно даже говорить о настоящем интеллектуальном кризисе, который на нынешнем этапе своего развития переживает американская историография.

И этот кризис продолжается, хотя главное направление исследований охватывает не только «современную историю» в французском понимании термина, но и историю наших дней.

ТЕНДЕНЦИИ

Историки-журналисты и документальный очерк

Журналистский язык и журналистская техника оказали в Соединенных Штатах весьма важное влияние на исторические произведения, так же, впрочем, как и на все виды литературной деятельности. Специалисты знали об этом уже давно. С недавних пор это стало очевидным и широкой публике благодаря почти беспрецедентному успеху, который имел в области исторической литературы «Самый длинный день» Корнелиуса Райяна.

Конечно, не следует думать, что речь идет о совершенно новой эволюции. Небезынтересно проследить за истоками и описать зарождение направления, которое сделало в высшей степени актуальным определенный вид американских исторических работ и привело к появлению соперников и подражателей во многих странах. Ярким примером тому может служить громадный успех, которым пользовалась во Франции знаменитая серия «В тот день».

Начиная с середины XIX в. американская журналистика стала оказывать несомненное воздействие на политику и на

литературу. А сочетание этих двух влияний начало ощущаться в области истории.

Действительно, хотя к 1840 г. большинство американцев умело читать и писать, однако литературная традиция еще не была настолько развита, чтобы удовлетворять спрос. Это обстоятельство способствовало тому, что читатели пристрастились к прессе и у них выработался вкус к периодической литературе. Поэтому труд журналистов, этих историков текущих событий, стали в Соединенных Штатах лучше оплачивать и больше уважать, чем это обычно принято в Европе. Золотой век ежедневных газет, который в Европе охватывает период примерно с 1870 до 1920 г., наступил в Америке с 1850 г. и продолжался примерно до 1945 г. На протяжении этого столетия большинство крупных американских писателей учились журналистике и лишь затем иногда обращались к другим занятиям, сохраняя, впрочем, во многом типично журналистскую манеру мыслить и писать. Напротив, в Европе, в особенности в Англии, крупные органы печати стремились привлечь к сотрудничеству некоторых историков, потому что те обладали университетской подготовкой. Этим объясняется, в частности, что по традиции в Соединенных Штатах влияние журналистики распространилось на такие области, как история, в то время как в других странах можно было наблюдать обратный процесс.

Следует добавить, что, каким бы непосредственным и мощным ни было воздействие журналистики на литературу и политику, в области истории в собственном смысле слова оно начало ощущаться с запозданием.

До второй мировой войны, приведшей к сдвигу именно в этом направлении, можно отметить ряд характерных явлений, достойных того, чтобы на них остановиться.

Коммерческий литературный жанр

Прежде всего, множество биографий и исторических, или вернее псевдоисторических, очерков в XIX в. писали журналисты, а не литераторы, как это было в Европе. Даже когда эти работы стали пользоваться некоторым коммерческим успехом, они имели лишь преходящее значение.

Следует также напомнить, что до 1880—1890 гг. американские университеты не считали историю научной дисциплиной, а скорее литературным жанром. Лишь в конце века эта точка зрения изменилась и историю включили в число общественных наук. И еще сегодня, когда говорят об интересе к истории наших дней, делают упор на общественной «полезности» исторических сочинений. Это, конечно, привлекло внимание журналистики.

В результате ряд газет начал публиковать анализы трудов, написанных профессиональными историками, и даже об-

ращаться к другим историкам и заказывать им критические статьи, что соответствовало американской традиции, согласно которой обзоры специальных трудов писали авторитетные специалисты, мнение которых обычно в значительной мере влияет на успех и на сбыт книги.

Вскоре после начала XX в. такие газеты, как «Нью-Йорк таймс», стали всерьез относиться к своей роли историографов и в какой-то мере приняли на себя функции общественных архивов. Так, в этой газете был опубликован полный текст Версальского договора. Это был первый подвиг в области документального жанра, последним была публикация полного текста доклада Уоррена об убийстве президента Кеннеди. Он появился в 1964 г. в виде приложения карманного формата.

Действуя в этом духе, редакторы газет, сознающие свою ответственность перед публикой за освещение текущей истории, создали ряд почти исторических изданий, главным принципом которых должна была быть объективность. Так, после первой мировой войны одним из приложений «Нью-Йорк таймс» стал еженедельник «Каррент ивентс». Как видно из названия, он посвящен текущим событиям, то есть самой новейшей истории.

Профессиональные историки могли поэтому рассматривать прессу как один из наиболее серьезных источников исторических материалов, по крайней мере в Соединенных Штатах, где не действовали ни давление со стороны правительства, ни цензура и где множественность органов печати позволяла составить себе точное представление о всех возможных истолкованиях одного и того же события.

Уже с 1900 г. некоторые историки взяли за правило приводить передовые статьи газет в качестве важных источников, способных укрепить отношение общественного мнения к тому или иному историческому событию... иногда, впрочем, без должного учета сложного взаимодействия точек зрения прессы и читателей.

В течение последних десятилетий, особенно после 1945 г., на отношения между историографией и американской прессой начал оказывать влияние другой фактор — появление иллюстрированных журналов.

Стали даже утверждать, правда с некоторым преувеличением, что если в XIX в. мнение среднего американского читателя формировали ежедневные газеты, то современный американец черпает большую часть информации по новейшей истории из иллюстрированных журналов.

Это уже не те литературные еженедельники или альманахи, что процветали в прошлом веке, а органы информации, претендующие и на актуальность и на объективность. Наиболее влиятельный из них «Тайм» был основан в 1923 г. У него появилось много подражателей в большинстве западных стран.

Эти издания, отвечавшие высшему уровню интеллектуальной и литературной жизни, оказали воздействие, которое далеко выходит за рамки воздействия простой информации и может быть приравнено к влиянию книги. Эта эволюция коснулась как исторических исследований, так и исследований в области естественных наук, тем более что чтение громадного количества специальных журналов стало необходимостью для ученых и вообще для интеллигентных людей, стремившихся не отставать от жизни, причем они часто делали это за счет их прежней привычки черпать все сведения из книг.

Это новое и мощное влияние всякого рода иллюстрированных журналов вроде «Нью-Йоркер», «Харперс мэгэзин», «Эсквайр», многие из которых выработали свой собственный стиль (нередко кажущийся историку топорным, искусственным), оказало существенное воздействие на всю американскую культуру, но на исторических познаниях оно отразилось двояким образом.

Репортеры быстро сообразили, что они могут умножать источники своих доходов, особенно во время поездок за границу, если будут сперва собирать материал для серии корреспонденций, публикуемых в иллюстрированном журнале, а затем дополнять их сведениями общего характера об основных проблемах и современной истории стран, которые им довелось изучать.

В результате появился ряд книг, представляющих некоторый интерес. Обработка текста не представляет трудностей, потому что крупные американские журналисты обладают определенным литературным мастерством.

Продолжая в том же духе, они смогли также, пользуясь аналогичными методами, опубликовать в Соединенных Штатах или за границей книги о некоторых наиболее значительных периодах истории.

Эти книги, написанные журналистами, вовсе не ограничиваются поисками сенсаций. Зачастую в них собран значительный документальный материал. И хотя число их возросло, а ценность довольно преходяща, их уровень тем не менее намного выше, чем сентиментальные россказни американских журналистов прошлого века.

Одним из классических произведений этого жанра, сочетающим историю местной политики с экономической историей и с соображениями общего характера, можно считать книгу Джона Гантера «Паспорт для въезда в США», успех которой во многих странах создал ей прочную репутацию.

Описательный «документальный очерк»

Влияние, оказываемое стилем, а также престижем некоторых иллюстрированных журналов (особенно «Нью-Йоркером», основанным в 1925 г.), привело к появлению нового

жанра — «документального очерка», в журналистской манере восстанавливающего историческое событие. В нем писатель, обладающий обычно некоторым литературным талантом, старается воспроизвести обстановку и обстоятельства исторического события, пользуясь воспоминаниями очевидцев и приводя большое число точных деталей.

Неудивительно, что этот в высшей степени «демократический» метод зародился в Соединенных Штатах. Профессиональные историки считают его поверхностным, так как он исключает всякое исследование причинности. Из двух вопросов, на которые обязан ответить историк — как и почему? — эти работы останавливаются только на первом, но зато отвечают на него самым подробным образом. Примеров этого жанра сколько угодно, от «Бастонь» (Толанд) до «Горит ли Париж?» (Лапьер и Коллинс). Такие документальные очерки, не затрагивающие, за исключением отдельных намеков, главной задачи историка — объяснения фактов, — представляют собой тем не менее прямую противоположность популярным повествованиям, которые прежде были в таком фаворе (не говоря уже об историческом романе) и в которых одно лицо играло главную роль, в то время как великие движения масс оставались в тени. Новый жанр, напротив, требует, чтобы главную роль играла История, в то время как многочисленные персонажи дают ответы на вопросы, поставленные автором. Речь идет, бесспорно, о весьма своеобразном жанре, находящемся на стыке между историей и литературой, хотя авторы обладают научным подходом и проявляют большую заботу о документальности.

Можно даже утверждать, что это является последним выражением в журналистской форме уже упомянутого принципа Ранке, согласно которому историография должна описывать так, «как события происходили в действительности». В той мере, в какой профессиональные историки частично отбрасывают этот принцип, они укоряют журналистов, что те в произведениях этого жанра не учитывают в должной мере ограничений и сложностей, неизбежных при воспроизведении событий, которые они считают своей главной задачей.

Прообразом таких исследований можно считать написанную немецким романистом Франком Тиссом перед второй мировой войной «Цусиму», повествующую о насыщенном событиями походе русского флота и о трагическом разгроме его японскими военно-морскими силами в 1905 г. Но одним из первых и наиболее знаменитых примеров этого жанра является книга американского романиста и журналиста Джона Херси «Хиросима». Она была опубликована в нескольких номерах журнала «Нью-Йоркер», а затем вышла отдельным томом в 1946 г.

И все же наиболее прославленным остается «Самый длин-

ный день» Корнелиуса Райяна. Этот солидный труд имеет мало общего с более сенсационными, но чрезвычайно поверхностными документальными очерками, написанными Джимом Бишопом или Джеймсом Миченером.

Университетские ученые отнюдь не склонны недооценивать наиболее серьезные из этих трудов. Но, как это ни парадоксально, главная заслуга некоторых журналистов-историков заключается в литературных достоинствах изложения, а не в самом методе воспроизведения исторических событий. Самый положительный итог их деятельности заключается, однако, в том, что им удалось перебросить временный мост через все более углубляющуюся пропасть между работами американских университетских историков и читателями. Удивительно, что эта пропасть в настоящее время более глубока в американской демократии, чем в большинстве европейских стран.

Успех, которым пользовались у публики наиболее удачные попытки журналистского воспроизведения истории как в Соединенных Штатах, так и в Европе, является иллюстрацией одного из самых положительных аспектов эволюции западной демократической культуры: все более отчетливое стремление к познанию исторической истины.

33. ПРАВО

ИСТОЧНИКИ И ТЕОРИИ

В духе английской философии

Имеется не одна, а несколько американских правовых систем. Политическому и конституционному федерализму соответствует федерализм юридический. Каждый штат США обладает собственной юридической системой. Тем не менее можно считать, что на национальном уровне среди юристов существует своего рода общность мышления, вызванная единообразием культуры и образа жизни. Кроме того, различные американские правовые системы в большинстве своем близки английской системе: юридические категории и сама терминология идентичны в Англии и в Соединенных Штатах. Теория источников права в основном одна и та же в обеих странах, в которых юридические прецеденты и общее право в бо́льшей степени, чем писаные законы, определяют новые решения юстиции. Таков общий знаменатель, на который обычно ссылаются, когда говорят об американском праве.

Тринадцать английских колоний Америки приняли, однако, британское общее право не с самого момента их основания, а только в XVIII и XIX вв., когда новые условия жизни вызвали потребность в развитой юридической регламентации. Поскольку верхи интеллигенции и местные юристы были воспитаны на английской школе, они, вполне естественно, сразу же обратились к британской системе. Действительно, за короткий срок английское право было принято в Америке. Его приняли не только бывшие колонии, которые находились прежде под властью англичан, но и большинство новых штатов, таких, как Флорида, Аризона, Калифорния, Нью-Мексико, Техас, Юта, Аляска, которые были когда-то колониями Испании, Мексики или России. Это восприятие не было, однако, единообразным. Каждый штат, в соответствии с федеральной конституцией 17 сентября 1787 г., сам устанавливал свое законодательство. Так, Луизиана, где прежде руководствовались сводом парижских обычаев, а затем испанским правом, в 1803 г. отказалась ввести у себя общее право, чуждое мышлению жителей. Соседние провинции сперва заняли такую же позицию. Но их оппозиция продолжалась недолго, и в конце концов они приняли общее право. В наши дни Луизиана — единственный штат, который до сих пор отказывается от него. Там в силе юридическая система, сходная с французской.

16 Зак. 36

Таким образом, можно констатировать, что для всех штатов, за исключением одного, источником американского права является британское общее право как в области судебной практики, так и в области обычного права. В отдельных случаях оно дополняется писаным правом. В Луизиане, напротив, основное значение имеют письменные правовые предписания.

Хотя источником американского права и было английское право, американское право стало постепенно отходить от него, поскольку Соединенные Штаты — независимое государство. Так, в США письменное право ныне имеет большее значение, чем в Англии. Кроме того, американский судья в значительной мере подорвал авторитет «прецедента»: высшие судебные инстанции и даже Верховный суд иногда не останавливаются перед пересмотром своих прежних решений. К тому же, поскольку каждый из 50 штатов обладает законодательным и юридическим суверенитетом, отдельные юридические системы внутри самих Соединенных Штатов стали отличаться друг от друга.

Это разнообразие, которое представляет некоторую ценность с точки зрения местного партикуляризма, приводит, однако, иногда к неудобствам для руководства юстицией. Действительно, в результате такого разнообразия возникают многочисленные и частые противоречия между законами. В связи с этим предпринимались попытки унифицировать американское право. По некоторым вопросам эти усилия привели к принятию общегосударственных законов, которые были включены в законодательство большинства штатов. В 1944 г. в Соединенных Штатах насчитывалось 74 таких закона. Они касаются главным образом различных проблем частного права.

Но, наряду с двумя более или менее незыблемыми источниками, какими являются общее право (то есть совокупность обычаев и судебных прецедентов) и, в виде исключения, писаный закон, в Соединенных Штатах существует и третий, правда очень зыбкий, источник права: англосаксонское право справедливости. Его можно в известной мере приравнять к понятию права справедливости в европейской системе. Это — своего рода преторианское право, позволяющее судье решать некоторые новые и не терпящие отлагательства вопросы, не считаясь ни с традициями, ни с чисто юридическими принципами. Пользуясь народным выражением, можно сказать, что при применении права справедливости зачастую грушу разрезают пополам, то есть идут на компромисс, в то время как при строгом соблюдении правовых норм следовало бы присудить всю грушу одной из тяжущихся сторон. Право справедливости в настоящее время имеет лишь историческое значение в Англии, являющейся его подлинной родиной; оттуда оно было перенесено в Соединенные Штаты: суды, которым было

специально поручено отправлять правосудие, основываясь, помимо обычной юрисдикции, на праве справедливости, были упразднены законом 1873 г. Но выработанные ими правила сохранились, и суд, накладывающий арест на имущество, обязан принимать их во внимание как самостоятельный источник права.

В Соединенных Штатах право справедливости послужило основой для создания целого ряда новых институтов. Один из них, именуемый «распоряжение имуществом по доверенности», оказывает воздействие на множество правоотношений.

Распоряжение имуществом по доверенности является одним из наиболее важных понятий американского права. Оно позволило, например, замужней женщине избавиться от старинного подчинения власти мужа, предписываемого общим правом, и добиться той полной и неограниченной юридической правоспособности, которой она пользуется в настоящее время.

Наконец, существует еще один источник американского права, общий для всех трех вышеупомянутых «позитивных» источников и лежащий в их основе, а именно — естественное право. «Американское право в своей начальной стадии развивалось в английской традиционной философской атмосфере: в атмосфере веры в естественное право, являющееся источником всякого позитивного права и защитником человеческих свобод. Позднее, после Гражданской войны, оно стало более позитивистским под воздействием различных влияний как политического характера, так и теоретического и основывалось главным образом на немецких доктринах и на доктринах Остина. С этого времени американская доктрина остается в целом позитивистской, но с оттенками, породившими различные школы, и с раскольническим течением, верным естественному праву... В стране, где суды являются основными органами, разрабатывающими нормы права, судья должен прежде всего принимать во внимание доводы разума, если он верит в незыблемость права и общественную обусловленность своего решения, поскольку ему известна обусловленность позитивного права. Не подлежит сомнению, что такая движущая сила судебного решения наиболее непосредственно и наиболее сильно подрывает авторитет прецедентов» [1].

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРИНЦИПЫ

Зеркало экономических и политических принципов

Преамбула американской конституции 1787 г. гласит, что народ Соединенных Штатов, являющийся носителем суверени-

---

[1] André et Suzanne Tunc, Le Droit des États-Unis d'Amérique, sources et techniques, Paris, 1955, p. 326—327, 202.

тета и источником всякой власти, желает данной конституцией утвердить свои основные права; тем самым он желает всеобщего благосостояния — в настоящем и будущем — и обеспечения себе и своему потомству благ свободы. Различные главы текста самой конституции и в особенности 10 поправок, которые составляют знаменитую американскую «Декларацию прав», подтверждают и уточняют эти принципы.

Так, за всеми гражданами независимо от того, в каком штате США они живут, признается равенство привилегий и льгот (ст. IV, раздел 2; ст. XIV, поправка 1865 г.); принятие какой-либо религии и свободное ее исповедание не могут быть предметом никакого закона; свобода слова, свобода печати, свобода объединений и свобода обращаться с петициями к правительству не могут подвергаться никаким ограничениям (ст. I, поправка 1791 г.); принцип равенства должен соблюдаться во всех областях жизни граждан (ст. V, VI, VIII, поправка 1791 г.); упраздняются всякое рабство и всякие подневольные работы (ст. XIII, поправка 1865 г.); право голоса признается за всеми без различия расы, цвета кожи, пола, в том числе и за теми, кто прежде находился в рабстве (ст. XV, поправка 1870 г.; ст. XIX, поправка 1920 г.); право частной собственности торжественно гарантируется, и в случае отчуждения владельцу должно быть обеспечено справедливое вознаграждение (ст. V, поправка 1791 г.).

Таковы политические и экономические принципы, которые характеризуют американское общество, порожденное промышленной революцией конца XVIII и начала XIX в. В политической области они претворяются в жизнь режимом представительной демократии; в экономической области — свободным предпринимательством и экономикой, зависящей только от законов рынка. В то время как страны Западной Европы, прошедшие через ту же революцию и затем ставшие ареной острых социальных конфликтов, вызванных некоторыми внутренними противоречиями их экономического строя, оказались вынужденными отказаться от части основных принципов этого строя, Соединенные Штаты, несмотря на ряд трудностей, остались верны первоначальному либерализму, от которого зависело благоденствие страны.

Андре Зигфрид с полным на то основанием сохранил в переиздании книги, считающейся ныне классической, то, что он писал непосредственно после первой мировой войны: «Американский рабочий — самый высокооплачиваемый рабочий во всем мире; его жизненный уровень намного превышает жизненный уровень аналогичных классов любой другой страны. Эта разница в жизненном уровне, заметная уже до войны, а с тех пор еще более возросшая, является в настоящее время доказательством экономического контраста между Старым и

Новым Светом»[1]. Эта констатация по-прежнему соответствует действительности. Такое сочетание демократических принципов с широко распространенным материальным благополучием в условиях либеральной экономики придает американским юридическим установлениям конкретную силу, необходимую для их действенного применения.

Действительно, политические и экономические принципы, являющиеся основой и опорой американского общества, самым естественным образом отражаются на его гражданском праве, так же как это право отражается на них. Ведь гражданское право любого народа является зеркалом, в котором отражаются движение и пульсация политических и этических нравов и экономическая деятельность. Чтобы убедиться в этом, достаточно вкратце ознакомиться с некоторыми из его предписаний.

Прежде всего, право собственности гарантируется в нем практически без всяких ограничений и без всякой разницы между собственностью на так называемые средства производства и прочей собственностью ни в отношении размеров, ни в отношении количества. Единственные ограничения — это те, которые неизбежно вызываются условиями общественной жизни: уважение к аналогичному праву другого лица, обязанность платить государственные налоги, отчуждение ради общественной пользы при обязательной уплате справедливого возмещения (см. гл. 4). Установление частной собственности имеет целью благоприятствовать развитию инициативы и трудолюбия; ее назначение и в том, чтобы не допускать в области производства гипертрофии бюрократии, которая тормозила бы именно эту инициативу и отрицательно влияла бы на трудовое усердие.

Но частная собственность не обладала бы этими преимуществами, если бы она не сопровождалась договорной свободой. Американский юрист Гриффитс комментирует договорную свободу следующим образом: «Договор является важным орудием, присутствие которого чувствуется почти во всех человеческих начинаниях и которое, так сказать, принимает участие во всех отраслях материального права»[2]. В американском гражданском праве эта свобода является полной. Ее ограничивают только потребности общественного порядка и добрые нравы, а также некоторые условия, необходимые для проявления этой свободы и предусмотренные в ее собственных интересах: свободное согласие, отсутствие обмана, законность предмета договора. Но в еще большей степени, чем договорная свобода, принцип абсолютного уважения свободно заклю-

---

[1] André Siegfried, Les États-Unis d'aujourd'hui, Paris, 1951, 19 ed., p .150.

[2] A. Griffith, Outlines of the Law, Indianapolis, 1950, p. 190.

ченных договоров обеспечивает необходимую надежность в частных деловых операциях, без которой они не соответствовали бы потребностям либеральной экономики и торговли.

Эмансипация замужней женщины, соответствующая основному принципу равенства, имеет наряду с ее политическим и чисто человеческим значением и значение для национальной экономики: полная юридическая и договорная правоспособность позволяет женщине беспрепятственно и без задержек, связанных с получением разрешения от мужа, заниматься торговыми операциями. Это юридическое право совершать коммерческие сделки приносит пользу всей экономической системе.

В числе главных аспектов американского права следует, наконец, упомянуть наследственное право. Передача наследства регламентируется в той мере, в какой она должна поощрять дух личной инициативы, не снижая потребности граждан к деятельности: ограниченный характер категорий законных наследников препятствует обогащению лиц, более или менее чужих для семьи умершего; закрепление части наследства, предназначенного законным наследникам, ограничивает в том же направлении свободу завещателя и в то же время обеспечивает прожиточный минимум наиболее близким родственникам завещателя. Взимание довольно высокого налога на наследство объясняется стремлением не допустить возможности обогащения отдельных лиц сверх определенного предела без всяких к тому личных заслуг (см. гл. 4). Эти юридические правила обеспечивают в числе многих других соблюдение на практике политических и экономических идеалов американского общества.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Упразднение смертной казни в 11 штатах

Глубокий оптимизм американцев в отношении природы человека нашел отражение в их уголовном праве. Правда, если не существует «одного» единого гражданского права, то по тем же причинам нет и «одного» уголовного права, действующего на всей территории США. Тем не менее законы дают в основном единообразные определения правонарушений и налагают примерно одинаковые кары, несмотря на различия в деталях между законодательствами отдельных штатов.

Что касается наказаний, то необходимо отметить, что 11 штатов упразднили смертную казнь. Это — Аляска, Гавайи, Айова, Мэн, Мичиган, Миннесота, Северная Дакота, Орегон, Род-Айленд, Западная Виргиния и Висконсин.

В наши дни в Соединенных Штатах судебный приговор не носит характера искупления, как было в прежние времена.

В стране социологов и психоаналитиков криминалисты быстро усвоили современные теории предупреждения правонарушений и исправления правонарушителей; согласно этим теориям, наказание не только должно временно изолировать правонарушителя от общества, но и вернуть его опять в это общество.

В отношении бывших правонарушителей и лиц, которые особенно легко поддаются антисоциальным влияниям, принимаются предупредительные меры. В обоих случаях имеются в виду потенциальные преступники или возможные правонарушители. В Соединенных Штатах их стремятся воспитать или перевоспитать. Если речь идет о подростках, то система школьного обучения в значительной степени уже играет эту роль. Личные контакты между учителями и учениками, занятия спортом, игры могут считаться в дополнение к самой учебе такими предупредительными мерами. Но государство и само специально вмешивается в это дело. Например, в 1945 г. штат Нью-Йорк создал комиссию по делам молодежи. Эта комиссия разработала целую программу деятельности, включающую социальную службу, центр диагностики и распознавания возможных правонарушений, службу розыска правонарушителей, отделение полиции для оказания помощи молодежи и службу подготовки кадров для этой комиссии.

Что касается взрослых, заподозренных в склонности к совершению преступлений, то по отношению к ним психотерапевты очень широко применяют воспитательные методы, дополняя их иногда другими средствами. Действительно, нарушения психики зачастую бывают следствием невежества или неверных идей. Это особенно часто бывает с лицами из низших слоев общества. Их знания в отношении способа правления, общества, вопросов пола обычно весьма неполны или искажены. Лечащий персонал в таких случаях рекомендует правонарушителю (действительному или потенциальному) ознакомиться с реальным положением вещей и снабжает его точными сведениями о свойствах его личности и о мотивах его поступков.

Такое воспитание или перевоспитание не всегда проходит гладко, в особенности когда дело касается рецидивистов. Лица, подвергающиеся такому лечению, зачастую занимают враждебную позицию по отношению к лечащему персоналу, так как видят в нем олицетворение государственной власти, которая в их глазах всегда является орудием угнетения. Поэтому подобная работа требует большой тактичности. Кроме того, зачастую, в особенности когда дело имеют с молодыми людьми, прибегают к внушению и к убеждению, а также к так называемой экспрессивной терапии. Она заключается в том, что человека побуждают к беседе в присутствии благожелательного свидетеля. Она оказывает положительное воздействие при

нервной депрессии и состоянии тоски. Дело в том, что для того чтобы пациент мог восстановить свое психическое равновесие, ему необходимо научиться выражать или ясно излагать свои заботы и свои трудности. В этом ему помогают групповые методы (психодрамы, социодрамы). Наконец, если все эти лечебные приемы не оказывают воздействия на действительного или потенциального правонарушителя, к нему можно применять методы экспериментального характера, такие, как гипнотерапию или наркотерапию, которые могут преодолеть упрямство пациента или сделать его более поддающимся воздействию. Одновременно применяют успокоительные средства и транквилизаторы, в особенности по отношению к шизофреникам и психопатам.

Большинство предупредительных мер носит одновременно исправительный характер. Но применяются и меры, направленные только на исправление: групповая терапия (объединение нескольких человек в одну группу) имеет целью развить у правонарушителей чувство общительности и предусматривает, в частности, беседы о нравственности или о религии, которые в принципе должны проводить служители культа; изменение окружающей обстановки и перемена места жительства, смена соседей, коллектива, часто связанная с переменой работы, или смена учебного заведения — для юных правонарушителей, которые еще не закончили школы.

Исправительные меры применяются также в ходе следствия и во время отбывания наказания. В соответствии с современными теориями, наказание должно обеспечить одновременно и возможность перевоспитания правонарушителя и защиту общества. В большинстве случаев для облегчения этой защиты требуется лишь, чтобы виновный был лишен возможности причинять вред.

Несмотря на горячие споры, в некоторых штатах еще существует смертная казнь. Сохранение ее основывается на идее «примерного наказания», родственной понятию социальной мести, от которой в наши дни, к счастью, отказалась юстиция, если не частные лица. Отмечают, что если в 1930 г. было 167 случаев применения смертной казни, то в 1964 г. эта цифра уменьшилась до 15 и что штаты, не упразднившие до сих пор смертную казнь, стараются не применять ее. В Массачусетсе, например, не было смертных казней с 1947 г., в Нью-Гэмпшире — с 1939 г. и т. д.

Ныне наблюдается тенденция рассматривать убийцу как ненормального субъекта, который заслуживает скорее не смертной казни, а психиатрической больницы или, во всяком случае, тюремного заключения. Действительно, тюрьма дает возможность заняться воспитанием и даже обучением или профессиональной переподготовкой осужденных; они работают, получая заработную плату, что облегчает обратное включение

их в общество. Одновременно стараются развить у них чувство гражданственности; кроме того, их поощряют заниматься спортом, что помогает им вновь обрести физическое и душевное равновесие. Если заключенный удовлетворительно ведет себя в течение известного времени, его условно освобождают из тюрьмы. Убийца, освобожденный под честное слово, практически никогда больше не убивает.

Эти меры бывают эффективны в отношении далеко не всех правонарушителей. Но во многих случаях они позволили добиться положительных результатов. Этого достаточно, чтобы признать их полезность.

Спорт и туризм

34. ОРГАНИЗАЦИЯ СПОРТА

СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ

Наследие английской традиции

Ввиду отсутствия федерального министерства спорта, национальных федераций и спортивных членских билетов в Соединенных Штатах очень трудно подсчитать количество спортсменов. Для этого существует только один более или менее надежный критерий: число зрителей и сумма сборов.

Американцы в настоящее время расходуют ежегодно примерно 350 млн. долл. на посещения всякого рода спортивных соревнований.

Эта цифра, принимая во внимание обилие у американцев досуга, должна рассматриваться с учетом репортажей, передаваемых по телевидению, которые оказывают на зрителей двоякое и притом противоречивое воздействие. С одной стороны, эти передачи удерживают болельщиков дома, избавляя их от необходимости посещать стадионы. Но с другой — телевидение способствовало развитию живейшего интереса к спорту в таких слоях населения, которые прежде не уделяли ему внимания. Именно этим объясняется тот факт, что женщины составляют в настоящее время треть публики, заполняющей трибуны стадионов во время соревнований по профессиональному футболу (американскому).

По воскресеньям нередко по 3 основным программам телевидения спортивные передачи продолжаются в общей сложности 12 часов. Считают, что 28 млн. телевизионных приемников включаются во время передач, посвященных финалам чемпионата по бейсболу. Только итоги президентских выборов привлекают большее число телезрителей.

Телевизионные репортажи посвящены не только крупным классическим видам спорта — легкой атлетике, теннису, футболу и регби, но и соревнованиям по роликовым конькам, парашютному спорту, гольфу или поло. Местные телевизионные станции передают любительские или школьные соревнования на уровне города или провинции.

Пресса играет в области спорта традиционную роль, как и во всех странах мира. Кроме спортивных страниц, существующих почти во всех органах печати, и в особенности в 125 крупнейших ежедневных газетах страны, издается ряд спортивных еженедельников. Самый известный из них «Спортс иллюстрейтед» выходит тиражом 1 100 000 экземпляров. Шесть других

посвященных спорту крупных периодических изданий насчитывают вместе 5,6 млн. читателей.

Что касается самих спортсменов, то с 1956 по 1965 г. общая численность их возросла в 6 раз по тем же причинам, по которым увеличилось число зрителей: больше досуга и широкое распространение спортивных знаний через мощные средства информации, в первую очередь через телевидение. Ниже мы приведем приблизительный подсчет численности спортсменов по каждому отдельному виду спорта.

По данным Чикагского института атлетики, виды спорта, которыми занимаются в Соединенных Штатах, располагаются в следующем порядке: велосипедный спорт (тут следует, однако, сделать оговорку в том смысле, что велосипед используется для развлечения, а не только для спортивных целей), кегли, волейбол, парусный и гребной спорт, рыбная ловля, роликовые коньки, софтбол *, пинг-понг, бильярд и стрельба. Конечно, здесь частично речь идет о развлечениях и играх, которые не всегда считаются спортивными. Но они дают представление о том, какие виды причисляются в Соединенных Штатах к спорту и каким успехом они пользуются.

Если же придерживаться более ортодоксальных спортивных категорий, то главными видами окажутся (по порядку): баскетбол, бейсбол, теннис и легкая атлетика. Что касается спорта вообще, то его успех связан и с тем фактом, что американские школьники унаследовали английскую традицию, поощряющую спортивную тренировку в годы учебы. К этому следует добавить и ряд национальных факторов: дух соревнования, унаследованный от героических времен «границы», забота о совершенствовании спортивной техники, проявляемая главным образом молодыми инструкторами и тренерами, высокое качество спортивного инвентаря. Добавьте еще возможность ежедневно бесплатно пользоваться содержащимися в полном порядке современными спортивными сооружениями. С самых юных лет большинство молодых американцев чуть ли не ежедневно занимаются спортом. Преподаватели физкультуры и тренеры школьных команд часто являются студентами университетов или же профессионалами, специально приглашаемыми для занятий с командами учебного заведения после окончания уроков.

В высших учебных заведениях опытные тренеры работают при поддержке целого штаба советников и администраторов под общим руководством директора по спорту.

Школьные чемпионаты и соревнования, проводимые на местном и региональном уровне, поддерживают спортивный дух и позволяют производить отбор на широкой основе.

---

* Разновидность бейсбола для закрытых помещений. Играют мягким мячом. — *Прим. ред.*

Считают, что молодые спортсмены теперь уделяют больше времени тренировкам, чем олимпийские команды до второй мировой войны.

Успехи американских спортсменов на международных соревнованиях многие специалисты объясняют не только интенсивными тренировками, но и прогрессом диэтетики, позволившим разработать полезный чемпионам режим питания: пища, богатая протеинами, витаминами и кукурузным маслом. Такой рацион лучше обычного питания населения, и без того более рационального, чем в прежние времена, как об этом свидетельствует статистика потребления.

Этот прогресс, по-видимому, и является причиной великолепного физического развития молодых американцев; например, в школьных и университетских баскетбольных командах насчитывается более сотни игроков ростом выше 6 футов 5 дюймов (примерно 2 метра). Наконец, следует отметить, что молодые люди соблюдают строгую дисциплину: школьные и университетские пловцы обязаны каждое утро, до начинающейся в 8 часов первой лекции или урока, подолгу тренироваться в своем бассейне; бегуны ежедневно тренируются с гирями и гантелями; теннисисты часами жмут в ладони маленький резиновый мяч и т. д. И все должны ложиться спать в 9 часов вечера.

Благодаря взаимодействию этих разнообразных факторов шестнадцатилетние юниоры зачастую на школьных соревнованиях прыгают на 2 *м* 10 *см* и могут по 4 раза в день пробегать 1000 ярдов: в 9 часов утра — на отборочных забегах; в полдень — на четвертьфинальных; в 17 часов — на полуфинальных и в 21 час — на финальном забеге.

Как правило, атлеты по окончании учебы перестают выступать в соревнованиях. Действительно, отбор большинства чемпионов происходит в вузах. Отбор этот облегчается тем, что треть молодых американцев по завершении среднего образования поступает в высшие учебные заведения (см. гл. 6 и 7). Утверждают даже, что некоторые колледжи и университеты с большей снисходительностью принимают студента, если он проявляет исключительные способности в области спорта. Кажется, что этот упрек вполне обоснован.

ИНФРАСТРУКТУРА

Децентрализация мешает статистике

Для организационной структуры большинства популярных в Соединенных Штатах видов спорта характерна разобщенность. Существуют самые разнообразные ассоциации, клубы и федерации, проводящие соревнования и чемпионаты. Имеются, например, 2 главные федерации, которые руководят

большей частью американского любительского спорта: «Нейшнл колледжиэйт атлетик ассошиэйшн» (NCAA), объединяющая 613 университетских спортивных учреждений и организаций, и «Аматёр атлетик юнион» (AAU), насчитывающая 150 тыс. членов. Каждая из этих федераций делится на «отделения», занимающиеся определенными видами спорта. Но в Соединенных Штатах трудно найти что-нибудь соответствующее европейским спортивным федерациям. Существуют самые различные группировки, именующие себя ассоциациями, лигами, конгрессами, конференциями и т. д. Некоторые занимают привилегированное положение благодаря проводимой ими работе и ощутимости результатов их деятельности (централизация данных, регистрация рекордов и т. д.). Тем не менее их никоим образом нельзя считать официальными организациями.

Каждая группировка ежегодно проводит собственные чемпионаты. Победители меряются силами во время встреч, в которых, когда производится отбор для олимпийских игр, участвуют также армейские чемпионы. Иногда они соревнуются за звание чемпиона Соединенных Штатов.

Разыгрывается бесчисленное количество чемпионатов по футболу, баскетболу, бейсболу и боксу, в которых участвуют спортсмены всех возрастных групп (иногда начиная с детского сада). Их финансируют местные власти, частные лица или промышленность. Молодежные клубы, которых насчитывается множество, находятся под опекой религиозных или светских организаций. Некоторые не преследующие коммерческих целей организации выделяют стипендии для иностранных спортсменов, чтобы они могли проходить тренировку в Соединенных Штатах. Из-за крайней децентрализации трудно привести какие-нибудь цифры. Однако в 1966 г. отмечали, что насчитывается примерно 2 тыс. спортивных ассоциаций, полностью или частично субсидируемых какой-либо отраслью промышленности.

Она является лучшим клиентом предприятий, изготовляющих спортивный инвентарь. Только одна авиационная фирма финансирует, например, более 100 бейсбольных команд, 90 баскетбольных команд и обеспечивает легкоатлетическую тренировку всех детей своих служащих.

Соревнования проводятся по соглашению между различными спортивными организациями, обычно в рамках AAU или NCAA, а зачастую также по традиции или в соответствии с географической близостью. Так, насчитывается 5 «больших» финалов розыгрышей кубков по американскому футболу, проводимых в конце университетского учебного года. Всем им придают определенное значение, и каждый собирает более 100 тыс. зрителей. Чемпионатов и турниров проводится множество, но зачастую они очень распылены. Федерального ми-

нистерства спорта не существует. Однако существуют спортивные комиссии на уровне штатов или населенных пунктов. Впрочем, структура их весьма различна. Для некоторых видов спорта имеются также частные национальные ассоциации, деятельность которых распространяется на всю территорию Соединенных Штатов. Есть, конечно, и Олимпийский комитет. Из-за обширности американской территории и ярко выраженного пристрастия американцев к свободным децентрализованным объединениям ассоциации, чемпионаты и т. д. носят чаще всего региональный характер. За исключением некоторых отдельных видов спорта, как, например, легкой атлетики, нет такого коллектива, который можно было бы назвать командой Соединенных Штатов, вроде того, как во Франции в каждом виде спорта есть команда Франции. Стоит отметить, что «чемпиона года» в ряде видов спорта избирают 2 жюри, состоящих из спортивных журналистов и тренеров и пользующихся покровительством двух крупных агентств печати — Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс интернейшнл.

Итак, создается впечатление, что в развитии спорта царит большой беспорядок. Тем более любопытно, что наиболее талантливые спортсмены немедленно привлекают к себе внимание и что уровень спортивных достижений очень высок, как об этом свидетельствует победа американцев на Олимпийских играх в Токио. Выводы, которые можно из всего этого сделать, также носят противоречивый характер. Некоторые считают, судя по результатам, что предоставление инициативы множеству групп и организаций настолько соответствует американской философии, что не следует перестраивать эту систему. Другие, в особенности за границей, задают себе вопрос, не добились ли бы американцы еще более выдающихся успехов, если бы создали централизованную организацию. Как бы то ни было, структура страны такова, что в области спорта, как и в (почти смежной) области образования, трудно, по-видимому, добиться унификации в национальном масштабе.

Что касается финансирования этого громадного аппарата, который не получает никаких правительственных субсидий, то доходы от продажи входных билетов покрывают часть расходов на наем помещений, на инвентарь, на оплату тренеров и поездок по Соединенным Штатам. Остальное обеспечивается добровольными дарами и за счет бюджета самих учебных заведений. Для оплаты поездок за границу (включая организацию Олимпийских игр) производятся сборы пожертвований; в экстренных случаях правительство предоставляет займы, оплата которых гарантируется выручкой.

На стадионах и в гимнастических залах

Иностранных посетителей зачастую поражает колоссальное число молодежи и взрослых, занимающихся различными

17 Зак. 36

видами спорта на любых пустырях, в тупиках, в парках, на более или менее оборудованных площадках для игр и т. д., так же как и на стадионах и в гимнастических залах.

Так, муниципальные власти, школы, университеты, религиозные организации, промышленные и коммерческие предприятия предоставляют в постоянное и бесплатное пользование спортсменов оборудованные всевозможным инвентарем площадки.

В Нью-Йорке, например, имеется 1000 баскетбольных команд, над которыми шефствует... полиция, стремящаяся переключить агрессивные инстинкты потенциальных молодых хулиганов на соревнования и проводящая таким путем общественную работу.

53% начальных школ имеют гимнастические залы; в средних школах насчитывается 20 тыс. гимнастических залов. Во многих средних школах устроены также плавательные бассейны и даже стадионы; другие обеспечивают своим ученикам доступ на один из местных стадионов. Действительно, существует множество местных стадионов, построенных и содержащихся на средства муниципалитетов. Каждый имеет как минимум бейсбольную площадку, нередко также футбольное поле и теннисные корты. Большинство муниципалитетов предоставляют публике плавательный бассейн и площадки для игр. 91 большой университетский стадион, 29 муниципальных стадионов, 19 площадок для чемпионатов по бейсболу и две общеспортивные арены вмещают более чем по 20 тыс. зрителей. Наиболее крупные стадионы имеют по 100 тыс. мест и больше; один из них рассчитан на 132 тыс. зрителей. Стадионы меньших размеров насчитываются сотнями. Большие матчи американского футбола проводятся на университетских стадионах в присутствии более чем 100 тыс. зрителей. Некоторые стадионы оснащены смонтированными на рельсах передвижными, хорошо оборудованными трибунами. Их устанавливают (вместе с эскалаторами), когда нужно разместить большое число зрителей. Хьюстонский стадион имеет большой купол, защищающий от любой непогоды 45 тыс. человек. Матчи по футболу, поло и бейсболу проводятся там на искусственной нейлоновой траве, составленной из полос шириною примерно по 5 *м*.

Среди тренировочного инвентаря имеются аппараты для улучшения техники и для повышения спортивных достижений атлетов, о которых недавно еще и не смели мечтать: бегуны тренируются на самодвижущихся тротуарах, пловцы изучают свой стиль и исправляют свои ошибки, просматривая фильмы, заснятые под водой методом замедленной съемки во время их выступления, и т. д.

Серийное производство позволяет значительно снизить цены на инвентарь и оборудование. Растет, например, число ча-

стных бассейнов на лужайках у пригородных домов (их насчитывалось 664 тыс. в 1964 г.). Стоимость их за 4 года снизилась на 45%. Бетонный бассейн с вышкой для прыжков и с автоматической сменой профильтрованной воды обходится не дороже обычной легковой машины.

ЛЮБИТЕЛИ И ПРОФЕССИОНАЛЫ

В зените славы на довольно короткий срок

В Соединенных Штатах в наиболее «коммерческих» видах спорта выступает известное число спортсменов-профессионалов (это относится, например, к боксу и бейсболу, которые привлекают громадные толпы зрителей и делают большие сборы).

Встречи профессионалов устраивают частные организации. Но их деятельность находится под некоторым контролем со стороны спортивных комиссий штатов или местных властей, а также крупных национальных ассоциаций. Так, любителя дисквалифицируют, и он становится профессионалом, если зарабатывает деньги спортом (например, в качестве тренера) или хотя бы встречается на состязании с профессионалом.

Американские профессионалы — это обычные люди, для которых спорт является в той или иной форме их профессией. Большинство из них являются или становятся тренерами. А после того, как проходят дни славы, многие с помощью денег, которые они заработали благодаря своей репутации, превращаются во владельцев фирм спортивных товаров.

Чаще всего дают пищу газетам своей несдержанностью и своими приключениями боксеры. Так было с Реем «Шугэром» Робинсоном и Кассиусом Клеем, который все время заставляет говорить о себе и мечется между экстремистским движением черных мусульман и сторонниками ненасильственных действий, что для боксера несколько неожиданно.

Большинство спортсменов — любители. Хотя точное число их определить невозможно, выражается оно десятками миллионов. Именно любители привлекли к себе внимание спортсменов всего мира на Олимпийских играх в Токио. Их карьера чемпионов обычно бывает кратковременной: возраст ведущих спортсменов чаще всего колеблется от 18 до 22 лет.

Касаясь американского спорта, иногда затрагивают проблему любительства спортсменов-студентов. Действительно, положение их двусмысленное. Учитывая увлечение студентов колледжей и университетов спортом, каждое высшее учебное заведение стремится заполучить к себе молодых людей, чьи спортивные достижения кажутся наиболее многообещающими.

Очень часто зачисление в вуз зависит в не меньшей мере от их спортивной формы, чем от школьного диплома. Более

того, стремясь соблазнить их, им зачастую предлагают стипендии в обмен на активное участие в спортивной жизни вуза. Считают, например, что примерно 6 тыс. молодых теннисистов благодаря своим спортивным талантам учатся в вузах бесплатно или почти бесплатно.

Впрочем, следует отметить, что большинство молодых людей, пользующихся такими привилегиями, и без того получали бы высшее образование, правда, быть может, не в таких превосходных вузах. Что касается остальных, то никто не жалуется на то, что они получают возможность благодаря своим физическим данным пополнить интеллектуальный багаж.

А в общем, лишь весьма немногие студенты после получения высшего образования становятся спортсменами-профессионалами. Напротив, в большинстве случаев они тогда перестают участвовать в соревнованиях и начинают работать по той специальности, по которой готовили свой диплом.

35. ЗАНЯТИЯ СПОРТОМ

ВИДЫ СПОРТА

Легкая атлетика

Примерно 214 тыс. молодых людей обоего пола ежегодно участвуют в национальных или местных соревнованиях под руководством 18 тыс. тренеров, многие из которых работают бесплатно. В течение спортивного сезона происходят сотни встреч. Среди них есть и такие, в которых принимают участие только атлеты, страдающие определенным физическим недостатком — слепотой или глухотой. Бывает, что соревнования в закрытых помещениях собирают до 16 тыс. зрителей. Многие иностранные тренеры и спортсмены приезжают изучать технику американских легкоатлетов. Например, после такой стажировки метатель ядра Дрюфэн побил в 1966 г. рекорд Франции.

Если взять, например, год Олимпийских игр (1964), то следует отметить среди особенно отличившихся клубов «Саузерн Калифорния страйдерс» и «Нью-Йорк атлетик клаб». Первый победил в национальном чемпионате на открытом воздухе, второй — в закрытых помещениях. На университетских чемпионатах вышли победителями Орегонский университет и университет Виланова (штат Пенсильвания). В женских соревнованиях подтвердил свое превосходство «Калифорния Комптон трэк клаб».

В том же году 8 американцев пробежали милю менее чем за 4 мин.

На Комптонских соревнованиях в Калифорнии 27-летний олимпийский чемпион Боб Шуль установил рекорд года, пробежав 5000 *м* за 13 мин. 38 сек. Майк Ларреби (30 лет) оказался в том году лучшим в мире бегуном на 400 *м* и повторил мировой рекорд. Того же самого добился Боб Хейс на стометровой дистанции, пробежав ее за 10 сек. Том О'Хара был главным победителем на соревнованиях в закрытых помещениях: 7 раз он приходил первым в забегах на 1 милю, причем 3 раза улучшал предыдущий рекорд.

Другие чемпионы также привлекли внимание спортсменов всего мира своими достижениями: Фред Гансен улучшил мировой рекорд по прыжкам с шестом, прыгнув на 17 футов 4 дюйма, то есть на 5,28 *м*. Рэнди Матсон толкнул ядро на 70 футов 7 дюймов (21,51 *м*), Ральф Бостон довел мировой рекорд по прыжкам в длину до 27 футов $4^1/_4$ дюйма (8,35 *м*).

Мировые рекорды США на 1 января 1967 г.

Вид соревнования	Рекорд	Рекордсмен	Год
Бег			
100 ярдов	9,1 сек.	Роберт Хейс *	1963
220 ярдов	19,2 сек.	Томми Смит	1966
220 ярдов (с поворотом)	20,0 сек.	Томми Смит	1966
440 ярдов	44,9 сек.	Адольф Пламмер	1963
880 ярдов	1 мин. 44,9 сек.	Джим Райун	1966
1 миля	3 мин. 51,3 сек.	Джим Райун	1966
100 *м*	10,0 сек.	Боб Хейс *	1964
100 *м* (женщины)	11,1 сек.	Уайомия Тайэс *	1965
200 *м*	19,5 сек.	Томми Смит	1966
200 *м* (с поворотом)	20,2 сек.	Генри Карр	1964
400 *м*	44,9 сек.	Отис Дэвис, Адольф Пламмер Майк Ларреби	1966 1963 и 1964
Барьерный бег			
120 ярдов	13,2 сек.	Ли Колхаун *	1960
220 ярдов	21,9 сек.	Дональд Стайрон	1960
110 *м*	13,2 сек.	Ли Колхаун *	1960
200 *м*	21,9 сек.	Дональд Аугустус Стайрон	1960
200 *м* (с поворотом)	22,5 сек.	Гленн Дэвис *	1960
400 *м*	49,1 сек.	Уоррен Коулей	1964
Прыжки и ядро			
Прыжок с шестом	5,34 *м*	Джон Томас Пеннель	1966
Прыжок в длину	8,35 *м*	Ральф Бостон	1965
Ядро	21,51 *м*	Рэнди Матсон	1965
Эстафетный бег			
4× 220 ярдов	1 мин. 22,6 сек.	Эбиленский христианский колледж	1958
4 × 440 ярдов	3 мин. 4,5 сек.	Университет штата Аризона	1963
4 × 1 милю	16 мин. 9 сек.	Орегонский университет	1962
4 × 100 *м*	39 сек.	Национальная команда США	1961
4 × 400 *м*	2 мин. 59,5 сек.	Национальная команда США	1966

* Повторение рекорда.

В 1966 г. американские легкоатлеты установили 9 новых мировых рекордов.

На Олимпийских играх в Токио американские легкоатлеты в соревнованиях мужчин завоевали 12 из 24 золотых медалей (9 медалей в 1960 г.). Трудно перечислить всех американских олимпийских чемпионов.

Боб Хейс и Генри Карр подтвердили свое превосходство соответственно на дистанциях 100 и 200 *м*, а никому не известный прежде 26-летний лейтенант морской пехоты, наполови-

ну белый, наполовину индеец, Билли Миллс 250-метровым спринтом добился на глазах у потрясенной публики эффектной победы, пробежав 10 тыс. *м* за 28 мин. 24,4 сек. (олимпийский рекорд). Боб Хейс со своей стороны сыграл решающую роль в победе американской команды в эстафетном беге на 400 *м*. Ол Эртер завоевал свою третью золотую медаль, метнув диск на 200 с лишним футов (60,96 *м*). Это олимпийский рекорд.

Автомобильные гонки

35 млн. зрителей собрали в 1965 г. в Соединенных Штатах автомобильные гонки. Насчитывается 15 тыс. гонщиков с лицензиями и примерно 100 тыс. участников различных гонок, не считая 100 тыс. любителей, принимающих участие в ралли. Одна из наиболее известных ежегодных гонок происходит в Индианополисе на расстояние 804 *км*. Она привлекла 30 мая 1966 г. около 300 тыс. зрителей. Такие гонки проводятся с 1916 г. В 1965 и 1966 гг. на овальном треке гонщики достигли рекордной скорости — 241 *км* в час. Многие гонки—и на серийных, и на гоночных машинах, и на туристских автомобилях — устраивают на треках, где развиваются скорости до 270 *км* в час и где серийные машины мчатся иногда со скоростью 250 *км* в час с интервалами всего лишь 30 *см* друг от друга; некоторые гонщики стараются использовать коридор, образуемый в воздухе передней машиной, чтобы сэкономить несколько капель горючего, от которых может зависеть победа. Один только автоклуб США ежегодно шефствует над полусотней крупных гонок (и над тысячами менее значительных). Главным победителем их был в 1965 и 1966 гг. Марио Андретти. «Нэйшнл ход род ассошиэйшн», которая объединяет владельцев (обычно подростков) «самодельных» машин, организует ежегодно не менее 1700 соревнований. Эти нестандартные машины достигают скорости 416 *км* в час.

Кроме того, существуют сотни всякого рода клубов для гонщиков всех возрастов, включая тех, что водят «стодолларовые болиды», оснащенные моторами от стиральных машин и именуемые «мелкими гоночными машинами», в то время как 100 тыс. взрослых в шлемах ежегодно садятся в свои маленькие коляски с двигателями от катков для стрижки травы или стиральных машин, не говоря о мощных автомобилях, скорость которых достигает 150 *км* в час.

В настоящее время наиболее знамениты два американских гонщика-профессионала — Парнелли Джонс и четырехкратный чемпион Соединенных Штатов техасец Э. Дж. Фойт. И тот и другой были призерами Индианополиса. Среди американских чемпионов 1966 г. следует упомянуть Чэка Парсонса. Дэвид Пирсон стал чемпионом по классу серийных машин. В международном плане Соединенные Штаты также имеют первоклассных представителей в лице чемпиона мира 1961 г.

Фила Хилла, победителя большого приза Мехико 1965 г. Ричи Джинтера, Дана Гернея и других. Американские автомобили «чапарралс» с автоматическим переключением скоростей — одни из самых быстрых гоночных машин в мире. Впервые они победили итальянские «феррари» в марте 1965 г. в 12-часовой гонке в Зебринге (Флорида). 4 июля 1965 г. фордовская «кобра» в свою очередь одолела машины «феррари»; «форды» заняли также 3 первых места в 1966 г. в 24-часовой гонке в Мене. Во время 24-часовой гонки в Дэйтона-Бич (Флорида) — первой гонке такого типа, организованной в Соединенных Штатах, — «форды» добились нового успеха, завоевав первых 3 места, опередив «феррари», и повторили свою победу в марте 1966 г. в Зебринге. Благодаря этим повторным победам американская фирма впервые завоевала мировое первенство по классу больших туристских машин. А 15 ноября 1965 г. машины фирмы «Бридлав» завоевали оба мировых рекорда скорости на милю — мужской и женский.

Бейсбол

Бейсбол не только вид спорта, он часть американских нравов. Во время «Уорлд серис» — так называемых чемпионатов мира, хотя иностранное участие в них практически равно нулю, — вся Америка слышит одним ухом, потому что второе обращено к радиоприемнику. Чувства болельщиков нельзя даже объяснить соображениями престижа: одна из самых популярных команд «Нью-Йорк метс» вот уже 5 сезонов оказывается в своей группе на последнем или предпоследнем месте. И тем не менее она привлекает больше зрителей, чем 19 других команд, за исключением команды Лос-Анджелеса.

Одни только крупные чемпионаты привлекли в 1966 г. 25 200 тыс. зрителей, а менее значительные соревнования — 10 млн. В 1966 г. насчитывалось 78 тыс. классических мужских команд и в них 2 773 600 молодых игроков (не считая сотен тысяч самых разношерстных команд, предназначенных для взрослых всех возрастов и профессий и делящихся на категории женских команд и т. д. В одной лишь Калифорнии таких команд 50 тыс.). Сотни ассоциаций организуют матчи, ассигнуют средства, вербуют и тренируют молодежь — от «Легиона ветеранов» до «Клуба диких котов», включая муниципальные, общественые и школьные организации.

Увлекаются американцы также крикетом — первоначальным английским вариантом бейсбола, но в меньшей степени, хотя недавно американская команда победила в Лондоне англичан. Так, в Нью-Йорке насчитывается не менее 26 клубов крикета.

На двух основных американских чемпионатах по бейсболу — американском и национальном — выступают по 10 команд в каждом. Лучшие затем встречаются в так называемом

чемпионате мира. Некоторые матчи этого чемпионата собирают до 74 тыс. болельщиков, в то время как миллионы зрителей смотрят матчи на экранах своих телевизоров.

Главной победительницей 1966 г. была команда «Ориол» из Балтиморы, ставшая чемпионом мира. Перед этим она выиграла так называемый американский чемпионат. В финале она встретилась с командой «Доджер» из Лос-Анджелеса — победительницей национального чемпионата. Среди второстепенных команд в 1966 г. наибольшей популярностью пользовались команды Рочестера (штат Нью-Йорк), Тулсы (штат Оклахома) и Сиэттла (штат Вашингтон). Наиболее знаменитым и ярким игроком был Бейб Рут из нью-йоркской команды «Янки». Вслед за ним самыми популярными считаются его преемники Лоу Гериг и Уилли Мейс. Последний дважды был признан лучшим игроком своей категории. Следует иметь в виду, что команда «Янки» за 66 лет 29 раз выигрывала национальный чемпионат и с 1903 по 1966 г. 20 раз была чемпионом мира.

Бейсбол фигурировал на Олимпийских играх только в 1912 и в 1936 гг. Причем Соединенные Штаты оба раза получили золотые медали. Американские команды редко выезжают за границу. Иногда они проводят несколько показательных игр в других странах, например в Японии, в Венесуэле, а изредка даже в Европе.

Баскетбол

В 1891 г. нью-йоркский учитель гимнастики изобрел новую игру, весьма полезную, по его мнению, для физического развития. С тех пор баскетбол стал одним из главных видов спорта. В Соединенных Штатах в соревнованиях по баскетболу участвуют миллионы игроков всех возрастов, а число зрителей в сезон 1965—1966 гг. достигло 150 млн. В штатах Кентукки и Индиана, где он наиболее популярен, некоторые матчи собирают по 20 тыс. зрителей. На матчи 737 университетских старших команд было продано за год 13 700 тыс. входных билетов. В последнее время входят в моду матчи-марафоны. Один из них закончился со счетом 6776 на 6688.

Двумя наиболее важными баскетбольными любительскими турнирами считаются «Нейшнл колледжинт» и «Нейшнл инвитейшн». В 1966 г. их выиграли соответственно «Техас уэстерн колледж» и «Брайгхэм янг юниверсити» (мормонский). Разыгрывается и национальный баскетбольный чемпионат профессиональных команд, победителями которого восемь лет подряд были «Бостон Селтикс».

Одним из главных чемпионов среди любительских команд является команда Университета Кентукки — победительница сезона 1965—1966 гг. Но звание лучшего баскетболиста 1966 г. завоевал игрок мичиганской команды Кэззи Рассел, в то вре-

мя как Уилт Чемберлен по кличке Стилт (Ходули) в течение семи лет забивал в среднем по 35 мячей за игру и до 100 мячей за один матч. Правда, рост его 2,18 *м*. И он профессионал.

Соединенные Штаты начиная с 1936 г. непрерывно завоевывали золотые медали по баскетболу на Олимпийских играх.

Бокс

Примерно 40 тыс. боксеров принимают в Соединенных Штатах участие в любительских матчах. Большинство университетов имеет собственные команды и собственные ринги. Тысячи профессионалов проводят встречи перед миллионами телезрителей, в то время как цены на места вокруг ринга иногда доходят до 250 долл. В залах для бокса на хороший бой зачастую собирается по 20 тыс. зрителей. Рекордное число посетителей боя — 135 тыс. — было зарегистрировано в 1941 г.

Проводится несколько национальных чемпионатов, наиболее знаменитый из которых называется Золотой перчаткой. В нем встречаются 32 финалиста 10 весовых категорий после отборочных соревнований, в которых участвуют 30 тысяч молодых парней со всей страны. Прибыли от этого организуемого для любителей соревнования поступают на благотворительные цели.

Тремя из наиболее прославленных чемпионов тяжелого веса были американцы Джо Луис, Джин Танней и Джек Демпси. Луис сохранял свой титул в течение 12 лет. Среди наиболее известных боксеров последних лет следует упомянуть Генри Армстронга, который совершил редкий подвиг, ухитрившись стать абсолютным чемпионом одновременно в 3 весовых категориях. Колоритный боксер среднего веса Рей «Шугэр» Робинсон 6 раз терял и затем снова возвращал себе звание чемпиона — это тоже своеобразный рекорд.

В 1966 г. американские профессиональные боксеры были чемпионами мира в 4 весовых категориях из 10: Кассиус Клей (тяжелый вес), Кертис Кокс (полусредний вес), Эмиль Гриффитс (средний вес), Карлос Ортиц (легкий вес). Любители завоевали на последних 5 Олимпийских играх 11 золотых медалей.

Охота

Миллион охотников на водоплавающую птицу, 12 млн. охотников на мелкую дичь, 6 млн. охотников на крупную дичь и неисчислимое количество любителей, не значащихся ни в какой статистике, а также охотники с фото- или кинокамерой, которые только снимают, — таков личный состав армии американских охотников. Следует еще упомянуть 14 тыс. лучников, имеющих разрешение на право охоты, и 9 тыс. официально зарегистрированных охотников.

Дичь считается общественной собственностью, но штаты по-разному регулируют право на охоту.

В течение продолжающегося от 30 до 45 дней охотничьего сезона в 1965 г. жертвами охотничьих подвигов американцев стали 1900 тыс. ланей, даже 251 белый медведь, 189 бизонов, 25 тыс. оленей-карибу. Это если упоминать только крупную дичь. Считается, что благодаря существующим строгим правилам дичи теперь больше, чем в 1840 г.

Насчитываются тысячи охотничьих клубов, которые оказывают содействие разведению дичи. Есть также тысячи обществ друзей диких животных, стремящихся оберегать их, такие, как «Лига имени Исаака Уолтона», «Нейшнл уайлдлайф федерейшн», «Дэкс энлимитед», и все общества Одюбона (по имени великого франко-американского художника-естествоиспытателя). Наиболее вожделенной пернатой дичью считаются в штате Дакота фазаны, дикие индейки на юге страны и, более или менее повсюду, перепела и куропатки.

Велосипедный спорт

В Соединенных Штатах насчитывается 25 млн. велосипедов, но большинство их принадлежит детям моложе 15 лет. Стоят они в среднем 55 долл. и используются для самых различных целей: экскурсий, поездок за покупками и в школу. Популярность велосипеда заметно возрастает. В 1955 г. их продавали ежегодно по 3 млн. штук. В 1964 г. было продано 4,5 млн., то есть на 50% больше. Хотя велосипеды производятся в самой Америке (завод в Арканзасе выпускает по 3 тыс. штук в день), но очень много и импортных велосипедов (в 1964 г. было ввезено 1,4 млн. велосипедов из десятка европейских стран, причем главным поставщиком была Западная Германия).

Основанная в 1920 г. любительская «Байсикл лиг оф Америка» шефствует над десятками соревнований, ведет учет рекордов и организует большие экскурсии по стране. Время от времени устраиваются гонки на треке, в том числе и 6-дневные, пользовавшиеся до войны определенным успехом. Но в общем, публики, которая интересовалась бы велосипедным спортом, не особенно много. На университетских чемпионатах редко собирается до 25 тыс. зрителей.

В олимпийском 1964 г. чемпионами гонок любителей на треке и на шоссе были соответственно Джек Саймс и Майк Хильтнер. 23-летний Саймс на розыгрыше Большого приза Дании финишировал вторым за олимпийским чемпионом бельгийцем Патриком Серкю.

Хотя Соединенные Штаты не завоевали ни одной золотой медали на Олимпийских играх, они выдвинули нескольких чемпионов, в том числе известного Чарли Миллера.

Верховая езда

В стране ковбоев верховой ездой занимаются очень многие. В стране много манежей. Но хотя в отчете, представленном Белому дому в 1964 г., и сказано, что наездников больше, чем туристов, этого все же недостаточно, чтобы точно определить их число. Публикуемые цифры весьма относительны и основываются на выборочных подсчетах. Считают, например, что 35% любителей верховой езды имеют собственную лошадь. Многочисленные ранчо принимают туристов, желающих провести отпуск, занимаясь верховой ездой на так называемых *дюд ранчес* (ранчо для ковбоев-любителей) (см. гл. 36).

Нью-йоркское конное состязание-иппик — наиболее известное из примерно 650 ежегодных соревнований подобного рода («Нейшнл хорс шоу»). Впервые оно было организовано в 1888 г.

Легче подсчитать посетителей скачек в 26 штатах, где они разрешены: в 1965 г. их насчитывалось 63 млн.

На самых знаменитых скачках — Кентукки Дерби, устраиваемых уже 92 года подряд, — в 1966 г. присутствовало более 100 тыс. человек. Один из наиболее популярных ипподромов — Нью-йоркский акведук — вмещает 80 тыс. зрителей, в том числе 20 тыс. на крытых трибунах.

В числе лучших лошадей следует упомянуть Кауай Кинга — победителя Кентукки Дерби и мерилендских «Прикнес стейкс» в 1966 г. Кауай Кинг, ныне уже не выступающий на скачках, завоевал своей двойной победой Тройную корону — эмблему чемпиона среди трехлеток Соединенных Штатов. Этот приз присуждается за победы в этих двух видах скачек и в «Бельмонт стейкс». С 1919 г. Тройная корона присуждалась всего 9 раз, причем с 1948 г. ее не получала ни одна лошадь. Что касается жокеев, то с 1953 г. рекорд по числу первых мест принадлежит Уильяму Шумейкеру.

В настоящее время можно назвать в числе наиболее прославленных лошадей Брет Гановер, проигравшего только 4 скачки из 58, а среди жокеев — Дона Брумфильда, скакавшего на Кауай Кинге во время двух его знаменитых побед.

На Олимпийских играх в Токио американская команда в «полном командном соревновании» завоевала серебряную медаль.

Фехтование

Большинство из числа 200 тыс. фехтовальщиков входят в «Аматер фенсерс лиг оф Америка» (Американская лига фехтовальщиков-любителей). Лига существует уже 75 лет, имеет полсотни действующих отделений и издает собственный журнал.

Она принимает всех, кто интересуется историей этого спорта, который некогда один калифорнийский учитель фехтова-

ния назвал «зеркалом души». Выражение это имело в Соединенных Штатах громадный успех и стало с тех пор нарицательным.

Ежегодно весной почти повсюду устраиваются школьные и университетские соревнования. По традиции наибольшей известностью пользуются команды Принстонского, Филадельфийского, Нью-йоркского и Колумбийского университетов (последняя была в 1965 г. чемпионом «Нейшнл колледжиит»).

Среди чемпионов можно назвать Роберта Рассела (рапира), Джозефа Эллиота (шпага) и Алекса Орбана (сабля). Они были победителями в 1965 г. Командное первенство в том же году одержали саблисты и рапиристы «Нью-Йорк атлетик клаб».

Хотя американские фехтовальщики имеют в своем активе солидные международные успехи, в частности все первые места в панамериканских чемпионатах и мировой военный приз 1963 г., тем не менее в Токио они не продвинулись дальше отборочных соревнований, так же как они, впрочем, за все послевоенные годы не завоевали ни одной олимпийской медали, несмотря на индивидуальные успехи Герберта Коэна и Альберта Аксельрода.

Футбол

Американский

Сезон продолжается четыре месяца — с сентября по декабрь. За это время примерно 90 млн. американцев смотрят матчи: 30 млн. — на стадионах и 60 млн. — по телевидению. Одна только профессиональная нью-йоркская команда «Джетс» собирает на свои матчи по 50 тыс. зрителей. Среди ежегодных матчей один из наиболее популярных — это встреча армейской команды с флотской. В 1966 г. в Филадельфии на ней присутствовало 102 тыс. человек. Тем не менее американский футбол — это в первую очередь университетский вид спорта: более 1100 студенческих команд регулярно разыгрывают между собой различные призы. Вместе с тем этот вид спорта очень жестокий. Несмотря на то что игроки надевают шлемы, щитки, наколенники и защищены своего рода панцирем, ежегодно бывает с десяток травм со смертельным исходом.

В национальном профессиональном чемпионате участвуют 15 команд, а в так называемом американском — 9. В каждом из 17 университетских чемпионатов, именуемых конференциями, соревнуются по 8—10 команд. Разыгрываются также полупрофессиональные чемпионаты, а военные училища и религиозные учебные заведения выставляют «независимые» команды. К числу вузов, которые по традиции организуют одну из лучших «независимых» команд, относится Католический университет Нотр-Дам. В конце сезона группа команд, занявших первые места в своих чемпионатах, участвует в различ-

ных финальных встречах. Средние школы также насчитывают сотни команд.

В 1966 г. национальный чемпионат выиграла команда «Грин бей Пэкэрс», а в американском чемпионате вышла победителем команда «Канзас сити чифс». Университет Нотр-Дам завоевал первое место в своем разряде. Джим Браун, впоследствии ставший киноактером, был одним из наиболее популярных профессиональных игроков всех времен. А спортивные журналисты и тренеры признали Стива Спуррье из Флоридского университета лучшим футболистом-любителем года. Это принесло ему высшую награду — трофей Гейсмана.

Канада — единственная страна, где также играют в американский футбол. Эта игра никогда не допускалась на Олимпийские игры. Европейцев американский футбол обычно смущает, хотя отдельные показательные матчи и устраивались в Старом Свете. В Англии, в частности, такие представления собирали до 50 тыс. зрителей. Находящиеся за границей американские войска также устраивают матчи американского футбола, но большого успеха у публики они не имеют.

Европейский футбол (сокер)

Европейский футбол начинает приобретать поклонников в США. С 1960 по 1966 г. число университетских команд возросло со 100 до 425. Насчитывается 1100 школьных команд с 25 тыс. игроков. В Нью-Йорке больше школьных команд европейского футбола (46), чем бейсбольных команд (23) и команд американского футбола (19). Национальная ассоциация «Юнайтед Стейтс сокер ассосиэйшн» активно пропагандирует этот вид спорта. Почти повсюду в стране устраиваются чемпионаты. Наибольшей популярностью пользуется чемпионат «Нейшнл колледжиит атлетик ассосиэйшн». Лучшей среди университетских команд, ставшей чемпионом 1966 г., является команда университета Сан-Франциско.

Команду любителей из Сент-Луи, университетских чемпионов 1965 г., в том же году победила при розыгрыше национального кубка германо-венгерская команда Филадельфии. А «Нейшнл опен чалленджж кап» (Национальный, открытый для всех кубок) украинская команда Филадельфии с 1960 по 1966 г. завоевывала 4 раза.

Во время розыгрыша первенства мира 1966 г. команда Соединенных Штатов выбыла после проигрыша Мексике.

Гольф

Гольф в Соединенных Штатах — весьма демократичный вид спорта; в стране насчитывается 7500 частных или общественных площадок, то есть одна площадка на 26 тыс. жителей. В гольф регулярно играют 7250 тыс. человек, а сколько любителей выходят поиграть лишь эпизодически, учесть невоз

можно. Большинство маршрутов имеют длину около 9 км. Площадка обычно состоит из 27 «лужаек».

На ней зачастую, кроме клубного здания, устроены бассейн и площадки для других игр.

В Нью-Йорке существует музей гольфа с отраслевой библиотекой. В городе есть также немало крытых тренировочных площадок.

В школах и университетах гольф распространен довольно широко, несмотря на то что по традиции он считается спортом для людей зрелого возраста. Распространение гольфа началось в 1913 г., когда никому неизвестный 20-летний юноша обыграл самых видных чемпионов и тем самым выявил возможности, которые гольф таит для любителей.

«Юнайтед Стейтс гольф ассосиэйшн» объединяет более 3 тыс. клубов и ежегодно устраивает около 45 профессиональных турниров. Главными турнирами считаются «Юнайтед Стейтс опен» (он существует уже 72 года); «Мастерс» (существует 30 лет); «Нейшнл аматер» и «Нейшнл профешнл голферс ассосиэйшн».

Наиболее популярный в Соединенных Штатах игрок в гольф Джек Никлаус установил в 1965 г. рекорд, заработав за сезон 140 752 долл.

Другие чемпионы — это 47-летний Дейв Марр, 22-летний Роберт Мерфи, Карол Манн, Сандра Спузич, Жан Эшли и др

Канадский кубок, который разыгрывается профессиональными командами, был завоеван американцами 7 раз со времени его основания в 1953 г.

Гимнастика

Гимнастика как спорт распространена почти исключительно в школах. Миллионы мужчин и женщин посещают тысячи гимнастических залов, но не для соревнований, а только ради сохранения здоровья. Как вид спорта гимнастика успехом у публики не пользуется. Только в некоторых крупных университетах Среднего Запада (Мичиган, Айова, Индиана, Огайо, Висконсин, Миннесота) проявляется известный интерес, причем гимнастикой занимаются 300—500 студентов.

Наиболее интересный чемпионат—«Нейшнл аматер джимнастикс».

В числе чемпионов можно упомянуть мужскую и женскую команды клуба «Саузерн Коннектикут». Макато Сакамото из Лос-Анджелеса в 1965 г. вышел победителем в 7 видах из 9. На чемпионате мира, состоявшемся в 1966 г. во второй раз, Вейн Миллер и Джуди Уиллс заняли первые места для мужчин и женщин в прыжках на трамплине. Фрэнк Фортье и Мисс Уиллс добились того же в вольных упражнениях. Макато Сакамото завоевал в 1965 г. бронзовую медаль на все-

мирных студенческих играх в Будапеште. С 1932 г. не получено ни одной олимпийской медали.

Тяжелая атлетика

В 2500 гимнастических залах можно заниматься тяжелой атлетикой (половина залов принадлежит YMCA — «Ассоциации молодых христиан»). Так же как и гимнастику, тяжелую атлетику рассматривают скорее как метод сохранения физического здоровья, чем как вид спорта. Наиболее важный чемпионат — «Нейшнл аматер атлетик юнион сеннор чемпионшип».

Чемпионы: ветеран Норберт Шемански из Мичигана, Гэри Гюбнер из Нью-Йорка и Боб Беднарски из Пенсильвании.

Среди немногих американцев, добившихся успехов на всемирных соревнованиях в этом виде спорта, можно назвать Поля Андерсона из Джорджии и гавайца Томми Коно. Коно за время своей спортивной карьеры 26 раз ставил мировые рекорды и 6 раз олимпийские. Гюбнер и Беднарски завоевали по серебряной медали на первенствах мира в 1965 и 1966 гг.

После того как американцы на Олимпийских играх 1948, 1952 и 1956 гг. получили 12 золотых медалей из 20, в 1960 г. единственной медали (серебряной) был удостоен Винчи, а в Токио Шемански был награжден бронзовой медалью.

Хоккей

На льду

Увеличение числа катков с искусственным льдом с 500 в 1964 г. до 2500 в 1967 г. привило вкус к хоккею на льду даже в таких штатах с жарким климатом, как Калифорния, Флорида и Теннесси. Невозможно определить общее число любителей этого спорта. Известно лишь, что национальный профессиональный чемпионат 1965 г., в котором участвовало шесть клубов, в том числе два канадских, привлек 2 882 986 зрителей.

Большинство колледжей и университетов северных штатов имеют собственные команды и участвуют в чемпионатах. Подлинной колыбелью американского хоккея является штат Миннесота. Тем не менее другой штат — Мичиган — за последние 10 лет чаще других побеждает в чемпионатах благодаря своим университетским командам.

Из чемпионов-профессионалов можно упомянуть Горди Хоу из Детройта, в активе которого более 600 забитых шайб; Бобби Хэлл — рекордсмен профессиональной «Нейшнл хокки лиг» — забил в 56 матчах 1965 — 1966 гг. 54 шайбы.

На зимних Олимпийских играх 1960 г. Соединенные Штаты завоевали золотую медаль. Что касается профессионалов, то за время с 1933 по 1966 г. они 14 раз становились обладателями кубка Стенли, что равносильно первенству мира.

Травяной хоккей

Травяной хоккей, появившийся в Америке в 1901 г., считается женской игрой. Примерно 50 тыс. спортсменок разыгрывают различного рода трофеи, но Соединенные Штаты даже не участвуют в Олимпийских играх (за исключением олимпиад 1932, 1936 и 1948 гг.).

Борьба

Телевидение и гастроли японских борцов в Соединенных Штатах привлекли в последнее время внимание к борьбе. Чемпионаты по греко-римской борьбе начали разыгрываться только с 1953 г.

Около сотни лучших борцов соревнуются в наиболее важном чемпионате, организуемом «Нейшнл аматер атлетик юнион чемпионшип» (NCAA). Столько же участвует в турнире, организуемом «Биг тэн» («Большая десятка») — влиятельной университетской ассоциацией Среднего Запада. Проводятся встречи между клубами, университетами, школами.

Среди университетских команд команда Оклахомы выиграла в 1965 г. первенство NCAA в 24-й раз за 24 года.

На Олимпийских играх после второй мировой войны получено 6 золотых медалей (2 — в 1948, 1 — в 1952, 3 — в 1960 гг.) и 1 бронзовая в Токио.

Плавание

Две цифры убедительно иллюстрируют популярность плавания в Америке: в 1947 г. было всего 10 800 частных и общественных бассейнов, включая муниципальные, клубные, школьные и бассейны отдельных владельцев. В 1966 г. насчитывалось уже более 644 тыс. бассейнов. Большинство из них расположено во дворах и садах жилых кварталов или на лужайках у пригородных коттеджей. Почти все школы имеют собственные бассейны, а если не имеют, то направляют учеников в ближайший бассейн. В некоторых учебных заведениях плавание входит в число обязательных предметов. Примерно 700 тыс. пловцов принимают участие в соревнованиях.

Из четырех национальных чемпионатов по плаванию, разыгранных в 1964 олимпийском году в открытых и закрытых бассейнах, для мужчин и для женщин три выиграл «Санта Клара свим клаб» с Западного побережья, а четвертый — Университет Южной Калифорнии, который завоевал также национальное университетское командное первенство. Молодые американцы в 1964 г. имели подавляющее превосходство на международных соревнованиях по плаванию. Они побили 21 рекорд из 37, установленных в этом году. В числе наиболее выдающихся мировых рекордсменов, выдвинувшихся за это время, находятся 18-летний Дон Схолландер, завоевавший 4

18 Зак. 36

Рекорды по плаванию, принадлежащие американцам

Дистанция	Время	Имена	Год
	Мужчины		
Вольный стиль			
100 *м*	0 мин. 52,9 сек.	Стив Кларк *	1964
200 *м*	1 мин. 56,2 сек.	Дон Схолландер	1966
220 ярдов	1 мин. 57,0 сек.	Дон Схолландер	1966
440 ярдов	4 мин. 12,2 сек.	Грег Чартон	1966
1500 *м*	16 мин. 41,6 сек.	Майк Бартон	1966
На спине			
100 *м*	0 мин. 59,6 сек.	Томпсон Манн	1964
200 *м*	2 мин. 10,3 сек.	Джед Грэф	1964
4 индивидуальных заплыва			
200 *м* **	2 мин. 12,4 сек.	Грег Бэкингем	1966
400 *м*	4 мин. 45,4 сек.	Ричард Рот	1964
Эстафета вольным стилем			
400 *м* (4 × 100)	3 мин. 33,2 сек.	Национальная команда	1964
800 *м* (4 × 200)	7 мин. 52,1 сек.	Национальная команда	1964
Эстафета — 4 заплыва			
400 *м* (4 × 100)	3 мин. 58,4 сек.	Национальная команда	1964
	Женщины		
Вольным стилем			
200 *м*	2 мин. 10,5 сек.	Поки Уотсон	1966
400 *м*	4 мин. 39,2 сек.	Марта Рэндалл	1965
800 *м*	9 мин. 36,9 сек.	Шарон Финнеран	1964
1500 *м*	18 мин. 12,9 сек.	Патти Гаретто	1966
1650 ярдов	18 мин. 51,1 сек.	Патти Гаретто	1965
На спине			
100 *м*		Кэти Болл *	1966
110 ярдов	1 мин. 18,3 сек.	Сью Джонс	1966
200 *м*		Кэти Болл	1966
Баттерфляй			
100 *м*	1 мин. 4,7 сек.	Шарон Стоудер	1964
200 *м*	2 мин. 26,4 сек.	Шарон Стоудер	1964
4 индивидуальных заплыва			
200 *м* **	2 мин. 27,8 сек.	Клаудия Колб	1966
400 *м*	5 мин. 14,9 сек.	Донна де Варона	1964
440 ярдов	5 мин. 25,1 сек.	Мэри Эллен Олчезе	1965
Эстафета вольным стилем			
400 *м* (4 × 100)	4 мин. 3,8 сек.	Национальная команда	1964
800 *м* (4 × 200)	8 мин. 55,4 сек.	Санта Клара (Калифорния), Клуб плавания	1966
Эстафета — 4 заплыва			
400 *м* (4 × 100)	4 мин. 34,6 сек.	Национальная команда	1964

* Повторение рекорда.

** Новый международный вид соревнований.

золотые медали на Олимпийских играх в Токио, и 15-летняя Шэрон Стаудер, награжденная 3 золотыми медалями.

Соединенные Штаты получили в Токио 13 золотых медалей из 18. Американские прыгуны в воду завоевали 3 золотые медали из 4.

В общей сложности в Токио американцы установили или повторили 13 мировых или олимпийских рекордов. Средний возраст участников команды не достигал 18 лет.

Конькобежный спорт

Невозможно установить число американских конькобежцев, так как множество людей занимаются зимой своим любимым спортом на льду замерших озер и речек; сюда следует прибавить школьников, которые добираются на коньках в школу. В 1964 г. насчитывалось 500 крытых катков. Но, учитывая появившееся с недавних пор увлечение горожан конькобежным спортом, число катков с искусственным льдом, должно быть, достигло в 1967 г. 2500. Многие катки работают круглый год.

К числу наиболее знаменитых конькобежцев относятся Скотт Аллен и Пегги Флеминг, которые в 1966 году в состязаниях по фигурному катанию заняли первые места среди тысячи конкурентов. 17-летняя Пегги Флеминг стала, таким образом, третий раз подряд чемпионкой Соединенных Штатов. Скотту Аллену тоже 17 лет.

15 американских чемпионов по фигурному катанию погибли в 1961 году в авиационной катастрофе в окрестностях Брюсселя, когда направлялись на чемпионат мира. С 1948 по 1961 г. американские конькобежцы 12 раз завоевывали первенство мира по фигурному катанию. Женщины с 1953 по 1960 г. завоевывали первенство 7 раз из 8. Затем после авиационной катастрофы пошли годы, когда американцы ничем не выделялись. Но на первенстве мира 1966 г. Пегги Флеминг не только победила сама, но и повела к победе свою команду, получившую 5 медалей из двенадцати и занявшую первое место среди 13 национальных команд.

Первенство мира по скоростному бегу на дистанции 500 *м* в 1966 г. выиграл Том Грей (ему 21 год).

Другая видная спортсменка — Карол Хейсс — олимпийская чемпионка 1960 г. и пятикратная чемпионка мира.

С 1948 по 1960 г. американские фигуристы были 4 раза награждены золотыми олимпийскими медалями, а фигуристки завоевали их в 1956 и в 1960 гг.

В 1964 г. Ричард Мак Дермотт завоевал золотую медаль в беге на 500 *м*.

Рыбная ловля

Природные условия Соединенных Штатов чрезвычайно благоприятствуют развитию такого спорта, как рыбная ловля.

Этому способствует и большая протяженность береговой линии, и великое множество озер и рек. 23 млн. американцев ежегодно берут разрешение на право заниматься рыбной ловлей. К ним следует добавить примерно 12 млн., которые ловят рыбу в зонах, где не требуется разрешений. Общий улов достигает 100 тыс. *т* в год.

В стране насчитывается 600 водоемов для искусственного разведения рыбы. В калифорнийских реках для восстановления поголовья форелей используется даже авиация. В Калифорнии занимаются также морской рыбной ловлей с вертолетов.

В стране ежегодно проводится около 2 тыс. соревнований по рыбной ловле. Одно из наиболее известных — это «Астория дерби» по ловле лосося в Орегоне; в нем принимают участие 40 тыс. рыболовов. К числу классических соревнований относятся также «Нейшнл фишинг родео» для ребят моложе 16 лет, «Филд энд стрим фишинг контест», регулярно устраиваемый вот уже 45 лет, и т. д. Проводится также конкурс по ловле тунца; в 1965 г. победитель этого конкурса Эльвуд Гарри из Нью-Джерси за время проводимого в субботу и воскресенье соревнования выловил более 3 *т* рыбы.

Рекордами считаются также вылов 140 *кг* осетра в Снейк-ривер и поимка форели весом 30 *кг* в озере Верхнем (штат Висконсин).

Кегли (боулинг)

В кегли играют 39 млн. американцев. Среди них есть даже слепые и калеки, которые соревнуются между собой в специально организуемых для них турнирах. «Америкен боулинг конгресс» объединяет более 8 млн. игроков, в том числе 3 млн. женщин. Кроме того, существует примерно 165 других ассоциаций. В общей сложности имеется 11 тыс. кегельбанов с 159 тыс. дорожек. Один из наиболее крупных кегельбанов в Лос-Анджелесе имеет 100 дорожек. Некоторые кегельбаны открыты круглые сутки. Иногда они являются центром целого спортивного комплекса с бассейном, катком, миниатюрной площадкой для гольфа и т. д.

Кегли, как спорт, стали особенно развиваться с тех пор, как появились машины, автоматически расставляющие кегли по местам. Телевидение уделяет этому популярному виду спорта известное внимание и тем самым содействует его распространению. Первые матчи происходили еще в 1840 г.

Устраивают много турниров, на самых различных уровнях, обычно под руководством «Америкен боулинг конгресс». «Нейшнл боулинг лиг» организует также встречи профессионалов.

Двое из американских чемпионов — Дик Вебер и Том Хенесси — уроженцы Сан-Луи (штат Миссури). Донна Циммерман — чемпионка Соединенных Штатов.

На всемирном первенстве 1966 г. в Лондоне молодой Джон Вилкокс из Пенсильвании занял первое место.

Но наиболее популярным мастером, бесспорно, считается Джо Вилман, который 7 раз был чемпионом мира.

Регби

Быть может, из-за того успеха, каким пользуется американский футбол (который является порождением регби), регби пребывает в Соединенных Штатах на положении второстепенного вида спорта.

Кубок «Регби айриш челлендж», который впервые разыгрывался в 1965 г., достался тогда знаменитому Университету Нотр-Дам (штат Индиана), особенно успешно подвизающемуся на стадионах американского футбола, где он завоевал себе прочную репутацию. В этом турнире принимали участие 9 клубов.

С 1924 г. регби не значится более в программе Олимпийских игр. Но до этого американские регбисты на 4 олимпиадах завоевали 2 золотые медали.

Лыжи

Зимние лыжи

Согласно подсчетам, в 1965 г. в Соединенных Штатах было 7 млн. лыжников — в 6 раз больше, чем 10 лет назад. В стране имеется 800 больших лыжных станций (20 в 1944 г.) и около 8 тыс. небольших станций.

Проводится примерно сотня соревнований, на которых особенно успешно выступают команды университетов Колорадо и Дартмут-колледжа (штат Нью-Гэмпшир).

Наиболее известными рекордсменами являются Билль Маролт (гигантский слалом), Лорис Вернер (скоростной спуск), Дейв Хикс (прыжки с трамплина). Команда Денверского университета (штат Колорадо) в 1965 г. стала в пятый раз подряд чемпионом Соединенных Штатов.

На зимних Олимпийских играх в 1964 г. американцы получили 2 серебряные медали (Жан Соберт и Билли Кидд) и 2 бронзовые (Жан Соберт и Джеймс Хюэга), а на первенстве мира в 1966 г. — 1 бронзовую медаль в специальном слаломе для женщин.

Водные лыжи

В 1965 г., через 13 лет после того, как этот спорт был импортирован из Франции, насчитывалось уже 12 млн. любителей и 750 клубов (в 1948 г. их было 12); разыгрывалось 175 турниров и ежегодных конкурсов.

Из чемпионов можно назвать Джокера Осборна (Флорида), Дикси Анн Хойт (Нью-Джерси). Гарри Прайс (Иллинойс), по профессии врач, за 3 года 7 раз получал звание чемпиона Соединенных Штатов.

*

Американцы завоевали мировое командное первенство на последних двухгодичных соревнованиях в 1959, 1961, 1963 и 1965 гг. (в Милане, Лонг-Биче, Виши и в Австралии).

Теннис

В Соединенных Штатах 8 млн. теннисистов регулярно занимаются этим видом спорта, настолько же популярным, как баскетбол и бейсбол. Теннис очень развит в университетах. Американская теннисная ассоциация объединяет 2 тыс. клубов.

Теперь в теннис играют на кортах с твердым покрытием, позволяющим играть в любую погоду, хотя имеется и много крытых кортов. «Нейшнл колледжиит атлетик ассошиейшн» начала устраивать университетские теннисные турниры только с 1954 г. Но уже с давних пор проводится множество самых различных соревнований. Одно из наиболее известных— «Кубок Девиса для юниоров», в котором участвуют теннисисты моложе 21 года. На флоридский «Орендж боул фестиваль» в Майами иногда съезжаются теннисисты из 35 стран.

Наиболее известным теннисистом-любителем — до того как в 1966 г. он стал профессионалом — был Деннис Ролстон. Это он вместе с Чёком Мак-Кинли в 1963 г. отвоевал у Австралии «Кубок Девиса», который принадлежал ей с 1958 г. В настоящее время основные надежды возлагают на Артура Эйча, Клиффа Ричи, Аллена Фокса и Чарлза Пассарелла.

С тех пор как Чёк Мак-Кинли постепенно перестал участвовать в турнирах, лучшими партнерами Ролстона сделались Марти Риссен, Фрэнк Фрелинг, Артур Эйч, Кларк Гребнер и Клифф Ричи.

За 55 лет США участвовали в финале розыгрыша «Кубка Девиса» 43 раза и 19 раз его выигрывали. «Кубок Уайтмена» американцы выиграли у англичан в 32 розыгрышах из 38. С 1920 по 1966 г. американские теннисисты — мужчины и женщины — в 82 финальных встречах Уимблдонского турнира 43 раза выходили победителями.

36. ТУРИЗМ

ОСНОВНЫЕ МАРШРУТЫ

10 млрд. долл. на туристские путешествия

Джон Фицджеральд Кеннеди писал в июне 1961 г. по случаю создания Управления по туризму: «...отличаясь от всех других стран мира, Соединенные Штаты имеют много общего с каждой из них».

Громадность континента, простирающегося от Атлантического до Тихого океана, объясняет и эти различия, и эту схожесть. Она объясняет также страсть к туризму, которая обуревает американцев и делает из них, независимо от этнического и социального происхождения, неугомонных путешественников. Это убедительно доказывает одна цифра: американцы ежегодно тратят 10 млрд. долл. на туристские поездки. Эта страсть к познанию мира, и в первую очередь своей родины, встречается и у потомков первых поселенцев, и в пограничных штатах с их испанским колоритом, и в китайских кварталах, и на так называемых мексиканских улицах.

Хотя любая попытка поделить на части столь обширную страну может показаться произвольной, без нее не обойтись— настолько различны ее ландшафты, обычаи и климатические условия. И поскольку катание на водных лыжах в Калифорнии или на Гавайских островах нельзя сравнить с поездкой вдоль Атлантического побережья штата Мэн на борту маленькой шхуны для ловли лангустов, путешественник должен сделать выбор в соответствии со своими вкусами и, само собой разумеется, финансовыми возможностями.

Разделение по часовым поясам (от Сан-Франциско до Вашингтона разница во времени составляет 4 часа) представляется наиболее логичным и несложным.

50 штатов, около 5 млн. *кв. км* гор, равнин, берегов, рек и озер, 186 «монументов» и национальные парки; среди парков есть такие, площадь которых равна территории всех 3 вместе взятых стран Бенилюкса (примерно 65 тыс. *кв. км*) — таков представляющийся туристам обширный выбор.

Северо-Восток

Расположенный между северным побережьем Атлантики и озерами Онтарио и Эри Северо-Восток Соединенных Штатов включает некоторые из наиболее старых штатов федерации. Это были первые штаты, открытые и исследованные еще ви-

кингами, и они одними из первых вступили в федерацию. Здесь, в этой стране волнистых холмов, где нередко встречаются дома, построенные еще в конце XVIII в., и где многое напоминает Европу (особенно Англию и Нормандию), зародилась легенда о белом ките, вдохновившая Германа Мелвилла. Морскую границу от Канады до штата Делавэр образует открытое ветрам побережье штата Мэн. Это страна знаменитого «Мохаук трейла» (след могавков), дешевых омаров, желтого песка дюн, океана с его водой, которая хороша лишь для тех, кто привык к холодной Балтике; страна бурь и туманов, богатых форелями рек, необозримых сосновых лесов. Но это также и страна Тэнглвудского фестиваля, одухотворяемого оркестром бостонской филармонии, и страна «индейского лета» с его восхитительными красками пламенеющей листвы, которая на холмах Беркшира обрамляет Вильямстаунский «Кларк арт инститьют», где лучшие джазовые ансамбли устраивают свой фестиваль по близости от выставочных залов, украшенных несравненными полотнами Ренуара.

Прогуливаясь вдоль Гудзона, можно наткнуться на следы голландцев, в том числе на таверну и усадьбу Ван Кортланда. Далее к северу стоит посетить Уэст-Пойнт — этот американский Сен-Сир, поклониться полю сражения у Саратоги, где инсургенты под командой ставшего впоследствии предателем Бенедикта Арнольда разгромили британские войска генерала Джонни Бэргойна. В городе с его викторианскими зданиями посетитель увидит столь модные в начале века курорты с минеральными водами, где, как писал Генри Джеймс, прогуливалась «сотня шуршащих красавиц, единственное занятие которых заключалось в том, чтобы производить шум».

Юго-Восток

От федеральной столицы до Миссисипи простирается Юго-Восток Соединенных Штатов — страна плантаций, длинных низких песчаных берегов, кишащих крокодилами болот. Тут все доступно: каждый может странствовать по собственному выбору.

Это край, где до сих пор наиболее ощутимо испанское и французское влияние, будь то в Луизиане, этом «старом карре» Нового Орлеана, который пытаются хоть кое-как сохранить, или же в стороне от больших городов — в усадьбах, построенных креолами мартиникского происхождения, либо различными волнами эмигрантов, которые в эпоху Французской революции хлынули сюда вслед за корсарами, а потом, в Таллахасси, за Жеромом Бонапартом.

Эти воспоминания о прошлом дополняет в Атланте громадная циклорама, возрождающая одну из последних и наиболее кровавых битв Гражданской войны 1854 — 1856 гг.

Юго-Восток — это также прославленные скачки Кентукк-

ского дерби, Эверглейдский заповедник с его ошеломляющей незнакомой растительностью и неожиданным животным миром, от леопарда до флоридского тюленя. Здесь были построены первые «маринас» — деревянные или пластмассовые пристани для катеров и яхт, какие теперь встречаются во многих странах мира.

Край Великий Озер

Несмотря на вторжение «людей, пришедших из-за моря», Америка осталась прежней «индейской землей», в особенности в краю Великих Озер — этих остатков третичного периода. Путешественникам эта земля предлагает свои гигантские величественные леса, своих индейских проводников и свои горы, где под руководством опытных наездников можно на целый месяц затеряться в бескрайнем безлюдьи, населенном лишь животными. Страна Авраама Линкольна — это также страна Генри Форда. Вечером с высоты Маккис рокс Питтсбург предстает в зареве, словно настоящая кузница Вулкана. И все же считают, что не там, а в Детройте с его полностью автоматизированными заводами можно заглянуть в XXI век.

В Солт-Сент-Мэри, Сент-Игнасе, Ансе, О-Клэре, Ла-Кроссе — в городках, окруженных обширными плоскими равнинами и бескрайними лесами, — еще живы воспоминания о Франции.

Дальний Запад

Туристские районы Дальнего Запада — этого «неаполитанского куска» Американского континента — тянутся от границы с Канадой до границы с Мексикой.

Здесь находятся «ворота в будущее»... — здесь фотография прошлого, калейдоскоп, альбом лубочных картинок отошедшей в былое эпохи с буйволами из Монтаны, со стадами скота от 2 до 6 тыс. голов, со сходками индейских колдунов, с покинутыми обезлюдевшими горняцкими поселками.

Страна родео* — это также страна великой песчаной пустыни, защищающей Лас-Вегас, страна Йеллоустонского парка, Великого Соленого Озера, побережье которого мчащиеся со скоростью 1000 *км* в час гоночные автомобили избрали треком для своих рекордов. Это также край, где от Юма до Эль-Сентро странствуют на джипе посреди дюн и где снимают лыжи, чтобы окунуться в открытый бассейн с горячей водой. Именно здесь, как и в Томбстоуне, актеры неизменно повторяют сцену резни, с которой нескончаемая серия кинофильмов познакомила уже весь мир. Для туриста Дальний Запад представляет еще особый интерес своими «дюд ранчес»**, где во время отпуска можно пожить деревенской, укрепляющей здоровье жизнью ковбоев. Такие ранчо появились в 1879 г.,

* Состязание ковбоев. — *Прим. ред.*

** Ранчо для ковбоев-любителей. — *Прим. ред.*

когда некий «житель северного побережья» заплатил фермеру за право провести у него несколько недель, помогая ему загонять стада и кидая лассо наподобие героев фильмов Джона Форда.

Западное побережье

Между Скалистыми горами и Тихим океаном западное побережье обращено лицом к Азии. Это побережье лишено географического единства. Гигантские леса вековых деревьев в штате Вашингтон сменяются на юге долинами, где вехами служат испанские монастыри. Побережье упирается в становой хребет Американского материка — Скалистые горы. Здесь гордятся и суровой Маунт-Ренье, высотою более 4 тыс. *м*, и большими городами, и Палм-Спрингсом — этим великолепным оазисом, который человек создал посреди мертвой пустыни в 80 *км* от Лос-Анджелеса.

Здесь, на берегу Тихого океана, который приютил самые большие общины выходцев из Азии, кончается или начинается континент; здесь страна Диснея соседствует со страной «Гроздьев гнева»; здесь Голливуд создал самые баснословные мифы XX в.; здесь родилась атомная энергия; здесь жизнь «прекрасна и легка»—в Калифорнии с ее пляжами и киностудиями, но она может быть и суровой и полной труда — на снежных вершинах Айдахо и на бесконечных картофельных полях. Здесь начинается — или кончается — страна контрастов и больших пространств. Страна, которой нечего скрывать — ни недостатков, ни странностей, ни достоинств, — позволяет туристу избирать по своей воле маршруты и посещать районы туризма или любые другие края.

СЕТЬ ОТЕЛЕЙ

3000 комнат в чикагском «Хилтоне»

Неограниченный выбор — от самых скромных до самых роскошных номеров — предлагают туристам гостиницы Соединенных Штатов, возможности которых значительно возросли за последнее десятилетие благодаря закону 1954 г., об амортизации зданий гостиниц, содействовавшему росту капиталовложений в эту отрасль.

Еще задолго до революции 1776 г. населенные пункты зачастую возникали около почтовых станций или в непосредственной близости от дорог. Там в постоялых дворах путешественник в старину всегда находил еду и кров. О них по сей день сохранились фольклорные воспоминания, например в Сильвермайне (штат Нью-Йорк) или на Дальнем Западе вдоль дороги «Пони экспресс». Появление железных дорог привело к строительству привокзальных гостиниц; зачастую целые города и деревни обязаны своим возникновением какой-

нибудь железнодорожной станции, которая тогда была конечной. Эта двойная традиция сохранилась по сей день: гостиницы строятся в центре города или вдоль ведущих в центр дорог.

В стране насчитывается примерно 13 тыс. гостиниц. Обычно они расположены в центре города. Наиболее крупные (последний новорожденный великан — чикагский «Хилтон» — имеет более 3 тыс. номеров) представляют собой почти автономные островки с многочисленными вспомогательными службами: аптекарскими магазинами, барами, ресторанами, прачечной, книжным магазином, залом для заседаний или даже для конгрессов, бюро путешествий, частными конторами. Комфортабельность зависит, конечно, от разряда гостиницы. В более скромных приличный номер стоит 5 долл. за ночь. В отелях среднего уровня, «буржуазных», номер с душем обходится от 8 до 10 долл. В отелях высшего разряда верхней границы вообще не существует, а нижняя колеблется примерно между 12 и 15 долл. Американские гостиницы располагают в общей сложности примерно 1,5 млн. номеров; почти все они имеют душ. Среднегодовая загрузка их равна 67%. Штат служащих более 400 тыс. человек с годовым фондом заработной платы около 1 млрд. долл. В одних только 3500 крупных гостиницах (имеющих свыше 100 номеров каждая) работают 290 тыс. человек.

В наши дни развитие американской дорожной сети (в особенности автострад), насчитывающей уже более 6 млн. *км*, сопровождается ростом числа мотелей («мотор отелс» — специальных гостиниц для автомобилистов). Их сооружают или у въезда в город, или где-нибудь на природе. В настоящее время в Америке 42 тыс. мотелей с 1200 тыс. комнат. Все, или почти все, появились после второй мировой войны. Полагают, что через десять лет число их достигнет примерно 100 тыс.

Чтобы бороться с острой конкуренцией мотелей, гостиничные концерны сами строят или эксплуатируют их. С 1959 г. сумма оборота мотелей превышает общий оборот гостиниц. Штаты мотелей очень ограниченны: на 42 тыс. мотелей — 76 тыс. служащих с годовым фондом зарплаты в 140 млн. долл. В среднем мотели имеют по 35 номеров, хотя теперь замечается тенденция строить более крупные объекты. 70% мотелей до сих пор принадлежат частным лицам.

Мотели обычно состоят из отдельных павильонов, сгруппированных вокруг приемного здания, где размещены различные службы и ресторан. Клиент вносит плату авансом и получает в обмен на свой чек ключ от номера. Он как минимум состоит из комнаты с ванной, а иногда и с салоном и телевизором. Гараж — бесплатный, так же как и туалетное мыло.

Видимо, потребность в мотелях очень велика, так как строительство их все больше расширяется. Правда, когда пер-

вые мотели стали принимать постояльцев, некоторые ассоциации моралистов подняли бурю протестов: не возникают ли тут притоны разврата, непристойные убежища для внебрачных связей? Но кампания эта не дала результатов. В каждом номере мотеля, так же как в почти каждом номере гостиницы, первый предмет, который бросается в глаза постояльцу, — это Библия...

Отели и мотели — еще не все. Другие самые разнообразные виды временных жилищ для путешественников насчитывают дополнительно еще 1300 тыс. комнат... или их заменителей. Их очень много—от весьма распространенных кемпингов (некоторые расположены прямо на территории парков и федеральных заповедников) вплоть до «дюд ранчес» — животноводческих ферм, хозяева или арендаторы которых принимают постояльцев с понедельной оплатой. Отпуск на «дюд ранч» становится все более популярным среди городских жителей, стремящихся вырваться из нездоровой атмосферы городов. Он обеспечивает жизнь на свежем воздухе, курс дезинтоксикации на лоне природы, длительные и приятные прогулки верхом.

Следует также упомянуть лагеря рыболовов и охотников. Простота их напоминает простоту горных хижин, где турист может приготовить себе пищу и выспаться. И, само собой разумеется, имеется великое множество летних лагерей для молодежи и детей, а также молодежных туристских баз. Особенность их заключается в том, что они принимают любого путешественника независимо от возраста при условии, однако, что он путешествует не на машине.

Можно также поселиться на время, снимая домик или коттедж. Гостиницы предоставляют в распоряжение семей квартиры, причем обеспечивают их обслуживание, вплоть до присмотра вечером за детьми, так что матери остается только, если у нее есть на это охота, приготовить пищу.

Как и в Европе, все большее распространение получают караваны туристов; для них более или менее повсюду отводят площадки.

Наконец, в университетских городах семьи сдают комнаты студентам. «Клубы старейших» обычно помогают подыскивать комнаты для иностранных студентов.

Но было бы неправильным ограничить этим перечисление возможностей и ресурсов, которыми могут располагать туристы, путешествующие по Соединенным Штатам. Чувство гостеприимства очень развито в Соединенных Штатах, и обычно местный житель, с которым путешественник разговорится за чашкой кофе, охотно предложит ему провести ночь под его кровом.

Очень активную пропаганду развернула к тому же Ассоциация «Встречайтесь с американцами у них дома». Она ве-

дется среди местного населения, но, очевидно, в первую очередь рассчитана на путешественников. Он может получить у представителей Ассоциации любые интересующие его сведения о данной местности, и его направят в семью, где готовы радушно принять иностранца. Так завязывается дружба и возникают неожиданные контакты.

СТРУКТУРА ТУРИЗМА

«Это проще, чем вы предполагаете»

Американец — прирожденный путешественник. А как могло бы быть иначе в среде «импортированного» народа, происходящего от прибывших с других континентов пионеров или от недавних иммигрантов? Несколько странно, что эта страна, насчитывающая 196 млн. жителей, не менее 55% которых предпринимают ежегодно туристское путешествие по своей стране средней длительностью по 6—7 дней, только в 1961 г. поняла, что необходимо организационно оформить и развивать деятельность, которую «цивилизация досуга» делает с каждым днем все более важной. Произошло это 29 июня 1961 г., когда президент Кеннеди создал в системе министерства торговли Управление туризма Соединенных Штатов.

Это решение президента не является, впрочем, вмешательством государства в сугубо частные дела. Если выезд за рубеж был во все времена потребностью (развлечением) американцев, то организация поездок остается сферой деятельности туристских компаний, бюро путешествий и местных властей 50 штатов. К тому же совершенно очевидно, что в данном случае «хозяином» является сам турист, руководствующийся собственными желаниями... и содержимым своего бумажника.

Задача Управления туризма заключается прежде всего в том, чтобы привлечь внимание к Соединенным Штатам потенциальных иностранных посетителей. Это является миссией компании «Посетите Соединенные Штаты». Девять заграничных отделений концентрируют свою работу на информации и поддерживают усилия частных организаций, направленные на привлечение клиентуры из числа отпускников в страну, по которой до сих пор разъезжали главным образом деловые люди. Они стараются дать совет будущим посетителям, помочь им разрешить возникающие перед ними проблемы языкового и финансового характера или хотя бы разобраться в них. Для этой цели Управление располагает, в частности, документацией, издаваемой профсоюзными инициативными палатами 50 штатов, туристическими службами клубов и крупных компаний; к числу ее относится, например, путеводитель по американским отелям, мотелям и ресторанам, выпущен-

ный фирмой «Мобил ойл», или же проспекты Национального географического общества.

Управление туризма обеспечивает также необходимые контакты между частными туристическими фирмами и различными государственными учреждениями, имеющими прямое или косвенное отношение к туризму, в особенности к визам и таможням. Но оно ни в коей мере не занимается коммерческой деятельностью, присущей бюро путешествий, например бронированием комнат или билетов. Его бюджет равнялся в 1965 г. 3 млн. долл. Цифра эта, конечно, недостаточная, если учесть, что одни только ассигнования на рекламирование Франции за границей составляют 2 млн. долл.

Что касается «пропаганды», которой могло бы заниматься такое учреждение, то многие сожалеют, что она невозможна — в противном случае Соединенные Штаты оказались бы в равном положении с некоторыми другими странами. А так, к лучшему ли это или к худшему, но турист имеет возможность сам все увидеть, все проверить, сам направиться туда, куда ему заблагорассудится. Всякая «пропаганда» была бы быстро разоблачена. Американцам остается единственный выход — откровенная информация.

Один из лозунгов американского Управления туризма за границей гласит: «Это проще, чем вы предполагаете». Действительно, в последние годы формальности, необходимые для въезда на территорию Соединенных Штатов, все время упрощались. Канадцы и мексиканцы должны лишь предъявить свое удостоверение личности. Европейцы, во всяком случае «западные», могут получить визу за 5 минут или же по почте, если только этому не мешают причины политического характера. А после того как его нога ступила на американскую землю, посетитель не подвергается никакому контролю. Если в гостинице спрашивают его фамилию, то не для регистрации в полиции, а чтобы ответить на возможные телефонные звонки; а если хозяин просит расписаться, то только в книге почетных посетителей.

Американские граждане охотно принимают участие в кампании привлечения туристов. Иностранцы чаще всего разъезжают по Соединенным Штатам группами, но есть и такие, что признают туристское путешествие только со своей семьей или в одиночку. Это как раз те, с которыми организаторы кампании хотят установить контакт в надежде уговорить их пожить «на американский лад». В полусотне американских городов созданы комитеты из добровольцев, составлены списки гостеприимных хозяев с учетом их профессий и лингвистических познаний. Так, являясь или адвокатом, или рабочим определенной специальности, каждый турист получает возможность познакомиться со своим американским «напарником» и установить с ним контакт, который иногда приводит к

переписке, а порой даже к ответному визиту американца к иностранцу.

Во всяком случае, иностранный турист не чувствует себя совсем «потерянным» в Соединенных Штатах. В местном масштабе всей необходимой информацией его любезно снабжают такие организации, как Автомобильная ассоциация Америки или Служба вод и лесов. Но если посетитель надеялся, что все время сможет в пути пользоваться нитью Ариадны, то он ошибается, так как из-за полной независимости административных учреждений не существует никакой координации в национальном масштабе. Иностранец становится жертвой такой структуры, и очень часто ему приходится самому выбирать свои маршруты.

Дело в том, что для Соединенных Штатов наплыв кратковременных иностранных посетителей является пока еще новинкой. И хотя туристская «промышленность» быстро развивается, она еще не стала, как в других странах, равнозначной металлургии, транспорту, химии, производству консервов или автомобилей, несмотря на то что ее расходы и капиталовложения достигают 20 млн. долл. в год.

Как бы то ни было, но с каждым годом Соединенные Штаты принимают все большее число туристов. Скоро наступит время, когда приток валюты, вызванный их поездками, привлечет серьезное внимание властей. Тогда наконец Соединенные Штаты обретут «политику туризма», которая необходима для страны столь обширной, как целый континент.

Конец второго выпуска

ОГЛАВЛЕНИЕ

II

Экономика

Принципы и структуры

Основные секторы

Рост

III

Культура

Культурная инфраструктура и литература

Искусство

Гуманитарные науки

Спорт и туризм

ВЕЛИКИЙ ВЫЗОВ

Сравнительная энциклопедия
США — СССР
Том I, выпуск II, США

Редакторы *В. С. Павлов, Н. И. Найденова*
Технический редактор *В. С. Павленко*
Корректор *Т. А. Шустина*

Сдано в производство 15.V 1969 г.
Подписано к печати 4.VIII 1969 г.
Бумага $60 \times 92^{1}/_{16}$=9,0 бум. л.
Печ. л. 18. Уч.-изд. л. 17,73
Изд. № 21/5121. Заказ № 36

Издательство «ПРОГРЕСС»
Москва, Зубовский бульвар, 21

С/Ц